

Александр Никонов

***ОТ КНЯЗЕЙ
ДО ХОЗЯЕВ***

**Развитие Мулловской мануфактуры
с XVIII века с экскурсами в историю
симбирского Заволжского края**

2006 год

НЕОБХОДИМОЕ АВТОРСКОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Настоящая книга родилась как бы случайно и одновременно закономерно, как чаще это и происходит в жизни. В конце 2005 года совершенно при случайных обстоятельствах мне довелось встретиться с Никитиным Евгением Александровичем, исполнительным директором одного из предприятий Мелекесского района. В разговоре я узнаю, что ЗАО “Матеко”, бывшее ОАО “Мулловская суконная фабрика”, бывшая Мулловская суконная фабрика и Мулловская мануфактура, в эти самые дни отмечает свое двухсотдвадцатилетие. Я прикинул в уме — значит, становление предприятия происходило аж при Екатерине Великой! Какая, наверно, богатая и непростая история этого старейшего и крупнейшего прежде в Среднем Поволжье предприятия, сколько же разнообразных событий должно было произойти за это время. Разве неинтересно было бы узнать читателю, что и как происходило с поселкообразующим предприятием Муловки за два с лишним столетия, а?

Да разве это только история предприятия! Не на пустом же месте оно образовалось. Ведь там жили люди, а люди жили в каком-то поселении. А как и когда образовалось это поселение? Ведь даже у однодневной бабочки есть своя история жизни, которая, правда, длится всего от рассвета до заката одного дня. У каждого человека на земле тоже своя жизненная история, которую так любят смаковать разные писатели, философы и психологи. Есть она и у фабрики.

Одним словом, в разговоре с Евгением Александровичем мы забрели в такие исторические дебри, когда, что называется, чем дальше в лес, тем больше дров. И загорелись мы желанием создать своеобразную летопись Мулловской суконной фабрики, а заодно проследить историю самого поселения и всего мулловского края.

Дело, что называется пошло. Мне пришлось обложиться книгами, материалами, которых оказалось не так-то и много, и мое воображение повело меня в прошлое. Конечно, помогала мне в этом Муза Истории — Клио, единственная дама из девяти сестер, которая только одна могла, словно машина времени, совершать экскурсии в прошлое, помогать, подсказывать, корить или хвалить меня.

Большая часть материалов оказалась, что называется, с душком социалистического прошлого, в которых нещадно ругали и поносили эксплуататоров и рассказывали о тяжелом и невыносимом существовании рабочего человека и крестьянина. Со многим можно согласиться, была и эксплуатация, и рабское крепостничество, и тяжелый полусуточный труд, и нищета. Но были и люди, заинтересованные в том, чтобы Россия была сильной и процветающей страной. История не разбирается, каких принципов и идеалов придерживаются люди, она только вписывает в свои бесконечные анналы события, которые они творят.

Еще в недавнем времени раздавались (да и сейчас иногда раздаются) призывы не переписывать историю: мол, что было, то было. Согласен, потому что убежден, что историю переписать невозможно, как бы этого кому-то ни хотелось. А вот трактовать ее в угоду своим интересам или политическим взглядам — то здесь “умельцев” много. Советские историки и политологи по всякому изгалялись над историей, и это мало кого смущало: они действовали по правилу — кто у власти, тот и прав. И это не ново. Еще во времена Киевской Руси разные удельные князья и князьки пытались переписывать исторические летописи, чтобы восхвалять себя, любимых, и очернять того или иного соседа.

Или возьмем период гражданской войны. Для советской власти белое движение было лютым врагом, и это так, а для истории это был лишь очередной ее участник. А чем виновато было богатое крестьянство, так называемые кулаки, кормилицы всей страны? Только тем, что не хотели отдавать власти кровно заработанное? Но и они оказались врагами для коммунистов. Разве это верно?

Одним словом, автор старался быть беспристрастным и объективным. Как это получилось, судить Вам, дорогие читатели. А я, честное слово, приложил все свои потуги, чтобы получилось правдиво и интересно. Сей труд, конечно, не претендует на серьезное академическое исследование с бумажными, нудными цитатами из документов, чтобы подчеркнуть мою компетентность, это всего лишь путешествие в не такое далекое по исторически меркам прошлое на основе того, что удалось найти. А, может, удастся заглянуть и подальше? Как знать, посмотрим.

Ну, ладно, хватит разбрасывать словесную шелуху, приступим к делу.

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА МУЛЛОВСКАЯ ЗЕМЛЯ?

Конечно, сначала нужно узнать, как и когда возникла Мулловка, а потом уж говорить, как возникло Мулловское суконное предприятие. Современная история местности, где расположен поселок, началась, по всей видимости, с сооружения Закамской укрепленной черты, которая зачиналась в районе современного Белого Яра, шла вдоль правого берега Черемшана до среднего течения реки Камы. Строительство началось в 1652 году и закончилось в 1656. Сначала у самого берега Волги соорудили крепость Белый Яр, затем по черте стали строить промежуточные укрепления — остроги Ерыклинск, Тиинск, Ново-Шемшинск и так далее.

А предыстория строительства Закамской укрепленной черты такова. Утомленное набегами заволжских кочевников — ногайцев, башкир, также угрозами казанских и астраханских ханов выйти из подчинения Москвы а крымскими ханами овладеть Средним Поволжьем, Россия решила чинить от врагов препону, чтобы дикие орды и завоеватели не разоряли села, деревни и города, не уводили в полон крестьян, ремесленников и служилых людей. Посему царь Алексей Михайлович, по прозвищу Тишайший, великий князь и государь всея Великая, Малая и Белая Руси самодержец, повелел строить на Средней Волге укрепления, называемые засеками, чтобы преградить путь диким ордам кочевников.

Заселение нашего края русскими людьми началось еще при Иване Грозном. Именно тогда появились у нас первые города Чебоксары (1556), Самара и Уфа (1586), Царицын (1589) и другие. Но после “смутного времени” начала семнадцатого века, когда началась борьба боярских группировок за пустующий царский престол, а поляки захватили Москву, когда страну разоряли авантюристы-самозванцы, колонизация нашего края почти прекратилась.

Вот тогда-то новая царская династия Романовых решила укреплять свои рубежи на Средней Волге. Началось это в первые десятилетия семнадцатого века. Сначала появилась засечная укрепленная линия между Тетюшами и Алатырем, затем между Ундорами и Промзино (ныне Сурском). Затем линии стали появляться еще южнее, что давало возможность осваивать новые территории. Некоторые из этих линий тянулись на сотни километров, которые укреплялись городами-крепостями, острогами, при которых несли службу разъездные сторожи. Эти разъезды выдвигались за засечные черты, контролируя все степные дороги, по которым могли передвигаться ногайские и башкирские орды, и при их приближении сообщали о надвигающейся опасности в ближайшее поселение.

Что же из себя представляли засечные черты? Там, где был лес, завалы создавали, подрубая деревья на высоте нескольких аршин и валя их вершинами в ту сторону, откуда была наибольшая вероятность появления врага. Чтобы эти завалы не могли растащить, срубленные деревья от пней не отделяли. На открытой местности насыпали высокие земляные валы с надолбами, частоколами и глубокими рвами, которые, если была такая возможность, заполнялись водой. Все эти засеки и валы соединялись и естественными преградами: реками, озерами, болотами или глубокими оврагами.

Кроме уже упоминавшихся укреплений позднее стали появляться новые. Воевода Хитрово в 1647 году начал сооружение так называемой Симбирско-Карсунской засечной черты, которая строилась около семи лет. С ее строительством появились новые укрепленные остроги — Аргашский, Тальский, Сокольский, Малокарсунский, Карсунский, Уренский, Тагайский и Юшанский. В те времена, а именно в 1648 году, был основан город Симбирск (ныне Ульяновск), наш областной центр.

Но Заволжье с его плодороднейшими землями и богатыми выпасами так и оставалось вотчиной кочевников. Это место так и называли — “ногайское дикое поле”. Они здесь пасли свои косяки лошадей, стада и отары и чувствовали себя полными хозяевами, иногда делая набеги даже на левобережье Камы, разоряя местные поселения, уводя

скот и пленников. И противостоять им здесь было некому, потому что междуречье Черемшана и Камы в те времена почти обезлюдело. Лишь на Малом Черемшане и прилегающих к нему землях сохранялись татарские деревни. По мнению нашего известного димитровградского краеведа и писателя Касимова Феликса Дмитриевича, который очень серьезно занимается историей нашего края, эти поселения сохранились и до нашего времени. Это такие села, как Альмурзино, Аппаково, Бурнаево, Боровка, Шибаша, Старый Баран, Верхнее Алькеево, Юрткули, Ямбухтино и другие.

Пришло время осваивать левый берег Волги. Вот тогда-то и появилась Закамская укрепленная линия, с которой мы и начали эту главу, а затем Усольская и Сызрано-Пензенская, которые охраняли новые владения на правобережье. А кто же строил Закамскую укрепленную линию, если, как утверждают историки, в этих местах было безлюдье? На строительство привлекались работники Казанского воеводства, которые набирались по указу среди местных жителей. Сначала брали по одному человеку от трех дворов, а затем по одному — от шести дворов. По некоторым сведениям, на строительство Закамской черты одновременно привлекалось до нескольких тысяч человек.

Даже в те далекие от нас времена строительство велось не “на глазок”, как думают до сих пор, а по “рописи и чертежу”. История оставила и имена людей, которые проводили разведку и обозрение местности и которые указывали, какие “города и жилые и стоялые остроги, и всякие засечные, земляные и деревянные крепости” сооружать. Это были служивые люди Степана Змеева и Григория Львова. Строительство по тем временам было грандиозным, потому что работы велись не последовательно, а сразу в нескольких местах.

Во время строительства одновременно приходилось защищаться от набегов диких орд, которые крутились вокруг, чтобы оторвать жирный кусок ускользящей от них добычи. Вот как, например, описывается это в “Усольской летописи”: “...татары многократно делали набеги на новостроенный город... для битвы и плена людей. На ней (на горе) стоял большой шалаш вроде башни, наверху коей висел маяк — большой дегтярный лагун. Дневной караул... во время полевых работ был там неотлучно и надзирал за движением... кочующих. Работающие... посматривали на маяк, и как скоро кто замечал, что маяк задымился... ворота крепостцы запирались, пищаль-пушка заряжалась, и... ожидали неприятных гостей”.

Вот что пишет, например, исследователь Симбирской губернии, первый директор народных училищ Т. Г. Масленицкий в своем “Топографическом описании...” о городе Сенгилее: “Селение, где учрежден оный город, известно с XVII столетия по старинным козакам, которые в пригороде Белом Яру, лежащем на луговой стороне Волги, и в сем городе отправляли службу как в отдельных посадах для примечания движения азиатских народов, чинивших нападения на российские границы. Ибо лежащие за симбирской чертой земли принадлежали тогда крымским татарам...”

Некоторые не успевали укрываться за стенами крепости. Например, в середине прошлого века у Карсуна была обнаружена размытая дождями могила семнадцатого века, в которой лежали три скелета — женский и два детских, на которых были следы сабельных ударов. По всей видимости, во время одного из налетов они не успели укрыться в городе.

А что же представляли собой остроги и крепости? Например, Ерыклинская крепость напоминала четырехугольник с размерами сторон в 109 и 88 метров. Укреплена она была четырехметровым частоколом из заостренных бревен, которые, в свою очередь, были врыты в так называемый тарасный вал, сооруженный из ящичков, наполненных камнями. Эти ящички и называли тарасами. Всего было шесть сторожевых башен с вышками высотой семнадцать метров, откуда, как утверждали очевидцы, можно было “в степь видеть на пять верст”. Две башни имели ворота, на одной висел “вестовой го-

сударев колокол” (вспомните дегтярный лагун из “Усольской летописи”). Вокруг крепости был вырыт глубокий ров, наполняемый водой. Если сложить глубину рва (около четырех метров) и сложить с высотой башен (семнадцать метров), то получалось солидное защитное сооружение в двадцать один метр, которое не так то просто было преодолеть. В современных размерах это высота семиэтажного дома.

Теперь посмотрим, чем же были вооружены наши дальние предки. По свидетельству того же краеведа Ф.Касимова, в крепости Белый Яр, например, имелось “...3 пищали медные в станках на колесах, пищаль фунтовая, к ней 30 ядер, 2 пищали четырехфунтовые, к ним 50 ядер и 9 пуд 20 гривен зелья пушечного, 3 пищали полковых, к ним 89 ядер пушечных, 3 пуд зелья ручного, свинцу тож, 405 самопалов.”

Со времени строительства Закамской укрепленной линии прошло три с половиной века, а свое оборонительное и стратегическое значение она утратила еще в середине восемнадцатого века, когда была построена вторая Закамская (или Новозакамская) черта, которая, начинаясь у устья реки Большой Кинель, тянулась на север до села Красный Яр, затем поворачивала на северо-восток, проходя по левой стороне речки Сок до Сергиевска, а затем через Черемшан до реки Кичуя. Таким образом, она закрыла пространство от Волги до верховьев Черемшана, прикрывая все зачеремшанье. Но и сейчас нет-нет да и можно заметить остатки засечных черт и валов у Боровки, Тиинска и Белого Яра. Есть такое место и у Мулловки. Если ехать в сторону Ульяновска, то всего в двух километрах на гребне Мулловской возвышенности можно увидеть следы древнего вала. Усилиями и при энтузиазме того же димитровградского краеведа Феликса Касимова здесь был установлен памятный знак, напоминающий нашим современникам об этом очень важном, можно сказать, этапном событии в жизни нашего края.

МУЛЛОВКА, СОСНОВКА, РОЖДЕСТВЕНСКОЕ?

А откуда же и с каких времен появилось само население — Мулловка. Точную дату возникновения села по архивным данным историкам установить пока не удалось, но несомненно одно, что зарождение поселения связано с постройкой Закамской укрепленной линии. Предприимчивые люди, переселенцы, беглые крестьяне и “старокрещенцы”, как тогда называли старообрядцев, бежавших от притеснений патриарха Никона, не дожидаясь окончания строительства укреплений, уже в начале второй половины семнадцатого века заселяли пустующие плодородные земли. Почему у автора такая уверенность?

Давайте порассуждаем. Так, в “Межевой книге князя Меншикова” в Черемшанской волости, принадлежащей в то время сиятельному графу, в 1706 году “по велению Казанской канцелярии были поселены села Никольское-Черемшан, Богородское-Грязнуха, Архангельское-Городище, Рождественское-Сосновка, деревни Золотаревка и Красный Яр.” 1706 год??? Сомнительно. Отметим, что Рождественское-Сосновка есть не что иное, как современная Мулловка! Откуда такая уверенность, спросите вы. Есть один интересный документ: “Ведомость о суконной фабрике, принадлежащей жене гвардии капитана Княгине Екатерине Петровне Трубецкой, находящейся в Самарской губернии, Ставропольского уезда при селе Рождественском-Мулловке, Сосновке тож” за 1863 год. Заметим, Рождественское-Мулловка, Сосновка тож! То есть в середине девятнадцатого века это было одно поселение.

Если Мулловка “поселена” не в 1706 году, то когда же? Историки утверждают, что уже в середине шестнадцатого века вся Волга, вплоть до Астрахани стала русской рекой и восточной границей российского государства. Одним из таких опорных пунктов была Самара. Значит, все Зачеремшанье с постройкой Закамской засечной черты было как бы зажатым между двумя этими опорными пунктами. Вряд ли в середине

семнадцатого века здесь вольно гуляли кочевые орды. По некоторым сведениям, кочевники смогли пересечь Закамскую черту лишь однажды в 1654 году, да и то только в верхней ее части, по трассе Нурлат-Биляр-Чистополь. Тогда они разорили и разграбили многие поселения и снова ушли в “дикие степи”. Но им дали достойный отпор, и с тех пор они появлялись в наших местах разве что для разведки.

В конце семнадцатого века уже возникли такие села, как Рязаново(1694), Лебяжье Озеро и Быкова Поляна(1692). А ведь это далеко за Черемшаном, на ногайской стороне. Так неужели поселение (или поселения) в районе современной Мулловки возникли позже? Это под самой укрепленной чертой, на месте, защищенном реками Черемшан, Сосновка и Мелекеска? Сомнительно. Мои сомнения подтверждают и авторы книги “Край Ильича”, изданной в Саратове в 1980 году. В описании рабочего поселка они пишут, что “Мулловка — фабричный поселок, сохранивший название татарского села, возникновение которого относится ко второй половине XVII века...” В своих примечаниях к книге “Страницы истории” Михаил Сударев тоже пишет, что “точная дата основания села не установлена. Возникновение его можно отнести к последней четверти XVII века”. И тут я с ними согласен.

В “Межевой книге князя Меншикова” отмечается, что села “поселены”. К значению этого слова нужно относиться с осторожностью, ведь три столетия назад оно могло иметь совсем другое значение. Возьмем в руки самый компетентный источник — “Толковый словарь живого великорусского языка” Владимира Ивановича Даля и заглянем в него. Смотрим значение слова “заселять”: занимать место под селение; устраивать жилища, оседлость на пустопорожном месте; водворяться или водворять других. Другое однокоренное слово “населять”: налюднять, заселять, поселять, водворять жителей; занимать землю или место своим водвореньем, под поселенье. А теперь посмотрим значение слова “поселять”: селить, давать кому оседлость, водворять, велеть жить навсегда, и притом с отводом места, земли”.

Казалось бы, на первый взгляд эти слова имеют равнозначное значение. Но есть и разница. Заселять — значит устраивать жилища, оседлость на пустопорожном месте. Населять — занимать землю или место своим подворьем, под поселение. Иное значение имеет слово “поселять”. Здесь Даль особо отмечает, что “поселять” — это значит водворять (кого-либо), велеть жить навсегда. И еще Даль отмечает, что поселенье — это заселенное место, жилое, где поселены люди, селенье, сельбище. И он не отмечает, что это должно производиться на пустопорожном месте. Вернее всего, на то место, где уже жили люди, Меншиков решил перевезти, поселить крестьян из других своих сел и поместий. Подтверждением этому может служить цитата из той же книги Сударева: “Приказал князь прудить реку и строить мельницы. Работы эти оказались непосильными для жителей Мулловки. В селе проживало всего 136 душ. Пришло распоряжение переселить в Мулловку крестьян из других селений. И тогда перевели 179 душ из Грязнухи и 34 души из Городищ”. Не о таком ли “поселении” говорится в “Межевой книге князя Меншикова”?

Наш краевед Ф. Касимов приводит и еще несколько интересных фактов. По писцовым книгам Казанского уезда известно о крестьянской общине некоего Федора Попова, который вблизи Камы основал поселения Челны и Бережная, впоследствии давшими название современным Набережным Челнам. Так вот после окончания строительства Закамской оборонительной черты сюда из этой местности были принудительно переселены все жители. В царском указе говорилось:”... села Челнов деревень и починков крестьян и бобылей, и стрелецких детей, и братию, и племянников, и захребетников переписать до одного человека, а переписав повести на Закамскую черту в новые города и остроги, и устроить их в тех новых городах и острогах на вечное житье”. В 1656 году 50 семей отправили в Новошемшинск, 150 — в Тиинск и 150 — в Ерыклинск.

Итак, в Ерыклинск отправлено 150 семей. Много это или мало? А давайте посчитаем вместе. Если, по самым скромным меркам, в семье было по четыре человека, то получается, что переселено было около шестисот человек. Так куда же разместили это скопище? Ерыклинская крепость была небольшой, размером всего 88 на 109 метров, то есть общей площадью девять с половиной тысяч квадратных метров. То есть на каждого человека приходилось шестнадцать квадратных метров. Но ведь были и стрельцы, которые несли караульную службу, и крестьяне, и обслуга. Наверняка большую часть крепости занимали и строения. Разве на таком ограниченном пространстве возможно разместить такое количество людей? Ответ однозначен. А это значит, что переселенцы размещались у засечной черты, чтобы осваивать новые земли, потому что деваться им было просто некуда.

Рассмотрим еще один интересный факт, относящийся к теме нашего разговора. В 1717 году неким А. Извековым по приказу князя Меншикова была сделана карта “Земли около Ерыклинска”. Понятно, что составлена она была без всяких геодезических инструментов, что называется, “на глазок”, тем не менее, карта дает представление, как выглядела эта местность в начале восемнадцатого века. Некоторые участки этой карты утрачены, но все же на ней четко обозначена Закамская засечная черта с городом Ерыклинском, в междуречье между речками Ерыклой и Сосновкой обозначены Сосновские заводы, село Рождественское-Мулловка и село Выборных солдат Сосновка. Что особенно интересно, уже в 1717 году в Мулловке была церковь. А церкви, как известно, на пустом месте не строились. А это, в свою очередь, говорит о том, что Рождественское-Мулловка — село более древнее, чем принято считать.

Особый интерес представляет село Выборных солдат Сосновка. Что же это за село и откуда оно взялось и, главное, когда оно образовалось? И что это за выборные такие? А давайте снова сверимся у того же Даля. Итак, выборные в его словаре — это “отборный, самый лучший, выбранный; избранный, назначенный куда по выбору общества”. Очевидно, что после того как у стрельцов и солдат пограничной стражи заканчивался срок службы, их нужно было куда-то определять. Видимо, за особые заслуги им (выборным солдатам, проявившим себя на ратном поприще) выделялись земли неподалеку от крепостей, где они и оседали. Как правило, неженатые, они осваивали эти земли, женились, обзаводились семьями и оставались на постоянное жительство.

В книге “Прошлое нашего края” в примечаниях к документам под номером 33 авторы пишут, что “Выборного полку солдаты — выбор, выборные дворяне назначались из детей боярских и служилых людей, определяемых на службу по установленной очереди и на известное время”. В одном из документов “...о записи казаков Потьминской слободы Карсунского уезда в солдаты и об отводе им земли” от 12 ноября 1684 года говорится, что “...и великим государем пожаловати их велеть им за их службу, и за кровь, и за раны служить... солдатскую службу..., и землю и санными покосы владеют..., которую пожалованы они ныне в тех же гранях и урочищах и которая есть порозжая земля. И дворами своими владеть по-прежнему. И велеть их написать в поместных и денежных окладах синбирскими выборного полку солдаты...”

Когда же появилось или могло появиться такое поселение? Иногда сухие цифры исследователям могут рассказать больше, чем иные факты, документы или предметы, поэтому давайте снова считать. Итак, считается, что Закамская черта окончательно была построена в 1656 году. Сколько служил тогда стрелец или солдат — лет двадцать пять, не больше. Это значит, что выборным такой служака мог стать в 1681 году. В это время ему могло быть ну никак не меньше сорока трех лет. Но ведь солдат мог прийти на засечную черту и с большим послужным “стажем”, отслужить свой срок и раньше, допустим, к шестидесятым или семидесятым годам семнадцатого столетия. Таким образом, солдатское поселение могло появиться всего лишь несколько лет спустя после постройки Засечной линии.

Отсюда следует вывод, что первые поселения у Большого Черемшана могли появиться сразу же после окончания строительства оборонительной черты, потому что кроме беглых крестьян, разного рода авантюристов, разбойников и преступников на новых землях могли селиться и предприимчивые люди. Во - вторых, уже в 1656 году в Ерыклинскую крепость из Челнов были переселены большие массы крестьян, которые не могли разместиться в самой крепости. Конечно, они могли селиться и за чертой, но никто не может утверждать, что они не могли селиться перед самой чертой. В третьих, так называемые выборные солдаты могли селиться на пустующих землях уже в шестидесятых годах семнадцатого века, обживать эти места и одновременно нести сторожевую службу, исполняя роль передового поста, который извещал бы в крепость о появлении возможного врага.

Конечно, это только авторские предположения, сделанные на основе имеющегося материала по истории мулловского края, но и опровергнуть их нелегко. Устанавливать время возникновения того или иного поселения — это дело архивистов, историков и краеведов, для которых истиной становится тот или иной документ, где черным по белому написано, что такое-то поселение возникло в таком-то и таком-то году, но нельзя списывать со счетов и имеющиеся сведения. Но это в обязанности автора и не входило.

Интересно и возникновение название поселения. Здесь очень много путаницы. Так, в “Межевой книге земель князя Меншикова” от 1706 года говорится, что “... по велению Казанской канцелярии были поселены села... Рождественское-Сосновка...” На карте “Земель около города Ерыклинска”, составленной в 1717 году, село обозначено уже как Рождественское-Мулловка, а в нескольких километрах ниже по речке есть село Выборных солдат-Сосновка. В “Ведомости о суконной фабрике”, принадлежащей княгине Трубецкой, село официально именуется Рождественская Мулловка, Сосновка тож. Где же здесь истина?

По-видимому, первым было все же поселение Выборных солдат, названное по речке, где оно располагалось. Рождественское поселение, или “починок”, было названо, вернее всего, гонимыми “старокрещенцами” или аббакумовцами (старообрядцами), переселившимися сюда после раскола церкви. В те времена поселение часто называлось по именам святых и названиям христианских праздников, в честь которых строилась церковь (Архангельская, Никольская, Спасская или Рождественская). И часто у таких поселений было двойное название, например, Никольское-Черемшан, Богородское-Грязнуха, Архангельское-Городище и т.д. Позднее появились Сосновские заводы. А затем все эти селения оказались в одном административном подчинении и получили название Рождественская Мулловка, Сосновка тож.

Это можно подтвердить и тем, как образовывался посад Мелекесс. Еще в начале девятнадцатого века, судя по “Геометрическому уменьшенному плану Ставропольского уезда” от 1801 года единого поселения Мелекесс тогда не существовало. Вдоль реки Мелекесски и большой дороги из Симбирска в Уфу существовало несколько поселений, это: деревня “Старый чувашский Миликес”, “Казенный винокуренный миликесский завод”, у которых на другом берегу речки позже образовался поселок Мелекес-Завод, затем “Казенная мельница что у трех прудов”, “Казенный винокуренный масленников завод” и “Село Покровское Миликес тож.”

А откуда же тогда появилось современное название поселка — Мулловка? Почему-то современный обыватель связывает название поселка со словом “мулла”. По-видимому, прав наш известный краевед Михаил Сергеевич Сударев, уроженец села Старая Бесовка, посвятивший родному краю очень много статей и книг, предположивший, что название Мулловки пошло не от слова “мулла”, а от слова “мул”. Так как в течение столетий эта земля принадлежала татарам, на их языке слово “мул” в переводе на русский язык обозначало “обильный, просторный”. Потому-то первые царские пере-

писчики и добавили к первоначальному названию деревни Рождественская слово “Мулловка”, чтобы не путать его с другими поселениями, ведь в этих краях уже имелось очень много селений, имеющих одноименные придаточные названия, например, Рождественская Майна, Рождественская Бесовка, Рождественская Кондаковка и так далее.

А может быть, мы ошибаемся? Проверим, есть ли такие топографические названия в других местах, связанных с компактным проживанием тюрского населения. Да, есть и были. Например, в восемнадцатом веке в Кунгурском уезде недалеко от Перми было село Мулы (Мулинское), другое их название Верхние Мулы или Верхомулинское, в Казахстане до сих пор есть селение Мулалы, в Томской области — Мулешка, в Узбекистане — Муллалыкудук, а в Ханты-Мансийском автономном округе есть река и селение под названием Мулымья.

I ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Наша нетерпеливая муза истории ведет нас в прошлое, более глубокое и загадочное, более древнее и интересное. А что же происходило на Мулловской земле до строительства Закамской засечной черты? Что за люди здесь жили? Чем они занимались?

После победы русских войск на Куликовом поле великая и могучая Золотая Орда фактически перестала существовать. Многочисленные князья, потомки Чингис-хана и просто самозванцы, не обладавшие правопреемством, вроде Тимура Хромого-Тамерлана, разделили некогда могущественную державу на улусы, ханства и царства. Один из самых влиятельных золотоордынских князей Улу-Мухаммед объявил о своей независимости, присвоил себе титул хана и со своим трехтысячным войском ушел в пределы Булгарского царства, которое существовало на Средней Волге. За войсками, словно нитка за иголкой, шли вереницы и караваны семей воинов с кибитками и стадами. Это произошло в 36-37 годах пятнадцатого века.

Улу-Мухаммед пришел сюда, конечно, не с дарами, а с мечом и кровью. Таким образом на остатках когда-то могущественного и процветающего Волжско-Камского булгарского государства появилось Казанское ханство, получившего название от своей новой столицы Казани, или Новому Булгару (Правда, современные историки и археологи утверждают, что столице Татарстана более тысячи лет). В состав новообразованного ханства кроме самих татар вошли также болгары, мордва, чуваша, удмурты, марийцы и другие народности. Границы ханства простирались от Суры на западе до реки Белой на востоке, от Ветлуги на севере до Сызранки на юге. Поэтому и наш мелекесский край входил в то время в Казанское ханство.

В первые десятилетия между Русским государством и Казанским ханством установились добрососедские отношения. Так как Русь нуждалась в волжском и сухопутном караванном пути, необходимом для торговли с ближневосточными и среднеазиатскими странами, постепенно между двумя государствами устанавливаются политические и экономические связи. Между Казанью и Русью велась оживленная торговля. Русские купцы закупали у татар лошадей, мед, кожу, меха, а те, в свою очередь, везли в Казань ремесленные изделия, хлеб и другие сельскохозяйственные продукты. В Казанском ханстве даже возникают постоянные русские поселения. Один из летописцев писал: “На тот же день съездяхуся в Казань изо всея Русская земли богати купцы и многия иноземцы дальния и торговаху с Русью великими драгими товарами...”

Однако уже через столетие отношения между соседями резко ухудшились. Правда и за 107 лет существования ханства казанские воеводы десятки раз ходили на Русь, производя “бесчисленные пленения и кровопролития”. Но тогда Русь была еще слаба, и ей приходилось терпеть грабежи и унижения. Особенно лютовал правитель Казанского ханства Софи-Гирей (Сахиб-Гирей), который был связан с Крымом и Тур-

цией. И тогда в русских летописях зазвучал уже иной тон: ”(Казань) допекала Руси хуже Батыева разорения; Батый только один раз протек Русскую землю, словно горящая головня, а казанцы беспрестанно нападали на русские земли, жгли, убивали и таскали людей в плен.” В 1551 году в Казани находилось более ста тысяч русских пленников. В “Казанском летописце” писалось, каким страшным мучениям и унижениям подвергались пленники: ”Православнии же крестьяня по вся дни казанскими сарацыны... в плен ведоми бываху, и старым и непотребным им очи избодаху, и уши и нос и уста обрезаваху, и зубы изкореневаху, и ланита выламляху... Не хотящих же веры их прияти, убиваху, и овех яко скот толпами привязанных держажу, и на торгу продаваху...”

Первым, кто решился “привести в покорность” Казанское ханство, стал царь всея Руси Иван IV по прозвищу Грозный, и уже 2 октября 1552 года Казань пала. После разгрома Казанского ханства через несколько лет было присоединено к Руси и Астраханское царство. Волга от истоков до устья стала русской рекой.

Здесь мы на время распрощаемся с нашей путеводительницей по истории Клио и вернемся к основной теме нашей книги.

ПЕРВЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

Первые вольные поселенцы мулловского края занимались, в основном, хлебопашеством и скотоводством, охотой, рыбалкой, вели “бобровые гоны”. А чем же еще можно заниматься в таких обильных и девственных местах, где текли быстрые и чистые реки, где росли вековые леса, изобиловавшие зверем и птицей, где были обширные, почти нетронутые заливные луга и прекрасная, плодороднейшая земля. Про такие места обычно говорили: ”Воткни сухую ветку — дерево вырастет”. Но такие лакомые кусочки империи не могли долго оставаться без хозяина. Сюда ринулись различные монастыри, помещики, царские фавориты и предприимчивые люди.

Местные природные богатства поражали не только новых хозяев, но и монарших особ. Так, Екатерина Великая, путешествуя по Волге в 1764 году, в своих записках писала: ”Хлеб всякого рода так здесь хорош, как еще не видели; по лесам уже везде вишни и розы дикие, а леса иного нет, как дуб и липа, земля такая черная, как в других местах в садах на грядке не видят... я от роду таких рыб вкусом не едала, как здесь, и все в изобилии.”

Правители России и новые помещики всячески старались “крепить” свои новые владения, держать “в крепости”, то есть в повиновении своих подневольных людей. От этого термина и пошли слова “крепостник”, “крепостничество”, которые в те времена не имели такого отрицательного значения, как в наши дни. Поэтому новоосвоенные земли стали постепенно переходить в руки богатых и влиятельных людей. После прихода к власти Петра Первого и его Азовских походов по его указу “служилые люди казаки, засечные сторожи и станичники из Низовых городов: Симбирска, Саранска, Инсара и Пензы, которые в уездах тех же городов были устроены землями и поселены были слободами, всего 3007 с женами и детьми должны быть переведены на вечное житье в Азов”. На освободившиеся земли ринулись новые владельцы.

Так, в 1710 году Петр Великий пожаловал своему фавориту А. Д. Меншикову огромное по своим размерам владение, простиравшееся от Усолья на Самарской Луке до Черемшана, куда входило несколько монастырских и дворцовых имений с их плодороднейшими землями, соляными варницами и крестьянами. Таким образом, и мулловские земли вошли в вотчину сиятельного графа. По “ревизским сказкам помещиковых и монастырских крестьян Казанского уезда Ногайской дороги Закамской стороны” Меншикову, кроме Мулловки, принадлежали села Никольское-на-Черемшане, Городище, Грязнуха (ныне Приморское), Новодевичье, Усолье, деревни Золотаревка, Красный Яр и другие.

Но еще раньше по речке Сосновке была построена мельница, очевидно, самая первая на этой земле. Еще в 1699 году некий симбирский купец Иван Злобин приехал к ерыклинским солдатам, владевшим этими землями, и каким-то образом (то ли посулами выгод, то ли выкупом) уговорил их уступить ему часть земель (650 десятин пашни и 175 десятин сенокосных угодий). Здесь-то он и построил мельницу. Частные владения несколько лет спустя у Злобина, скорее всего, перекупил симбирский купец Осип Твердышев.

Интересна история возникновения купеческого рода Твердышевых. Говорили, что его отец, Степан Твердышев, во время осады Симбирска мятежными крестьянскими войсками Стеньки Разина был послан в Казань за подмогой. Но в пути он попал к разинцам в плен и был допрошен “с пристрастием и дыбой”. Но, видно, Степан оказался крепким орешком, он так ничего и не сказал о своем задании “супостатам”. Тогда Твердышева, оправдавшего свою фамилию, попросту утопили в реке. Этому подвига не забыли, и впоследствии царь Алексей Михайлович, получивший в народе прозвище Тишайшего, отблагодарил его семью разными подарками, а его сыну Осипу выдал редкую купеческую привилегию — право гостиной сотни.

В 1706 году на речке Сосновке купец Осип Степанович Твердышев построил винокуренный завод (а это значит, что в год написания этой книги Мулловский спиртзавод отметит свое трехсотлетие) со всем необходимым производством и подсобным хозяйством. Кроме “поварни” в него входили солодовня, бочарня, кузница, конюшня. Были построены и пруды, на которых предприимчивый делец поставил три мельницы, одна из которых сгорела и так и не была восстановлена.

Реформы конца семнадцатого века установила монополию на изготовление и торговлю всеми спиртными напитками. Поэтому все доходы шли в казну. Для собственного потребления и на продажу запретили делать зелие монастырям, крестьянам, посадским жителям, но некоторых помещиков, вотчинных и служилых людей в деревнях и селах этот указ не касался. Именно после такой реформы по всей Руси появились казенные питейные заведения — кабаки с вывеской с изображением государственного герба России — двуглавого орла, и украшенного елкой, означающих, что это заведение принадлежит государству. (Уж не отсюда ли происходит название Мелекесского пивзавода — “трехсосенский”? Ведь здесь располагались три пивных завода, каждый из которых наверняка имел свое пивное торговое заведение.)

Сосновский винокуренный завод располагался на левом берегу речки, хотя на карте “Земель около города Ерыклинска” два помещения этого завода обозначены на противоположном берегу. В описи строений этих заводов указывается на наличие амбаров и овинов. Краевед М.Сударев предположил, что в одном из этих помещений и могла начать свою историю Мулловская мануфактура.

С передачей мулловских земель в ведение сийательнейшего графа жизнь здесь круто изменилась. Твердышев, построивший винокуренный завод, по одним сведениям, просто испугался всемогущего Меншикова и, чтобы не конкурировать с ним, уступил его казне, по другой версии, завод был отобран в казну по приказу самого Меншикова. Его управители развили бурную деятельность и приказали закрепощенным крестьянам возводить пруды и строить мельницы. Работы оказались непосильными для сельчан, потому что здесь проживало всего 136 душ. И тогда в Мулловку стали сгонять жителей окрестных деревень и сел. Из Грязнухи перевели 179 душ, а из Городищ 34. В Центральном государственном архиве Древних Актов в документах о фондах Мануфактур-коллегии было указано, что в числе перемещенных лиц были “возвращенные из бегов от попа села Жадеевки Данилы Михеева” крестьяне Абрам Ильин, 50 лет, и сын его Федот, 18 лет, дети беглого крестьянина Алексея Остафьева — Кирилл и Петр, “вышедшие из полону” Владимир Иванов, 50 лет, и Петр Алексеев, 40 лет, которые“ за жи-

тием в полону в прежнюю перепись не написаны”. Уж не эти ли самые люди были “поселены” Меншиковым?

Видно, свободным до прихода нового помещика крестьянам не по вкусу пришли новые порядки, и они решили снарядить делегацию к светлейшему, чтобы просить его о послаблениях. Мулловские и Никольские крестьяне во главе старосты Семёна снарядили обоз и поехали в Санкт-Петербург.. В сентябре обоз возвратился домой, и староста рассказал, что видел светлейшего под караулом и получил два удара кнутом по спине. Вскоре после возвращения крестьян из столицы в село прискакал гонец, который вручил царскую грамоту с указом: отныне всех мулловских крестьян считать казенными людьми.

Купцам, владельцам частных предприятий, содержание заводов обходилось гораздо дешевле, ведь у них не было огромного штата чиновников и управителей — обычно всеми делами ведал сам хозяин, предпочитающий не выпускать вожжей управления из своих рук. На казенных же предприятиях, как правило, возникал огромный и неповоротливый бюрократический аппарат, состоящий из караульной охраны и так называемых “целовальников”, которые приобретали необходимое оборудование и сырье для производства, приказчиков и смотрителей, писцов и счетоводов. И все они подчинялись комиссарам, выбираемым из дворян. Всей этой тьме прихлебателей нужно было платить жалованье, которое увеличивало стоимость продукции и ослабляло его конкурентоспособность на рынке. Так, в 1748 году в Петербурге вино казенных заводов закупалось по 73-80 копеек за ведро, а у частных — по 65 копеек.

Известно, что князь Меншиков, кроме непомерного тщеславия, иногда вполне заслуженного, страдал редким стяжательством. Кроме всех титулов и званий, существовавших тогда в России, которые он получил за свои заслуги, Алексашка имел огромное, многомиллионное, состояние, сотни тысяч крепостных крестьян, десятки поместий с великолепными дворцами, нажитое махинациями и спекуляцией. Ради наживы он не брезговал никакими методами. После смерти в 1727 году царицы Екатерины I, супруги покойного Великого Петра, Меншиков сосредоточил в руках всю власть. В Верховном тайном совете, созданном во времена Екатерины I для помощи императрице “в тяжком ее правительстве бремени”, он был самым влиятельным вельможей.

При дворе началась борьба за власть. Воспользовавшись этим, Меншиков обвинил сподвижника Петра Первого, генерал-аншефа, сына португальского еврея, генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга, Дивиера Антона Мануйловича в заговоре против царской особы, добился его ареста и ссылки в Якутию. Чем уж так досадил Меншикову Дивиер, история умалчивает, но факт остается фактом. Мальчик-император Петр II, попавший под влияние светлейшего князя, выполнял все его прихоти. Но против него плели интриги не менее влиятельные князя Долгорукие, вице-канцлер Остерман и другие вельможи. В конце концов, всесильного Меншикова отправили в ссылку в сибирский город Березов, лишив его всех имений и богатств. Там он два года спустя и умер.

К чему такое отступление, спросите вы. А вот к чему. Судьба, как правило, очень капризная и изменчивая дама. В 1743 году Дивиер был возвращен из ссылки и восстановлен в своем звании. Видно, он был деятельным и неутомимым человеком, потому что даже в ссылке сумел основать штурманскую школу и даже участвовал в подготовке охотской экспедиции Беринга. Мало того, что он занял свое место в царской иерархии, так ему еще были отданы бывшие имения его обидчика Меншикова, в которую входила и Мулловка. Сам уже стареющий Антон Дивиер через два года скончался, и его наследники стали распродавать свои заволжские имения. Так, например, село Никольское купил помещик Яковлев, который, в свою очередь, перепродал его в 1759 году офицеру оренбургского гарнизона А. Ф. Дурасову.

Насчет Мулловки данные противоречивы. Одни историки утверждают, что Мулловку, в которой тогда было уже более ста пятидесяти дворов, вместе с людьми и 21304 десятинами земельных угодий купил поручик лейб-гвардии Преображенского полка Степан Григорьевич Мельгунов. По другим архивным сведениям, сын А. М. Дивиера, П. А. Дивиер, жил в своей Мулловской вотчине вплоть до 1773 года, где его и застала смерть. Но, вернее всего, Мельгунов купил свои мулловские земли уже после смерти Дивиера младшего. Кроме того, новый помещик взял у государственной казны и Соновский винокуренный завод.

Молодому еще поручику приглянулась дочь соседнего никольского помещика Дурасова, Екатерина Алексеевна. На свадьбе в качестве приданого и по завещанию она получила от щедрот отца 18557 десятин земли с 1600 крепостными в селах Новом Буяне, Николаевском, Федоровке и Сергеевке. Присоединив к своим поместьям это приданое, Степан Григорьевич Мельгунов стал одним из богатейших помещиков Заволжского края.

II ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Наша муза уже провела для нас небольшую историческую экскурсию во времена Казанского ханства. А теперь она поведет нас в еще более давние времена.

В начале тринадцатого века в Центральной Азии образовалась огромная империя Чингисхана. Начав свои завоевательные походы, они покорили Южную Сибирь, Северный Китай, среднюю Азию, Закавказье, Переяславское княжество, а потом повернули на северо-восток, к Волжско-Камскому болгарскому царству, которое давно привлекало ордынскую знать своими богатствами. В районе правобережья ныне Ульяновской области они переправились через Волгу и остановились в низовьях Черемшана.

Ханы Судебей и Джебе направлялись сюда с целью разведки, но болгары тоже следили за противником и готовились его встретить. И в конце концов сражение произошло совсем недалеко от Мулловки, в районе нынешних сел Озерки и Андреевки Чердаклинского района. Как писал современник завоевателей, арабский писатель Ибн-Аль-Асир: "Не было от сотворения мира катастрофы более ужасной для человечества..." Булгары устроили засады и, обманув врага, напали на них с тыла. По свидетельству того же писателя: "Поял их меч со всех сторон, перебито их (ордынцев) множество, и уцелели из них только немногие".

Но завоеватели не успокоились, в 1235 году на курултае было принято решение снова идти в поход на Европу. Огромное войско в пределах Булгарии соединилось с войсками улуса Джучи. Перед объединенными силами завоевателей Волжская Булгария противостать не смогла. Булгары призывали русских князей к объединению для борьбы с общим врагом, но раздробленность Руси не могла этому способствовать. Враг вторгся в цветущий край.

Каждое селение доставалось золотоордынцам ценой огромных потерь. Основные сражения произошли на подступах к столице Булгарии, на территориях нынешнего Старомайнского и Куйбышевских районов Татарстана. Как писал один из русских летописцев: "В лето 6744 (1236 год) ...придожа от восточные страны в Булгарскую землю безбожнии татары, и взяша славный великий город булгарский и избиша оружием от старца и до уного и до сущего младенца, взяша товара множество, а город их пожогша огнем, и всю землю их плениша". До основания были стерты с лица земли десятки поселений и городов, таких, как Булгары, Биляр, Сувар и Джукетау.

Но с конца тринадцатого века край, уже под игом Золотой Орды стал постепенно восстанавливаться. Булгарскую столицу отстраивали заново, в том числе и русские мастера. Архитектурные памятники этого времени в городе Булгар сближаются с памятниками русской архитектуры, хотя и с восточным уклоном. Позже город стали по-

сещать иноземные купцы, там даже был целый русский квартал со своими церквями. В Булгаре были погребены черниговские князья Михаил и Федор. Русские князья для установления дипломатических и экономических отношений заключали браки с родственниками местной знати. Так, князь Андрей Боголюбский женился на болгарке, князь Федор Ростиславич — на дочери золотоордынского князя Ногая. И все же в начале пятнадцатого века Великие Булгары были до основания и окончательно разрушены завоевательными походами московского князя Василия II.

ОСНОВАНИЕ МАНУФАКТУРЫ

Итак, мы с вами подошли к основной теме нашей книги — откуда и когда появилась в Мулловке знаменитая суконная фабрика. Первое промышленное предприятия в нашем крае появилось еще в пятнадцатом веке — боярин Б. Морозов построил маленький поташный заводик, продукция которого была необходима для выработки мыла и стекла. Уже к концу семнадцатого века в Симбирском уезде существовали мануфактурные предприятия, которые специализировались, в основном, на переработке местного сырья. Появились винокуренные, стекловаренные, поташные, кожевенные заводы, соляные варницы, водяные мельницы и т.д. В начале восемнадцатого века купец Масленников построил в Карсуне большую писчебумажную фабрику. Все предприятия, как правило, делились на государственные, или казенные, вотчинные и купеческие.

В “Топографическом описании Симбирского наместничества вообще и порознь городов и уездов и обитающих в нем инородцев”, составленном в конце восемнадцатого века Т. Г. Масленниковым, сообщается, что в Ставропольском уезде, куда входила и Мулловка, “...фабрик... не состоит. А винокуренные казенные заводы, состоящие под ведомством особо учрежденной в Москве при камер-коллегии винокуренной экспедиции: 1) при с. Кандале, 2) при с. Мелекесе, на которых выкуривается ежегодно вина до 150000 ведер...” Странно, что здесь не упоминается сосновский винокуренный завод.

Дата официального основания Мулловской суконной фабрики — 1785 год — установлена по ведомостям вотчинной конторы, поданным самарскому губернатору в Департамент мануфактур и внутренней торговли. Так ли это? Например, вдова помещика А. Ф. Дурасова Агафья Ивановна в 1768 году в своей деревне в Карсунском уезде открыла так называемую домашнюю мануфактуру на шесть ткацких станов. Крестьяне ткали полотно в своих избах. Не забудем, что Дурасовым принадлежала и Мулловка, где в те годы проживало около тысячи человек обоего пола. Могла ли она создать такую же мануфактуру и в Мулловке? Ответ неоднозначный, но больше склоняющийся к утвердительному.

Или в своей неопубликованной диссертации “Возникновение и развитие суконной промышленности в Симбирской губернии (1754-1880 г.г.) кандидат исторических наук И. С. Ромашин высказывает предположение, что Мулловская суконная фабрика основа княгиней Трубецкой в 1766 году. Автор ссылается на таблицу, опубликованную в книге немецкого историка Иоганна Германа “Статистическое описание России” от 1794 года. Правда, в документах Государственной Мануфактур-коллегии отмечается, что княгиня основала фабрику не в Ставропольском уезде, как писал Иоганн Герман, а в Старооскольском. Описка, ошибка?

Может быть, и были такие фабрики в Мулловке, но только они нигде не были зарегистрированы. Не забудем, что в начале семидесятых годов восемнадцатого века в наших краях гуляли пугачевские вольницы, которые могли сжечь и разорить все ненавистное им помещичье имущество. Так, например, в Алатырском уезде пугачевцы сожгли суконную фабрику генерала И.В.Левашова. А ведь они были и в наших краях, в том числе и в Мулловке.

В походной канцелярии атамана И. Ф. Арапова сохранилось объявление (заявление) “колокольных и пушечных экспедиций и литейных дел Леонтия Васильева сына

Соловьева”, приказчика заводчиков И. С. Мясникова и Я. Б. Твердышева, в котором он жаловался атаману, что “...минувшего ноября 27 дня 1773 году в первом часу дни, приехав в означенное село (Никольское, Черемшан тож) неведомо откуда калмык 120 человек с харунжим и со значком и напав на дом вышеописанных помещиков, грабежом из оногo взяли жеребцов: 11 вороных, одного пегова, кобылиц 14 разных шерстей, молодых жеребцов и кобыл разных же шерстей 120, коров з быками и с телятами 66, овец шленских и черкасских 360.” То же самое было и в Городищах, по другую сторону Черемшана. Можем ли мы отрицать, что пугачевцы могли побывать и в Мулловке?

И все же основание Мулловской суконной фабрики история приписывает, и, вероятно, вполне заслуженно, поручику лейб-гвардии Преображенского полка Степану Григорьевичу Мельгунову. Говорят, что после приобретения имения он так и продолжал служить в своем полку в Курской губернии, а в свои владения наезжал изредка, очевидно, только для того, чтобы “проревизировать” своих управляющих. А дела шли в Мулловке плохо: деревня была практически разорена и нищенствовала, Сосновский винокуренный завод был закрыт, задавленный более успешными конкурентами.

Видно, в одно из таких посещений перед выходом в отставку Мельгунов решил заняться делами: он приказал открыть вновь Сосновский винокуренный завод и установить в селе “станы для ткания сукон”. В каком году это было, установить вряд ли возможно. Но уже в 1784 году, за год до официальной даты основания фабрики, для будущей мануфактуры в село завезли закупленное в первопрестольной оборудование: пятнадцать прядильных колес и два чесальных барабана. Собрали самых лучших плотников для изготовления ткацких станов. Станы эти были похожи на обыкновенные домашние станы, на которых ткали ткани для собственных нужд крестьяне, но размеры их были гораздо больше: сажень в высоту и полторы сажени в длину. Конечно, для такого оборудования деревенские избы не годились, и потому вскоре были построены специальные помещения.

Все они располагались на плотине для механизации производственного процесса. Привод осуществлялся от мельничного колеса. В длинном здании установили прядильные колеса, чесальные барабаны, в отдельном здании — ткацкие станы, а на реке Сосновке сколотили желоба для мытья шерсти.

Помещик при основании фабрики, видно, учел все преимущества этого имения по сравнению с остальными своими поместьями. Кроме реки Сосновки, которая, при условии постройки плотин, таила в себе огромные запасы энергии, здесь был недостаток рабочей силы. К тому времени в поселении проживало около тысячи человек. Был здесь и доступный, дешевый строительный материал, ведь село окружали дремучие леса. Учел помещик и то, что совсем недалеко, через Городище, проходил Симбирский торговый тракт, связывающий Мулловку с центральной Россией и восточными ее областями. К тому же под боком был бурно развивающийся Мелекес, где часто устраивались базары и ярмарки.

Однажды утром все население Мулловки с женами и детьми собрали у конторы. Бурмистр объявил, что гоподин помещик набирает на фабрику людей, которые умеют заниматься ткацким ремеслом. Мужики побросали свои допотопные шерстобитные струны и встали к чесальным барабанам, женщин поставили за станины прядильных колес, которые имели не одно, а по двадцать и сорок веретен. Правда, на первом этапе прядильные колеса приводилось в движение вручную, и крутили их два человека. Так пишет краевед Сударев. А это означает одно: что в поселении уже было суконное производство, размещенное в крестьянских избах.

В первые годы на фабрике работало 56 человек. Шесть мальчишек пошустрее мотали шпули, столько же мальчишек постарше чесали шерсть, тридцать девушек пряли пряжу, а остальные работали на ткацких станах. Тогда было лишь шесть ткацких

станов, приспособления для возврата челноков на них не было, и к каждому ткачу приставляли помощника.

На фабрике работали, в основном, крепостные крестьяне и так называемые вольные мастера, имеющие опыт в прядильном производстве и привлекавшиеся со стороны. “Свои”, или крепостные работники, не получали ни денежной платы, ни кормовых денег, им выдавали лишь продукты питания и рабочую одежду, вольным мастерам платили задельную плату, выплачиваемую за определенную выработку.

Чтобы не случилось какого попустительства или ослушания, заводским рабочим объявили привезенный из Санкт-Петербурга “рабочий регул”. Это аналог современного распорядка дня предприятия, регулирующего часы работы, оплату труда и наказания. “Регул” гласил, что в летнее время — с 1 марта по 1 октября — рабочий день продолжался с четырех до двадцати одного часа, с перерывом на обед и отдыхом с десяти до двенадцати часов. Зимой — с 1 октября по 1 марта — на обед полагался лишь час, а работы прекращались в семь часов вечера, что было связано, видимо, с длительностью светового дня. По субботам работали с четырех до двенадцати часов.

Чтобы собирать рабочих в определенное время, повесили колокол, чтобы отбивать рабочие часы. Начальство строго следило, чтобы никто из работников не опаздывал и умышленно не звонил раньше положенного времени. Звонарям выдавались песочные часы. Опоздавших “хотя... на полчаса” и звонарей, нарушивших “регул”, наказывали “сильным выговором и большим штрафом”. За “непослушания и противность”, чинимые надзирателям и начальству, предписывалось: в первый раз — плети, во второй — батожья со штрафом, а вольным мастерам — вычет задельной платы на три месяца. При более тяжком нарушении в “регуле” говорилось: “...ежели кто дерзнет рукою или побоями оскорбить, того бить кнутом и по обстоятельству дела осудить в каторжную работу на несколько годов или вечно”.

Несмотря на строгие предписания “регула”, мануфактура мулловского помещика работала в основном зимой. Крестьяне, занятые сельскохозяйственными работами, добывали пропитание для своих семей, которых помещик кормить не желал. Поэтому основной рабочий сезон на фабрике начинался после сбора урожая и заканчивался перед посевной.

Основным сырьем для производства сукна служила шерсть, которая поступала от крестьян в порядке натуральной повинности. Но ее не хватало. И тогда Мельгунов завел стадо овец шленской породы, которую в свое время была ввезена в Россию Петром Первым из Силезии. За год расходовалось около 150 пудов сырья, из которого выработывалось около 1500 аршин суровья. Своего отделочного производства фабрика еще не имела, и ткань каждый год отвозили на мануфактуры Москвы, где было более совершенное оборудование. Объем выпускаемой продукции в Мулловке был небольшой. Например, в 1779 году на суконном заведении коллежского асессора Скрипицына в селе Дурасовке Карсунского уезда ежегодно выработывалось до 13000 аршин сукна.

Несколько лет фабрика работала для своего хозяйства, немного продавала на сторону, но в 1787 году началась война России с Турцией. Смекнув, что можно получить хорошую прибыль, Мельгунов приказал делать мундирное сукно. Тогда-то и привезли на завод “регул”, в котором предписывалось трудиться по пятнадцать часов в сутки.

III ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Ах, как много интересного может показать и рассказать наша мудрая и всезнающая муза Клио. Еще совсем недавно все историки, писатели краеведы были убеждены, что Симбирск (Ульяновск), столица нашей области, возник с началом постройки Карсунско-Симбирской засечной черты в 1648 году. Но вот в 1993 году в научный оборот был введен свод болгарских летописей под названием “Джагфар тарихы” (“История

Джагфара”), составленный в 1680 году по поручению сеида Джагфара его секретарем Иманом. В этот свод, в свою очередь, была включена книга казанского летописца шестнадцатого века Мохаммедьяра Бу-Юргана под названием “Казан тарихы” (“Казанская история”).

Вот что он пишет. “Территория Симбирского иля простиралась по правому берегу Волги от р. Булы (современный Малый Черемшан) и Буре Почмагы на севере до заставы Саратау (Саратов) и Сарычина (бывш. Царицын, совр. Волгоград). ...Когда в 1236 году тархан Бачман был убит во время вторжения монгольских войск в Волжскую Булгарию, его сына усыновил эмир Гази Барадж и дал ему новое имя — Нарык.

За заслуги во время похода монгольских и болгарских войск на территорию Северо-Восточной Руси эмир Гази-Барадж назначил Нарыка улугбеком Самарского иля. Территория будущего Симбирского иля была в те времена в составе Самарского иля. Потомки Нарыка Мир-Ибрагим, Юсуф, Ар-Худжа были улугбеками Самарского иля.

Первым улугбеком вновь образованного Симбирского иля был сын Ар-Худжи по имени Чура-Коч. Произошло это в конце семидесятых годов четырнадцатого века.

Когда в Нижнем Поволжье началась эпидемия чумы, улугбек Чура-Коч переселил половину населения левобережной части самарского иля на правобережную часть. Для переселенцев Чура-Коч основал город на расстоянии однодневного пути к западу от пристани Симбир-Кабак и назвал его Симбиром. Пристань Симбир-Кабак была построена еще в 866 году, а город Симбир построили в конце 50-х — начале 60-х годов XIV века.

Город Симбир был защищен с юга оборонительным валом, сооруженным еще в X веке, но хорошо сохранившимся в XIV веке. То обстоятельство, что город был построен на расстоянии однодневного пути от одноименной пристани, давало дополнительную возможность для защиты Симбира. Дело было в том, что новгородские речные разбойники (так называемые ушкуйники - авт.) принимали Симбир-Кабак за сам город Симбир. И “пока они разбирались, на валах возле Симбира изготавлялась стража, после чего город становился просто неприступным”.

В самом начале 60-х годов XIV века вождь мангытов Мурза-Тимур совместно с братом своей жены Тагаем напал на столицу Самарского иля Камыш-Самар. В связи с этим Чура-Коч многих жителей Камыш-Самара и окрестных аулов переселил на Симбирскую сторону. Кроме того, мангыты разграбили и сожгли многие села. В результате население левобережной части резко сократилось...”

Здесь я перестану цитировать древнего летописца и вместе с нашей путеводительницей по истории стану задавать риторические вопросы. А почему город Ульяновск (бывший Симбирск) днем своего основания ведет от 1648 года, когда в летописи Мохаммедьяра Бу-Юргана ясно указывается, что построен он был на три века раньше? Есть и другие источники, подтверждающие, что Ульяновск-Симбирск намного древнее.

В частности, в одном из краеведческих очерков, помещенном в “Адрес-календаре Симбирской губернии на 1916 год”, писали: ”В старину Симбирск находился не на правом берегу Волги, а на левом — верст на 13 ниже по течению реки Волги... приблизительно между нынешними селами Красный Яр и Кайбелы (затоплено водами Куйбышевского водохранилища — авт.). Основан, по предположению летописцев-исследователей местной старины, болгарским или татарским князем Синбиром не позднее начала XIV столетия... К концу этого столетия резиденция болгарского князя Синбира была уже богатым, обширным по размерам и важным по своему значению городом-крепостью. Конец существованию стародавнего Синбирска положил грозный набег полчищ Тимура (Тамерлана)...” Кроме того, симбирским писателем В. Э. Красовским в начале двадцатого века написана и опубликована книга под названием “Хронологический перечень событий Симбирской губернии. 1372 — 1901.” В “Грамоте по-сольского приказа” по поводу поражения разинских войск тоже упоминается “старый

Синбирский город”. Уж не тот ли это город, который построен в середине четырнадцатого века? Выходит, что и Самара намного древнее нашей современницы?

Впрочем, это поле деятельности для более пытливых и сметливых умов, которые, возможно, будут писать уже обновленную и более правдивую историю нашего края, где живут и мулловцы.

НОВЫЕ ШАГИ МАНУФАКТУРЫ

В конце восемнадцатого века русское правительство поощряло развитие фабрично-заводской промышленности. В указах об отрешении сбора с фабричных станов предоставлялись: права всем и каждому заводить станы и рукоделия; дворянам дозволялось иметь в деревнях свои заводы и фабрики. Сукна для обмундирования армии не хватало, и потому государственная Мануфактур-коллегия обратилась к владельцам частных фабрик, чтобы те поставляли свою продукцию казне.

Но, видно, условия были не очень выгодными, и тогда в приказном порядке фабрикантов обязали продавать комиссариатской комиссии отделанные и окрашенные сукна и каразею — редкую суровую ткань для подкладок. В этом же указе предписывалось, чтобы “работали сукна и каразеи с крайною поспешностью, сколько возможно и более, и самых тех цветов, какие на сей год назначены”.

Степан Григорьевич Мельгунов, вышедший к этому времени в отставку в чине бригадира, жил в Москве, в имениях был наездами. Но это не мешало ему строить мельницы, кирпичные и конные заводы, расширять винокуренное производство. Занимался он и увеличением выпуска мануфактуры, которая продавалась уже и за пределы его вотчины. Получив из губернии указ, помещик распорядился обновить и увеличить оборудование, спешно перестроить станки и инструменты для производства новой ткани.

Уже в первой половине 1798 года мануфактура дала казне 1763 аршина каразеи. Согласно предписанию Мануфактур-коллегии все сукно и каразея, окрашенная в красный цвет, была отправлена в Казанскую комиссариатскую комиссию по закупке мундирных сукон. Мельгунов потирал руки — ведь что может быть лучше постоянного и растущего рынка сбыта.

Но тут в 1800 году Мануфактур-коллегия, очевидно, неудовлетворенная качеством продукции, потребовала от частных владельцев предоставлять образцы производимых товаров и поставляемых клейм. Гордый Мельгунов посчитал себя оскорбленным высочайшим недоверием, вторжением в его частные дела, поэтому взял да и прикрыл мануфактуру, предполагая, что Мануфактур-коллегия отменит свое решение. Но когда это было, чтобы высшая инстанция посчитала себя неправой и пошла на поводу у своенравного собственника или хозяина! При этом необходимо было найти объяснения этого неординарного шага. И тогда Мельгунов, судя по сохранившимся в архивах отпискам, объяснил причину так: что, мол, он не в состоянии выполнять перед государственной казной обязательства по поставке вина и поставке сукон одновременно, и потому оставляет в мулловском имении лишь одно работающее предприятие — винокуренный завод. После этого Мануфактур-коллегия была вынуждена принять резолюцию о ликвидации Мулловской суконной фабрики.

Недаром в народе говорят, что чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. У помещиков были свои утехы. Видно, деятельная натура Мельгунова не давала ему покоя, и он решил построить в Мулловке каменную церковь, которую и завершили через четыре года.

Неизвестно, что побудило помещика снова открыть в Мулловке свое предприятие, то ли нехватка средств, то ли изменившиеся условия, но уже в 1804-1805 годах фабрика снова заработала. Продукцию она выпускала не только для своих нужд, но и на продажу. Во всяком случае, в “Экономических примечаниях и материалах Генераль-

ного межевания по Ставропольскому уезду Симбирской губернии” Мулловская фабрика Мельгунова упоминается уже как действующая. Мануфактур-коллегия, видимо, предупреждена об этом не была, и еще несколько лет мануфактура работала только на себя. Преднамеренно это было сделано или нет, история умалчивает. Известно одно, что помещик лишь в 1808 году снова вступил в официальные отношения с государством, заключив с ним соглашение на поставку мундирных сукон. Мотивация этого будет ясна, если учесть, что в Европе все больше и шире разрасталась война с Наполеоном. Сам военный, Мельгунов не мог не понимать, что рано или поздно Наполеон пойдет войной на Россию.

Уже в следующем, 1809 году, первый обоз с продукцией Мулловской фабрики отправился в Казань, в комиссариатскую комиссию. Но там суровье не приняли, мотивируя это тем, что сукна были не окрашены и не отделаны, и потому не соответствовали установленным образцам. Мельгунов был не одинок в своем возмущении. Оказывается, в комиссии не приняли также продукцию с фабрик Н. Дурасова из Никольского-на-Черемшане, Татищева из Тетюшской слободы и других. Они написали жалобу симбирскому губернатору. В конце концов, спор был решен в пользу помещиков. Было издано постановление, в котором указывалось, что комиссии разрешено принимать суровье. Эта маленькая победа над чиновниками вдохновила Мельгунова, и он решил подписать пятилетний контракт на поставку сукна для казны. Получив аванс на подрядческие работы, помещик начал строительство нового двухэтажного корпуса для своей фабрики, в котором в настоящее время находится мулловская больница.

Очевидно, предвестие о приближающейся войне с Наполеоном, которое будоражило все высшее общество России, и предчувствие большой выгоды побудило многих помещиков заводить свои производства для выделки сукна для нужд армии. В 1809 году помещики братья Кротковы, Наумов и другие отписали ходатайства о разрешении открыть в своих вотчинах суконные фабрики. Достаточно сказать, что за пять лет, судя по “Ведомостям о мануфактурах в России за 1812-1814 годы”, в Симбирской губернии было открыто двенадцать новых фабрик.

Вот что, например, писал в своем прошении симбирскому губернатору гвардии прапорщик М. М. Наумов: “Ваше сиятельство милостивый государь князь Алексей Алексеевич! По приглашению в. с. долгом поставляю содействовать вновь к заведению суконной фабрики по усердию моему сколько могу споспешествовать в сей надобности государству и по распоряжению моему, на каком основании выделкою сукон устроить желаю, честь имею объяснить следующее: 1-е. Имею я намерение завести суконную фабрику, состоящую в 4-х станах, обрабатывающих одним сырцом. 2-е. Желаю быть поставщиком в казну здесь в г. Симбирске, на таковых условиях, что оных моих людей не более обязан занимать, как зимним временем, а летним находиться им в хлебопашестве и по сему не более обязываюсь выставлять с каждого стана как по 600 арш. в известную казенную ширину и по выданным образцам доброты. 3-е. Ежели более такового назначенного количества обработаться может, то желаю, чтоб казна оное от меня принимала на таковом же основании, как и назначенные аршины с каждого стана...”

Война с Наполеоном не была неожиданностью для российского правительства. Тогда в России не было всеобщей воинской повинности, потому что армия комплектовалась за счет рекрутов. Царь решился на необычный шаг, вспомнив, очевидно, освобождение Москвы от поляков в начале семнадцатого века: он издал манифест о создании народного ополчения.

В начале августа 1812 года церковный набат собрал жителей Мулловки не на фабрику, а на сход. Зачитали царский манифест и призвали к войне с ненавистным Наполеоном. Кроме рекрутов, которое село обязано было поставить в армию, от муллоцев записалось сорок четыре человека. Все они влились в 24 Симбирский пехотный полк, сформированный из новобранцев поволжских губерний, который участвовал в

боях под Красным 2 августа, под Смоленском 4 и 5 августа, у Шевардина 24 августа, при Бородине 26 августа, у Чирикова 17 сентября, у Спасс-Купли 21-22 сентября, при Тарутине 6 октября, при Малоярославце 12 октября и снова при Красном 5 ноября. “В награду за отличия в Отечественную войну 1812 года полку пожалован “Гренадерский поход” ныне “Бой за военное отличие”, — писалось в истории пехотного полка. А потом были штурмы Дрездена, Гамбурга и Глюгау в Европе.

Собирали каждого новобранца всем миром. Так, в одном из приказов из Усольской конторы о снаряжении воинов из крестьян писалось: “Получа сей, ехать тебе в деревни Борковки русскую и мордовскую, где назначенных миром (народом) в воины людей, по сделанным спискам осмотреть оных... какого либо росту не был воин, а только был бы здоров и неувечен. По осмотру... прикажи старостам, чтоб отыскиали портных и сшили б одежду. Как-то: чапаны, шеровары и кивера, а ранцы уже заказаны, и каждый воин имел бы у себя обыкновенные крестьянские две рубахи и двое порты... Сделать воинам копья и древки...” Кто из выбранных миром сорока четырех мулловцев погиб, а кто остался в живых, мы не знаем.

Тыл помогал армии в победах: выращивал хлеб, собирал лошадей, одевал, кормил, обогревал воинов. А фабрика ткала сукна, причем в это время она работала круглосуточно. Некоторые помещики, воспользовавшись спросом, наращивали свое производство. Так, братья Кротковы в Ишеевке и Городищах вырабатывали до 70 тысяч аршин сукна в год. Мельгунов после строительства нового здания фабрики ограничивался работой двух станов и выпускал 2600 аршин суровья в год. Трудно сейчас понять, чем это вызвано — нехваткой средств, рабочей силы или другими причинами, но факт есть факт.

В Центральном государственном Историческом архиве Петербурга есть дело, в котором доказывается пренебрежительное отношение Мельгунова к своим мануфактурным производствам. Через Ставропольский земский суд в 1818 году помещик объявил о невозможности выполнить объявленные поставки в государственную казну. При этом он ссылаясь на эпидемию тифозной горячки, якобы охватившую Мулловку. Начальство ему не поверило, а симбирский губернатор направил на фабрику “благонадежнейшего чиновника врачебной управы” для выяснения истинных причин. И на самом деле губернский чиновник обнаружил в селе 13 тифозных больных, но только несколько из них работали на самой фабрике, остальные же были с конного и винокуренного заводов. Губернатор заподозрил Мельгунова в “затаенном подлоге для уклонения” от государственных поставок в комиссариатскую комиссию продукции для армии. Но престарелого Мельгунова это, видимо, уже не волновало, а в 1820 году основатель Мулловской мануфактуры умер.

IV ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

А давайте с помощью нашей путеводительницы узнаем, гуляли ли вольницы Стеньки Разина и Емельки Пугачева по мулловским землям? Гуляли, да еще как! Да и не могли они минуть этих мест, ведь и первый и второй хотели разгрызть “орешек” по пути к Москве — Симбирск. Так, в пятом томе “Всемирной истории” есть карта “Крестьянской войны под предводительством Степана Разина в 1670-1671 годах”, на которой показан путь продвижения восставшей “голытьбы”. Путь основных сил разинцев проходил по левобережью Волги через Самару и Белый Яр к Симбирску. А ведь крепость Белый Яр совсем недалеко от того места, где сейчас находится Мулловка. Наверняка и здесь побывали эмиссары Разина, распространяя прелестные грамоты, которые призывали всех “кабальных и апальных” присоединиться к его казакам, чтобы “и вам бы заодно изменников вывадить и мирских кравапивцев вывадить.”

В одном из архивных документов писалось, что “...всякое бунтовство от них, воров, да и самарянина Игошки Говорухина. Да тот же вор Игошка собрал воров сама-

рян с полтораста человек и хотел идти под Белый Яр, чтобы белоярцев всех побить и город сжечь.” В “Грамоте посольского приказа Донскому войсковому атаману К. Яковлеву” воевода П. В. Шереметьев писал: ”воровские казаки с Белого Яру приходили под Синбирск в семьдесят стругах... полатретых (2500) тысячи человек.” Выходит, что и белоярцев прельстили посулы мятежного атамана. Чем кончилась вольница Степана Тимофеевича, известно всем — изменщика четвертовали.

Не прошел мимо мулловских мест и Емельян Пугачев. Так, 21 января 1774 года командир повстанческого отряда писал служителям Мелекесского винокуренного завода: ”В состоянии мы за рекой Черемшаном, в казацкой и калмыцкой стороне, по тому приступаем к государеву заводу по его императорского величества Третьего императора Петра Федоровича повелением в силе указа в том, кому вы веруете: царю или царицею. А когда, ежели будете чинить такое баталие, то неотменно будете повешены по указу его императорского величества.” Но мелекесцы не испугались. Повстанцы дважды пытались взять Мелекесс, но безуспешно.

Тогда пугачевцам пришлось отступить через Мулловку на Ерыклинск и Никольск к Белому Яру. Под их контролем было и Городище на противоположном берегу Черемшана. Действовавший здесь отряд И. Арапова достигал численности в несколько тысяч человек, только из имений графа Орлова-Давыдова к нему примкнуло около тысячи крестьян. Видно, несладко жилось им под “крепостью” своих помещиков, раз они решили прибиться к бунтовщикам. Были ли среди них мулловцы и разделили ли они участь других, когда восстание было подавлено, мы не знаем. Но только незавидна была их доля. Одних били плетью, вторым вырывали ноздри, третьих ссылали на каторжные работы, четвертых казнили на виселицах, глаголях и колесах.

Вот, например, как описывает в “пропущенной главе” к повести “Капитанская дочка” А.С.Пушкин сцену встречи своего героя с плавающими виселицами. “Мы уже достигли середины реки... “Что такое?” — спросил я, очнувшись. “Не знаем, бог весть”, — отвечали гребцы... Незнакомый предмет приближался... Вдруг луна вышла из облака и озарила зрелище ужасное. К нам навстречу плыла виселица, утвержденная на плоту, три тела висели на перекладине... Я хотел взглянуть на лица висельников... Один из них был старый чуваш, другой русский крестьянин, сильный и здоровый малый лет 20-ти... Над ними прибита была черная доска, на которой белыми крупными буквами было написано: ”Воры и бунтовщики”.

ФАБРИКА БЕЗ ХОЗЯИНА

Во владение Мулловской мануфактурой после смерти мужа вошла вдова Мельгунова Екатерина Алексеевна. Видно, в своем безутешном горе она на много лет забыла о фабрике. А когда стало совсем туго с деньгами, вспомнила о ней и направила сюда своего поверенного в делах московского мещанина Ефима Мякошина. Обследовав имение, он нашел “предприятие весьма выгодным” и предложил его расширить. Но денег-то нет. И тогда Екатерина Алексеевна заложила свое черемшанское имение в казну. Все 250 крестьян, которые работали на мануфактуре и в винокуренном производстве, согласно документу, были заложены по 50 рублей ассигнациями за каждую ревизскую душу. Итого она получила от опекунского совета 50 тысяч рублей.

Надо отметить, что деньги она не разбазарила, а пустила в дело. На них закупили новые чесальные аппараты, веретена, стригальную машину, колеса и другое оборудование. Построили и красильню, для чего в Казани заказали два медных котла для крашения. В том же 1825 году прикупили дополнительно прядильные машины и ткацкие станы. Теперь фабрика была обеспечена полным циклом производства. Вместо полуфабрикатного суровья в казну поступали полностью отделанные и крашенные сукна. Причем, красили в разные цвета: серые, черные, темно-зеленые, потребные в армии. Позаботились и о более качественном сырье. В Башкирию, Оренбуржье были посланы

приказчики для закупок ордынской и русской шерсти, более мягкой и приспособленной к новому оборудованию, нежели местная грубая шерсть. Уже через три года фабрика выработала около 12 тысяч аршин мундирных сукон, а число работников на мануфактуре увеличилось до 191.

Воодушевленная успехами, барыня приказала заключить дополнительный подряд с Московским комитетом снабжения на поставку 6000 аршин сукна. В договоре обуславливалось производство серого сукна для обмундирования воспитанников кантонистских отделений, где обучались солдатские сыновья, обязанные проходить военную службу, черного сукна для флота и темно-зеленого для сухопутных войск. В ассортименте шерстяных изделий было и “обыкновенное панталонное сукно белого цвета”. Остальную часть продукции по контрактам продавали ставропольским и симбирским купцам. Улучшенное сукно, продаваемое казне, стоило 3 рубля 30 копеек, а обычные сорта на 45 копеек дешевле.

Расширение производства требовало и новых рабочих рук, которых в имении не хватало. Тогда Мельгунова пошла на нетрадиционный шаг — она купила в Подмоскowie у разорившегося помещика целую деревню, со своих псарен она не пожалела свору гончих собак, обменяв их на крестьянские семьи. Всех этих людей она переселила в свое поместье, основав, таким образом, рядом с Мулловкой еще целое селение под названием Мельгуновка. Правда, по каким-то причинам название Мельгуновка не прижилось, и современные жители эту часть рабочего поселка называют Менгулёвкой. Местные жители называли чужаков “пригонными”, отчего за ними закрепилось стойкое прозвище Пригоновых, перешедшее затем в фамилию.

Екатерина Алексеевна Мельгунова через несколько лет после смерти своего мужа разделила все свои владения между тремя сыновьями. Дмитрию Степановичу достались несколько подмосковных деревень, второму, Михаилу, — Новый Буян с соседними деревнями, а старшему, Петру Степановичу, досталась Мулловка. В 1830 году Петр Степанович вышел в отставку в чине поручика, а в 1831 году перебрался в свою мулловскую вотчину, став окончательным хозяином мануфактуры. Вскоре он женился на дочери Д. С. Кроткова, соседнего городищенского помещика, у которого тоже была мануфактура, Елизавете Дмитриевне.

Нравы у тестя и самого Мельгунова были, прямо скажем, не ангельские. Сам Кротков вел разгульную и веселую жизнь. По воспоминаниям писателя В. А. Сологуба, который жил в Никольском-на-Черемшане, “от непрерывного своего возбуждения спиртными напитками барин (то есть Кротков) мог спать только урывками, беспрестанно просыпаясь и волнуясь. У кровати сидели дураки и дуры с обязанностью шуметь, ссориться и драться между собой, тут же сидел и кучер с арапником. Как только от усталости и дремоты шум утихал, кучер должен был “поощрять” задремавших арапником, — гвалт начинается снова, и барин опять засыпал”.

Кротков на свадьбу дочери сделал царский жест: всю свою юродивую свиту подарил Петру Мельгунову. И что интересно, все дураки и дуры Кротковым были собраны для любимого зятя из разных имений. О времена, о нравы! По дарственной записи известны даже имена дворовых: Иван Филиппов сын, Яков Сергеев сын, Николай Яковлев сын и так далее. Правда, по тогдашним обычаям их звали Яшками, Ваньками и Кольками. Уж не отсюда ли пошли известные выражения “Ваньку валять” и “валять дурака”? Даже в словаре В. И. Даля дурак есть не кто иной, как шут, промышляющий дурью, шутовством.

И все-таки Мельгунов не ослаблял внимания к главным своим источникам доходов: к суконной фабрике, винокуренному и поташному заводам. Некоторые помещики Симбирской губернии вводили на своих производствах нововведения: стали нанимать вольнонаемных рабочих. Но доходы стали сразу же падать, ведь рабочим надо было платить. То ли дело свои крестьяне, которых достаточно было одеть и накормить. По

тогдашним понятиям, чем в большей строгости содержался рабочий, тем больше дохода он приносил. Не чужд был этих понятий и Мельгунов. Он учредил должности смотрителей, которые надзирали за дисциплиной, выполнением необходимых объемов работ и заказов. За брак, слушание, опоздание на работу, побег или кражу рабочих нещадно секли и предавали суду. Для этого фабричный подвал превратили в тюрьму, где проводили расправы.

Особенно участились случаи неповиновения после Отечественной войны 1812 года, когда многие ополченцы и рекруты вернулись в свои родные места. Они рассказывали о сказочной жизни в Европе, о более вольных и свободных нравах, о чистых и красивых городах и деревнях. Потому сопротивление хозяевам возрастало. В документах Симбирской губернии тех лет писалось “об отказе посессионных рабочих Тальской бумажной фабрики от работы на ее владельца, ввиду того, что они не имеют дневного пропитания”; об убийстве господина Кроткова, помещика села Шигоны, и человека его Воробьева; о неповиновении помещице М. Н. Ахматовой крестьян сел Вырыпаевки и Верхней Туармы; об отказе крестьян села Чуфарово подчиняться наследникам помещицы Куроедовой; о чрезмерном отягощении работами и произволе помещика А. Бабкина и так далее.

По свидетельству своих современников, Мельгунов был свиреп, жесток и своеправен, одно его появление на фабрике приводило всех в трепет, при виде барина все падали на землю ниц и не поднимали голов. За малейшее неповиновение или побег рабочие строго карались, вплоть до ссылки на каторгу. И все-таки некоторые решались на самые крайние меры. Например, как пишется в документах Государственного архива Самарской области, в 1834 году с мануфактуры сбежал старейший бердник (мастер по устройству бердных рамок) Герасим Егоров. В бега он пустился не один, а с ткачом Федотом Антоновым. Помещик стерпеть этого не мог, он пустил по их следу погоню со сворой собак. Преследовали их до тех пор, пока не поймали. В уездном суде города Ставрополя их осудили и приговорили к ссылке в Сибирь.

В этом же году плотника Логина Данилова пытали на дыбе за намерение поджечь барскую усадьбу. Хотели просто наказать и пострадать, чтобы другим неповадно было, но Логин так и умер. Февронья, жена Ивана Петрова, выбила глаз домогавшемуся ее надсмотрщику Осипу Овчинникову, за что ее сослали на каторжные работы.

Но не все в те времена было так безнадежно, как представлено это советскими историографами. Тогда была управа и на самих помещиков и фабрикантов. Так, 9 июля 1818 года симбирский губернский прокурор доносил министру юстиции “... о чрезмерном отягощении работами и произвол помещика А. Бабкина” в отношении крестьян с. Озера, в это же время симбирским уездным судом было принято решение по делу о жестоком обращении помещиков Демидовых со своими крепостными и самоубийстве дворовой девушки Иевлевой. Весной 1823 года Сенатом было вынесено постановление по делу помещика Симбирского уезда В. Ф. Аннекова, судимого за жестокое обращение со своими крепостными крестьянами и обременение их работами.

Большой мот и пьяница, Петр Мельгунов был к тому же и большим картежником. Проигрывал он все, что только можно проиграть: свору псов, дураков, лошадей. Однажды проиграл полугодовую поставку сукон в размере 6200 аршин — это более 16 тысяч рублей. Комитет снабжения войск оштрафовал Мельгунова за недопоставку, и тогда тот, не долго думая, возместил свои убытки от штрафа, взыскав их со своих подневольных.

Краевед М. Сударев в своей книге “Страницы истории” рассказывает о случае проигрыша в 1834 году трех крепостных девушек таганрогскому виноторговцу Бернадаки. Якобы Бернадаки сам выбирал их из числа представленных на “смотрины”. Виноторговец выбрал трех молоденьких прях: Степаниду Дементьеву, Авдотью Андриянову и Акулину Шурыгину. Авдотья не выдержала унижений и повесилась в риге, а

Степаниду с Акулиной приковали цепями к телеге, чтобы они не убежали по дороге, и увезли в Таганрог. В то же время в “ревизских сказках” по селу Мулловка есть сведения о продаже, а не проигрыше крестьянок в Таганрог. Есть и воспоминания коренного жителя рабочего поселка Ф. Ф. Шурыгина, который рассказывает о продаже сестры своего деда Акулины “черному некрасивому уроду в Таганый Рог”. Где здесь правда, а где вымысел, мы не знаем.

Впрочем, помещик самодурствовал недолго. В 1837 году умерла его жена Елизавета Дмитриевна, а через год и он сам. После них единственной наследницей осталась двухлетняя дочь Екатерина, и потому по решению Правительствующего Сената имение передали в управление дворянской опеки.

До 1853 года Мулловская фабрика находилась под управлением опекунского совета. Имением управлял от имени малолетней хозяйки некто Скобельцын. В тридцатые, сороковые годы в России начался бум на переоснащение мануфактурного производства. Вводилась все большая механизация производственных процессов. Не минули эти поветрия и мулловскую фабрику. Новый управляющий, боясь потерять лицо перед опекунским советом и самой хозяйкой, начал переоснащение производства. Он установил 18 прядильных машин, которые имели от 40 до 60 веретен каждая. Теперь эти колеса вращались не вручную, а от водяного привода. От мельничного колеса приводились в действие две шипальные и две чесальные машины. Для отделки суровья было построено отдельное помещение. Здесь установили три сукновальные машины на 16 ступ, сушильные рамы, два прессовых винта и две стригальные машины, которые производили стрижку грубых сукон с помощью механических стригальных ножей.

В 1846 году управляющий Скобельцын стал ходатайствовать перед вышестоящими инстанциями о включении фабрики в число поставщиков для казны армейского сукна. В конце концов, его ходатайство было удовлетворено, и фабрика стала поставлять казне до 20000 аршин продукции ежегодно. Кроме того, более 12 тысяч аршин сукна он сбывал на свободный рынок. А это был уже приличный объем. По-видимому, молодая хозяйка была довольна своим мулловским управителем, ведь при покойном ее муже весь объем производства составлял всего около 12 тысяч аршин сукна.

Нелегко давались эти аршины простым работникам. Положение рабочих на мануфактурах было хуже крепостных крестьян. Симбирянин, декабрист Н. И. Тургенев писал: “Другое еще зло, которое в эти последние годы появилось... — это устройство фабрик сукон и других мануфактур...” Помещики “...набили по сотне своих крепостных в жалкие хижины... и заставили их работать как можно больше. Я помню... с каким ужасом говорили они “ в этой деревне есть фабрика” как если бы они говорили “там появилась чума...”

В Государственном архиве Самарской области сохранились любопытные документы, рассказывающие о драмах и трагедиях, происходящих на фабрике. Порядки тогда были такие, что даже жениться молодые люди не могли без разрешения хозяина. Примером этого может служить доклад Усольской вотчинной конторы Сызранского уезда о просьбе крепостных крестьян дать разрешение на женитьбу. Управляющий Сахаров пишет графу Орлову: “представлено мною докладом... о желающих шести человеках... жениться. Со львовской мельницы засыпка Филипп Кувашов, 22 лет. С московской засыпка вдовец Михайла Савичев, 20 лет. На троицкой засыпка Афанасий Козлов, 23 лет... один при матери, которая уже древна...” В резолюции на докладе написано: “... и так, позволяю всех десятерых женить. Из Усоляя же ни о ком не представлять докладами. Да хотя бы представлял, то не получит никакого разрешения... В. Орлов”.

Видно, такого разрешения не стали дожидаться по определенным причинам мулловский ткач Тимофей Галактионов и пряжа Анна Егорова. Сначала они обратились с просьбой разрешить брак к Скобельцыну, но тот по каким-то причинам отказал. То-

гда молодые пошли к священнику местной церкви, но и тот без одобрения опекуна отказался это сделать. Тогда они “поженились” самовольно. Узнав о самовольстве, управляющий приказал Тимофея заковать в колодки, а Анну заставил отречься от “богомерзкого” поступка и обвенчал ее с дворовым дураком Григорием. Через некоторое время жених с невестой украли господских лошадей и убежали. Нашли их спустя несколько месяцев. Чтобы неповадно было другим, их обоих водили по Мулловке и секли кнутами. Тимофея осудили на вечное поселение в Сибирь, а Анну — к шести годам содержания в рабочем доме.

Но это был не единичный случай. Скоро сбежали братья Шпаровы, Григорий и Борис, супруги Степан и Матрена Дмитриевы, братья Федор и Иван Логиновы и жена Федора Аграфена, Петр Левашов со всем семейством, Сергей Зоров, Марфа Кузьмина. Шпаровых нашли в сторожке у солдатки Анны Карасевой, избили, а саму “приютчицу” оштрафовали на 10 рублей серебром.

В 1849 году в Мулловке разразилось страшное бедствие — теплой июньской ночью загорелись господский дом, фабрика и церковь. На звуки церковного набата сбежалось все село и стало тушить пожары, чтобы огонь не перекинулся на другие жилища и не уничтожил все селение. Стали разбираться в причинах беды. Так как пожар возник сразу в нескольких местах, полицейские чины, прибывшие в Мулловку по ходатайству управляющего, заподозрили в поджоге рабочих фабрики. Незадолго до пожара из имения сбежал ткач Андриан Тимофеев, сорока трех лет. Его-то и заподозрили в поджоге. Через год беглеца поймали и решением Ставропольского уездного суда приговорили в арестантские роты сроком на двенадцать лет.

Чтобы оправдаться перед опекунским советом, своей молодой хозяйкой и имение вконец не разорилось, Скобельцын приказал быстро восстановить мануфактуру. И уже через год фабрика выработала почти тридцать тысяч аршин отделанного и окрашенного сукна.

А тем временем в Москве подрастала Екатерина Мельгунова. Рассказы о ее сказочных богатствах привлекали к ней лучших светских женихов. Как-то в господском доме Мельгуновых появился князь Иван Петрович Трубецкой. Гвардейский офицер вскружил голову молоденькой красавице. Да и опекавшая ее родня уже прикидывала все выгоды от возможного брака с блестящим кавалером.

В “Сказаниях о роде князей Трубецких” писалось, что Иван Петрович был выходцем из старинного дворянского рода. Советские историки всячески принижали роль династических дворянских родов в истории России, которые, тем не менее, внесли огромный вклад в укрепление и развитие государственности. Род Трубецких берет свое начало от великого князя Литовского Ольгерда, сын которого, Дмитрий Ольгердович, сражался на стороне великого князя московского Дмитрия Ивановича на Куликовом поле и участвовал в “объединении великом” Руси.

Калужский воевода Дмитрий Тимофеевич Трубецкой вместе со своими казаками освобождал Москву от поляков в начале XVII века и взял Китай-город. Некоторые историки считают, что он внес не менее весомый вклад в изгнание поляков, чем Минин и Пожарский, и что в известной скульптурной группе Мартоса на Красной площади Кремля должно было быть не две, а три человеческие фигуры. При Петре Великом князь Юрий Юрьевич Трубецкой участвовал в строительстве Петропавловской крепости в Петербурге, один из бастионов которого до сих пор носит его имя. Незаконнорожденный сын Трубецкого, Иван Иванович Бецкой, по предположениям некоторых историков, был настоящим отцом императрицы Екатерины Великой. Один из Трубецких, Сергей Петрович, гвардии полковник и будущий декабрист, участвовал в сражении под Бородино. Павел (Паоло) Петрович Трубецкой, был автором знаменитого памятника императору Александру III, который снесли после Октябрьского переворота. В конце

XIX - начале XX веков философы Сергей Николаевич и Евгений Николаевич Трубецкие преподавали в Московском университете.

Отец Ивана Петровича, генерал от кавалерии Петр Иванович Трубецкой, служил в то время смоленским и орловским военным губернатором, а его братья занимали ключевые должности при дворянских учреждениях.

Трубецким, видно, тоже пришлось по душе юная красавица. В конце концов, Трубецкие и Мельгуновы ударили по рукам. В 1853 году Иван Петрович и семнадцатилетняя Екатерина обручились. Гвардии капитан не замедлил наложить руку на имущество супруги, которая из-за своего несовершеннолетия не могла сама управлять своими именьями. Кроме недвижимости к ловкому Ивану Петровичу перешли деньги, драгоценности и ценные бумаги.

С НОВЫМ ХОЗЯИНОМ

После женитьбы Иван Петрович Трубецкой вышел в отставку и вплотную занялся своим новым хозяйством. Говорят, что посетил он и Мулловское имение. Видно, его не впечатлили итоги хозяйствования последних лет, когда фабрикой руководил управляющий. Все пришло в ветхость, оборудование было изношено и часто простаивало. На фабрике было всего тридцать пять ткацких станков, которые были способны выпускать не более 30 тысяч аршин сукна в год, главная, красоткинская, плотина, бывшая главным двигателем машин, дышала на ладан, поддерживаемая ветхими подпорками. Такое состояние дел на мулловской мануфактуре не устраивало князя и не сулило больших выгод — ее проще было прикрыть.

Он уже знал, что в Симбирской губернии было много других текстильных предприятий: у помещика А. А. Протопопова была мануфактура в Румянцеве, у Д. С. Кроткова — в Гурьеве, у И. Ф. Воейкова — в Самайкине, у Я. Ф. Прибыловского — в Измайловке, у С. А. Акчурина — в Старо-Тимошкине, у А. А. Долгорукова — в Игнатовке, у В. П. Языкова — в Языкове. Расширилось производство на Никольской фабрике графини Соллогуб, городищенской и ишеевской мануфактурах. Там шло оснащение производства новыми машинами и технологиями. Трубецкой понимал, что в таких условиях его фабрика конкуренции не выдержит, и он станет банкротом. Мулловская фабрика выпускала продукции на 18 с небольшим тысяч рублей, в то время как городищенская и никольская фабрики продавали мундирных тканей на 42 и 48 тысяч рублей.

И тогда новый хозяин взялся за дело. Сначала было расширено само производство: в нижнем конце села, у большого мельничного пруда, построили большое двухэтажное здание для ткацкого производства и одноэтажные пристройки для крашения и отделки сукон. На самом мельничном пруду возводилось еще одно двухэтажное здание, которое, по замыслу хозяина, должно быть полностью механизировано. В центре корпуса разместились двухсаженные колеса, которые приводили в движение все механизмы, на этажах разместили трансмиссии. На Абрамихинском пруду, в нижнем течении Сосновки, чтобы не загрязнять воды речки, построили здание для валки и мойки сукон.

Местной рабочей силы для столь широкого строительства не хватало, и Трубецкой привлекал сюда беспаспортных, оброчных и вольнонаемных крестьян из других мест. По мере того, как корпус мануфактуры приводился в готовность, старые станки и механизмы, пригодные еще к эксплуатации, ремонтировались и перевозились на новое место. Одновременно в Москве заказывалось и закупалось новое оборудование, которое немедля доставлялось на обновленное производство.

К 1860 году Мулловская фабрика превратилась в одно из самых крупных текстильных предприятий на Средней Волге. Здесь сукна вырабатывались не из грубой

овечьей шерсти, а из “верблюжатины”. Изделия из верблюжьей шерсти отличались особой прочностью, мягкостью и легкостью. Казна особенно охотно брала их для армейского обмундирования. Скоро изделия мулловских мастеров получило широкое признание на рынках всего Поволжья. На фабрике работало уже 90 ткацких станов, на которых было выпущено почти девяносто тысяч аршин армейского и пальтового сукна. Это был самый настоящий прорыв.

Но хозяин, понимая, что застой на производстве может дорого стоить, на достигнутом не останавливался. Он постоянно совершенствовал и расширял производство. В 1863 году ставропольским земским исправником было сделано описание фабрики. В “Ведомости о суконной фабрике, принадлежащей жене Гвардии Капитана Княгине Екатерине Петровне Трубецкой, находящейся в Самарской Губернии Ставропольского Уезда при селе Рождественском-Мулловке, Сосновке тож за 1863 год” давалась подробная справка о предприятии.

Из нее явствовало, что процесс подготовки шерсти был высокомеханизирован. Например, щипка (разделение шерсти на отдельные клочки) производилась на восьми щипальных машинах, а ческа или кардование — “на двадцати аппаратах полуторной меры, из коих каждой состоит из одной ваточной и из одной скалочной машины. Все они действуют водяными приводами”. Готовую шерсть “пряли на 75 прядильных машинах. Ровничные и основные по шестидесяти, а уточные — по сорока веретен для основания в основы пряжи. Разматывается на катушки, а уточная набирается мотками”. Прядильные машины также приводились в действие от водяного колеса. Каждую прядильную машину обслуживали два человека. Ткали сукна уже на 180 ручных станах, каждый из которых обслуживался шпульником и ткачом. Теперь на станах применялись так называемые летучие челноки, что позволило упростить и облегчить работу ткачей. Надо отметить, что это усовершенствование для возвращения челноков было сделано вольнонаемным мастером мулловской фабрики Богданом Ленике.

Очень важной в общем производственном процессе была валка сукна, когда теплое и влажное суровье обрабатывали под давлением, для того чтобы волокна переплетались, образуя пушистый настил на поверхности материала. Для этого на мельницах установили десять чугунных металлических машин, которые приводились в действие от мельничных колес.

Окрашивание сукна производилось в двух огромных медных котлах. Выпускались сукна трех цветов, необходимых для заказчиков: серо-синеватые, черные и темно-зеленые. Сукно после окрашивания поступало на так называемые валялки, где были оборудованы промывные барабаны. Промывка сукон “...производится на промывальных барабанах, устроенных при валянках. Сушильных рам летних двадцать восемь, и зимних двадцать восемь...”

То есть на фабрике имелось 56 сушильных рам. Были они очень громоздкими и тяжелыми. На них натягивалось полотно для сушки. Летом они выставлялись на фабричные дворы, а зимой размещались в сушилках. Окончательная отделка тканей завершалась прессовкой. Для этого вся продукция перевозилась в водяной корпус, к стригальным и ворсовальным машинам. Прессовка производилась на шести ручных винтовых прессах.

В этой же “Ведомости” указывалось, что “сортировка шерсти производится при фабрике, пересортировывается для выработки сукон. Годовая пропорция до двадцати тысяч пудов. Операция сия продолжается в летнее время. Стрижка сукон производится цилиндрами на одной поперечной и одной продольной машинах”.

А кого же и сколько работало на хозяев? В “Ведомости” сообщается и об этом: “Мастеровых взрослых и малолетних временно-обязанных крестьян Княгини Трубецкой и вольно-наемных находится при фабрике девятьсот двадцать пять человек на задельной денежной оплате согласно договора”.

В 1860 году фабрика дала 88740 аршин сукна для армейских и пальтовых поставок на сумму 32754 рубля, а на следующий год 85733 аршина на сумму 41065 рублей. Реформа 1861 года подорвала основы барщинного хозяйствования. 143 человека дворовых пришли к княгине и потребовали выдачи увольнительных свидетельств. Но хозяйка отказала. Дело дошло до мирового посредника. Просьбу крестьян рассмотрели, но увольнительные свидетельства получили только 42 человека. Крестьянам Мулловки по положению помещица выделила по 3,42 десятины земли на каждую ревизскую душу. По “Положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости” в Ставропольском уезде высший душевой надел составлял 4 десятины, а низший — одну с третью десятины. Но за это помещица требовала, чтобы каждый из них отработал на фабрике и в помещицьем хозяйстве по три дня в неделю в течение двух лет.

В 1863 году мулловская фабрика выработала 153 тысяч аршин сукна в год. Видно, князь Трубецкой не рассчитал своих финансовых возможностей, и затем мануфактура стала потихоньку хиреть и сокращать производство. Главной причиной стала нехватка оборотных средств. Пустив все свои деньги на расширение и обновление производства, Трубецкой был не в состоянии закупать сырье, проволоку, ворсовальную шишку и кардоленту. Ворсовальная шишка, плод растения ворсянки, применялась для ворсования сукна, кардолента с прорезиненным или войлочным основанием и укрепленными на ней иглами была необходима для чесальных барабанов.

В литературно-художественном и общественно-политическом журнале “Русская старина” за 1904 год упоминалось об этом периоде на мулловской фабрике. Обращаясь к мировому посреднику В. К. Луцкому, управляющий мулловским имением Карл Иванович Горенбург говорил: “... мы все покупаем в долг, а как расчеты с нами затруднительны, то мы платим чуть ли не вдвое... Суконная фабрика и винокурный завод наши идут в убыток.”

Конечно, князь Трубецкой бедняком не был. Достаточно сказать, что его молодая жена только в мулловской вотчине унаследовала от умершего отца 13457 десятин земли и 1053 души крестьян, кроме того, ее бездетный дядюшка после своей смерти оставил племяннице село Новый Буян с 13020 десятинами земли и 970 душами крестьян да две подмосковными деревнями. И все это да еще наличный и акцизный капитал в сотни тысяч рублей перешли после ее замужества к князю Трубецкому.

И все это богатство шло не только на расширение фабрики. Трубецкой устраивал и обставлял свой господский дом роскошью, строил дачи, содержал невероятное количество дворни. Например, в 1860 году в имении находилось более двухсот дворовых, это в то время когда на самой фабрике работало 925 человек. А ведь весь этот увеселительный и обслуживающий балаган нужно было содержать. Например, Трубецкой на зависть всему губернскому дворянству содержал огромный оркестр. В своем имении он устраивал такие балы, приемы, празднества и гуляния, что шум и блеск их достигал самой Москвы. Трубецкой взял по долговому обязательству у князя Панчумедчева музыкантов, инструменты и ноты, выплачивая музыкантам по тысяче рублей ежемесячно.

Сколько платил князь своим фабричным работягам, неизвестно. Например, в отчете вотчинной конторы за 1850 год говорится, что ткачам и машинным пряхам выдаются “месячины”: натуральная плата мукой за сверхурочную барщину, а также денежные доплаты дворовым и фабричным людям на обувь, белье, теплую зимнюю одежду всего 1500 рублей 70 копеек. В докладной записке секретаря Сенгилеевского уездного полицейского управления в губернское правление об отказе рабочих от работы на фабрике С. А. Акчурина от октября 1863 года говорилось, что недовольные оплатой рабочие требовали от хозяина оплаты, по крайней мере, по 20 рублей серебром в месяц. Много это или мало? Напомним, что в середине девятнадцатого века воз сена стоил 1 рубль 40 копеек, или 60 копеек серебром, мешок овса — 3 рубля ассигнациями, фунт

говядины 3 копейки серебром, баранины — 1,5 копейки, фунт хлеба — три четвертых копейки. Сравнить и подсчитывать, много это или мало, предоставим самим читателям.

Как и всякий светский мот, Трубецкой любил поиграть в карты. Его управляющий Горенбург в связи с этим вспоминал так: "Теперь князя едва ли скоро дождемся. Он поехал в Симбирск получить деньги за суконный подряд. Получит тысяч тридцать и все их спустит в карты". Удрученная положением дел в хозяйстве князя Трубецкого, дворянская опека посоветовала молодой княгине, которая в 1857 году достигла своего совершеннолетия, взять все дела имения в свои руки. Ставропольский земский суд удовлетворил это ходатайство, но было уже поздно, потому что деньги на банковских счетах иссякли, а большинство имений были заложены в дворянских банках.

Хозяйство Трубецких быстро шло к упадку и разорению. Многочисленные кредиторы — частные маклеры, купцы, представители фирм, банков — предъявили мулловскому помещику иски на общую сумму на 250 тысяч рублей. В Самарском окружном суде несколько лет рассматривались претензии помещика Трегубова к Трубецкому, одиннадцать лет длилось дело о панчумедчевом оркестре. За эти годы умер истец, разорились и мулловские помещики. В конце концов, они навсегда уехали из Мулловки, передав имение в удельное ведомство, которое ведало имуществом и имениями, приписанными царской фамилии. На этом закончился еще один этап развития Мулловской мануфактуры.

У ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

В своих экскурсах мне уже не раз приходилось писать о Волжской Булгарии и о народе под названием болгары. Что это за таинственный народ, не родственник ли он болгарам дунайским и откуда он появился в наших краях? Разве это не интересно?

В различных литературных источниках — от древних рукописей до исследовательских работ современных авторов — говорится, что болгарский племенной союз сложился во времена Великого переселения народов. В Приазовье по нижнему течению Днепра и Дона в результате ассимиляции сарматского и аланского населения возник союз во главе хана Кубрата, окончательно сложившийся в первой трети седьмого века и получивший название Великая Болгария. Но здесь же набирал силу Хазарский каганат, да и арабы осваивали новые места обитания. Они начали теснить болгар, постоянно отвоевывая их земли.

По преданиям, умирающий Кубрат собрал своих сыновей и, чтобы спасти свой народ, приказал им разделиться на части и искать счастья и мира в других местах. Одна часть болгар под руководством сына Кубрата Аспаруха ушла на Дунай и, слившись там со славянскими племенами, образовала государство Болгарию Дунайскую. Вторая часть, возглавляемая старшим сыном Батбаем, решила остаться на своей родине, но, не выдержав борьбы с хазарами, подчинилась их власти. Не выдержав гнета хазар, так называемые черные болгары ушли в предгория Северного Кавказа, образовав там свое племенное государство. По некоторым источникам, они и являются предками балкарцев.

Третья часть болгар в конце седьмого века пошла на Волгу. Местные финно-угорские племена не приняли пришельцев, встретив их оружием. И все же уже к середине восьмого века болгары, принявшие самоназвание булгары, прочно осели на Средней Волге. Вся эта территория была поделена между несколькими болгарскими племенами, которые тоже не ладили между собой, постоянно враждуя и воюя. Эти войны между болгарскими князьями использовали хазары, они быстро и легко завладели Средней Волгой и покорили некоторые славянские племена. Таким образом, было создано огромное Хазарское царство, в которое кроме Приазовья вошли Нижнее и Среднее Поволжье, Приокские и Северокавказские земли.

Покорив Среднее Поволжье, сами хазары здесь не жили, а лишь собирали с местного населения через своих наместников дань. Даже сын болгарского царя находился в заложниках в Итиле. Хазарские ханы пытались расширять свои владения на запад, к Днепру, но в девятом веке уже появилось могущественная Киевская Русь, которая мешала новым завоеваниям. Постоянные набеги хазар досаждали русским князьям вплоть до конца десятого века. И тогда киевский князь Святослав Игоревич в 964 -965 годах решил положить этому конец. Помните, как писал А. С. Пушкин:

Как ныне собирается вещей Олег
Отмстить неразумным хазарам.
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам...

После походов князя Святослава Волжская Булгария начала развиваться как самостоятельное государство. По всей территории начинают возникать многочисленные селения и городища: Булгар, Биляр, Сувар, Ошель, Джукетау, Балымат, Кашан и другие. На территории Ульяновской области археологами были найдены памятники ранних булгар у Хрящевки, у Красного Яра, Андреевки, Старой Майны и Красной Речки. По сведениям димитровградского краеведа Ф. Касимова одно из таких городищ находится совсем недалеко от Мулловки.

Уже в XI-XII веках Волжская Булгария переживала наивысший расцвет. Она торговала не только с государствами Средней Азии, но и с Русью. Здесь появляются даже первые русские поселения. В Булгарах был целый русский квартал, в котором жили торговцы и ремесленники. При раскопках здесь были обнаружены русские жилища, посуда, украшения, шиферный крестик, инструменты ювелира, плетеные браслеты и другие вещи.

НА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ РЕЛЬСАХ

После отмены крепостного права в промышленности России сложилась новая ситуация: с разрушением крепостного владения новые хозяева уже не могли использовать в виде дармовой силы своих крестьян, им приходилось нанимать рабочих, которым надо было платить. В отчете Симбирского губернатора за 1863 год говорилось, что если "...прежде владельцы фабрик... обрабатывали сукна крепостными своими крестьянами, платя им по указанной самими цене", то "...с освобождением крестьян помещики должны были платить дороже рабочим и вообще вести дела свои на основаниях коммерческих. Непривычные к этому, одни из них стали передавать фабрики в аренду и даже продавать купцам, а другие, которым это не удалось, прекратили производство. Арендаторы повели дело иначе, и, соединяя собственно фабричное дело с другими торговыми операциями, получают выгоды, что доказывается увеличением числа арендуемых фабрик..."

Неготовые к этому помещики начали свертывать свои производства и продавать фабрики. Так, Игнатовская фабрика перешла в руки ростовщика И. Виноградова, помещики Кротковы продали свои фабрики купцам Акчуриным, создавшим в губернии торгово-промышленную группу, которая сама закупала сырье, изготавливала продукцию и продавала ее, что было намного выгоднее.

Закрылись Никольская и Городищенская мануфактуры. Правда, поговаривали, что к этому приложил свою хозяйскую руку новый владелец Мулловской фабрики, купец второй гильдии, приписанный к Ставропольскому уезду, Хасан Алеев. Будто бы по его наущению был спущен в Городищах пруд, а в Никольском-на-Черемшане возник пожар. Видно, таким образом он устранял конкурентов (знакомая ситуация по нынешним временам).

Что же за человек был Хасан Алеев? Родом он был из известных в Симбирской губернии арендаторов и владельцев многих суконных фабрик Алеевых, в Мелекесе он торговал кожами и скотом, в 1874 году взял в аренду Мулловскую фабрику, а уже через

два года стал ее полноправным хозяином. Еще в середине двадцатого века некоторые старожилы Мулловки хорошо помнили купца Алеева. Вот как описывали они его: невысокий, сутулый, с приплюснутой головой, покрытой тубетейкой, большими стеклянными глазами, хищным носом и козлиной бородой.

Первое, что сделал Алеев, была полная смена надзирателей и руководителей. Сам по национальности татарин, на эти должности он назначал только татар. Это был не национализм, а простой хозяйский расчет. Сам он был глубоко верующим человеком, исповедующим шариатские законы, которые требовали полного подчинения хозяину. А такие законы могли выполнять только мусульмане. Алеев даже построил в Мулловке мечеть и нанял муллу. Очевидно, именно в эти годы, когда в селении появился мусульманский приход, оно приобрело стойкое название Мулловка.

Помнится, лет тридцать с небольшим назад по пути из Ульяновска в Димитровград мой отец решил заехать в Мулловку к своему дальнему знакомому — то ли односельчанину, то ли однополчанину по фронту. Они разговоривали о чем-то своем и упомянули почему-то Мулловку, на что из-за занавески донесся недовольный старческий голос:

— Ты что — нехристь? Какая тебе Мулловка! Испокон века Рождественское называлось.

Алеев был расчетливым, практичным и сметливым хозяином, он понимал, что ручной труд, который преобладал на фабрике в те годы, не принесет прибылей, и настала пора полной реконструкции производства. Водяные приводы стали анахронизмом, в России все больше применялась новая, паровая, энергия. Вскоре после вхождения во владения новой собственностью Хасан Алеев разослал своих подчиненных в столичные и губернские города, которые закупали новое оборудование, машины и станки. Через некоторое время было установлено три паровые машины: две — мощностью по тридцать пять лошадиных сил и одну — ставосьмидесятисильную. Старые прядильные машины он стал заменять на более совершенные и производительные — механические машины для прядения шерсти, так называемые мюль-машины с увеличенным числом веретен.

Все производство, разбросанное по разным частям села, он стал сосредотачивать в одном месте. Это было выгодно экономически и технологически. В кирпичное здание перевели чесальное отделение, 12 чесальных машин давали такую же производительность, какую давали двадцать машин, приводимых водяными колесами. В верхнем конце села разобрали деревянные строения и перенесли их к основному производству. В ткацком цехе число оборудования довели до 200, которые давали в год почти 250 тысяч аршин сукна.

Производительность труда на фабрике резко выросла, продолжительность рабочего дня не изменилась и составляла пятнадцать часов в сутки. Изменились нормы выработки и расценки. Последние, кстати, зависели от урожайности на крестьянских полях, ведь зерно в те годы было основным и главным продуктом, влиявшим на все экономические показатели. В неурожайные годы расценки на единицу продукции снижались, потому что возникал переизбыток рабочей силы и эти условия заставляли рабочих держаться за свои рабочие места.

Вот данные, опубликованные в 1883 году в “Историко-статистическом обзоре промышленности России.” В 1880 неурожайном году мужчины зарабатывали на фабрике до 50 рублей в год, женщины — до 25 рублей, а в 1882 году, когда был хороший урожай, аппаратчицы на мулловской фабрике зарабатывали 36 рублей в год, сновальщицы и присучальщицы — 48 рублей, а промывальщицы, прядильщицы, сукновальщицы и прессовщицы — около ста рублей. Больше всех, как правило, получали ткачи — свыше рубля за кусок суровья. Опытные ткачи вырабатывали за месяц до десяти и более кусков.

На фабрике работало очень много детей, которые были заняты на вспомогательных работах, хотя формально циркулярами их запрещалось принимать на фабрику. Но хозяева по всякому обходили эти запреты. Так, по тогдашним условиям найма, ткач содержал шпульников за свой счет. Брели на эту работу подростков и малолеток, в основном, из своей же семьи или родни, чтобы не отдавать заработок на сторону. Вот и получалось, что хозяин фабрики вроде бы и ни причем, ведь нанимал на работу детей не он, а сам рабочий. За кусок сотканного полотна детям платили по тридцать копеек.

Даже официальные издания России признавали, что “пользование трудом малолетних и подростков на суконных фабриках оказывается весьма значительным”. Например, в 1897 году на мулловской фабрике работало 12 детей в возрасте 7-11 лет, 106 подростков 12-16 лет и 548 взрослых, которым было более семнадцати лет. В книге М. Сударева “Страницы истории” приводятся воспоминания бывшей ткачихи фабрики Прасковьи Логиновны Демковой, Логина Федоровича Топталины, которые рассказывали о тяжелой участи малолетних рабочих.

Понуждением к добросовестной работе на фабрике в те годы были лишь одно средство — метод штрафов и телесные наказания. Премияльные в этот метод не входили. За каждое нарушение производственной дисциплины — безделие, опоздание на работу, за невыполнение задания, праздно времяпрепровождение во время рабочего дня — полагались штрафы. Иногда они были очень чувствительными для карманов рабочих. Мы не имеем таких данных по мулловской фабрике. Но в архивах сохранилась выписка из ведомости о штрафах, наложенных администрацией ишеевской суконной фабрики: за порчу сукна штрафовали от 25 копеек до рубля, за шалости — от 25 копеек до рубля, за ослушание — до двух рублей, за буйство — 1,5 рубля, за неосторожное обращение с огнем — до 3 рублей, за потерю хозяйственных вещей — 1 рубль, за порчу кузнечного меха — 5 рублей.

В цехах имелись специальные надсмотрщики, которые следили за порядком. В середине прошлого века многие жители Мулловки со страхом вспоминали одного такого надсмотрщика по имени Гайнетдин, которого за его сухощавость прозывали “мослом”. Он всегда стоял на возвышении посреди фабричного двора и следил за порядком. Каждого нарушителя он фиксировал и предъявлял ему штраф. Иногда эти штрафы достигали таких сумм, что во время расчета получить было нечего.

Наймом рабочих на фабрике ведал обычно старший приказчик. Сначала он проверял, годится ли человек для тяжелой фабричной работы. Работник должен был быть физически крепким, выносливым и не больным. На работу, ввиду большой конкуренции, брали только с испытательным сроком. Ткачам, например, предлагали бесплатно соткать кусок полотна в 45 аршин длиной. Если он справлялся с заданием, его брали на постоянную работу, если нет...

При приеме на работу выдвигались и другие условия: ткачи должны были купить за свой счет челноки, керосиновую лампу и керосин для освещения своего рабочего места. Челнок стоил три с половиной рубля, керосиновая лампа — полтора рубля, керосин продавался по 5 копеек за фунт. Не у каждого новичка имелись такие деньги. Предприимчивый хозяин отпускал товар из своих лавок в рассрочку, а цену этих товаров впоследствии высчитывали из зарплаты. По воспоминаниям старожилков, каждый ткач сжигал за вечер по полфунта керосина.

Так, фабричный инспектор Симбирской губернии М. Хоменков в своих замечаниях по одной из фабрик в 1896 году писал: “...что расчет рабочих деньгами производится очень редко..., а взамен того... практикуется выдача ярлыков на забор продуктов и товаров в фабричной лавке... Находя подобную систему стеснительной и невыгодной для рабочих, ибо задержка в выдаче денег может заставить рабочих брать товар в лавке фабричной, причем высота цен в последней показывает, что лавка устроена не для

удобства рабочих, а для получения прибыли. Выдача рабочим вместо денег записок, по которым им затем отпускаются товары из лавки, составляет нарушение...”

А как и где обитали рабочие мулловской фабрики? Большинство из них жили в собственных домах, а наемные рабочие размещались в бараках казарменного типа, которые были построены еще в бытность князя Трубецкого. Но с расширением производства и вовлечением в него дополнительной рабочей силы возникла необходимость в новом жилье. Тогда Алеев приказал построить еще два барака для проживания семей вольнонаемных рабочих, которые, как правило, все работали на фабрике. По недавнему советскому прошлому мы еще помним, что такое бараки. А там, где скученность людей, антисанитария и неудобства, там и болезни.

Рабочие часто болели, от этого страдало производство, уменьшались прибыли хозяина. Расчетливый купец построил при фабрике больничную амбулаторию на двенадцать коек. При этом он вряд ли руководствовался состраданием, здесь больше присутствовал хозяйский расчет. В больнице работали фельдшер и санитар, которые еле успевали принимать всех больных. А условия тех лет на производстве были аховые: не было никакой вентиляции и даже элементарной гигиены. Рабочие часто и тяжело болели, туберкулез был постоянным их спутником.

Согласно статистическим данным Ставропольского уездного ведомства, в восьмидесятых годах девятнадцатого века в Мулловке проживало около 1700 человек, а в 1891-1892 годах, согласно метрическим книгам по Мулловке, от голода и болезней умерло 369 человек. Интересно отметить, что за этот же срок в поселке родилось лишь 324 человека. Эти цифры приводит в своей книге М. Сударев, и они подлинные. Откуда же такая смертность? И вновь хочется сказать о лукавности советских историков. Они просто забывают указать, что это было следствием страшного неурожая 1891 года, сравнимым с засухой начала двадцатых годов двадцатого века. Вот и все. Если в урожайные годы крестьяне получали урожай сам семь или сам десять, то по сведениям Симбирского статистического комитета об урожае в 1891 году мы увидим, что, например, урожай ржи составлял лишь сам 2,23, 1,16, а то и 0,33.

Здесь необходимо объяснить, что же стоит за незнакомыми для нас цифрами. Это обозначение относительной величины сбора хлеба с единицы поверхности. Если, к примеру, крестьянин затрачивал на единицу поверхности 10 пудов зерна, а в валовом сборе получал 70 пудов, то “урожай сам столько” равнялся делению последнего на первое и составлял “сам семь”.

Алеев приумножал свой капитал. Так, в 1886 году он получил 1000 рублей чистой прибыли, в 1887 году — 5000 рублей, в 1892 году — уже 18400 рублей. В 1896 году фабрикант за продажу сукна получил 383897 рублей. Добывал они свои капиталы любыми средствами: вел двойную бухгалтерию, очень мало платил рабочим, зажимал каждую копейку. В феврале 1897 года на фабрике возникли стихийные бунты.

Сначала рабочие просто возмущались, а потом ввязались в рукопашные схватки с надзирателями. Сначала бунтовали подсобные рабочие, получавшие самые маленькие зарплаты, но потом к ним подсоединились и рабочие других цехов. Дело дошло до кровопролития — было убито два надзирателя. Рабочие разошлись по домам — фабрика остановилась. Встревоженный положением дел, Алеев через фабричного инспектора три дня то посулами, то угрозами уговаривал рабочих вернуться на свои места. В конце концов, ему удалось это сделать.

Переход на капиталистические рельсы и дарование крестьянам свобод привели к существенным изменениям в устоявшемся укладе жизни всей России. Многие крестьяне уходили от своих бар и хозяев, чтобы встать на ноги самостоятельно. Не всем это удавалось, ведь для становления собственного хозяйства нужны были деньги, а они не у всех были. Крестьянская община, привыкшая жить миром, постепенно расслаивалась: одни так и оставались на тех же фабриках, другие, получив небольшие наделы, стали

заниматься хлебопашеством, третьи становились ремесленниками, открывая свои крохотные производства, или, как модно это называть в наше время, малые предприятия.

В “Сборнике статистических сведений по Самарской губернии” приводятся данные по Мулловке от 1884 года. Всего в селе проживало 1688 человек. Надельной земли, пашни, лесов и приусадебных участков за обществом числилось 3432 десятины (напомним, что десятина — это единица земельной площади, равная 2400 квадратным саженьям или 1,09 гектарам). В Мулловке числилось 828 ревизских душ, то есть мужчин, имеющих право на получение надела в 3,42 десятины, предписанного уставной грамотой. Воспользовались этим правом 695 человек. Отметим, что кроме крестьян самой Мулловки общей надельной землей пользовались также и 192 жителя Степановки.

Но чисто хлебопашеством занимались только 271 хозяйство, другие хозяйства из-за безденежья и невозможности поднять свои хозяйства или продавали свои земли, или сдавали крестьянскому обществу в аренду. Более оборотистые крестьяне стали наращивать свои земельные наделы, скупая их у неудачников, а потом вводил в оборот или перепродавая по спекулятивным ценам. Они же занялись разработкой лесных деленок или выступали подрядчиками. Таких крепких хозяйств в селе было 11. Урожайи в те годы были очень низкими. За пятилетие средний урожай составлял 32 пуда ржи с десятины (это чуть больше пяти центнеров), пшеницы — всего 18 пудов. Кто-то, чтобы вытащить хозяйство из цейтнота, арендовал дополнительные земли у частных или у казны. Таких хозяйств было 197, у которых находилось более тысячи двухсот десятин земли. 44 хозяйства полностью разорились и сдали свои участки в счет податей крестьянскому обществу.

Тех, кто отказался от земли и остался на фабрике, насчитывалось 92 человека. По тем же статистическим сведениям, в Мулловке был один рыбак, один ямщик, 41 поденщик, 27 человек делали сани, телеги, гнули ободья и пилили лес, зарабатывая в год от 10 до 30 рублей; 15 человек занимались перевозкой различных материалов, зарабатывая от 10 до 15 рублей. По той же официальной статистике в Мулловке числилось 23 нищих и 28 бездомных хозяйств или, как сказали бы сейчас, бомжей.

Но и у Алеева появился крепкий конкурент. В восьмидесятых годах девятнадцатого века мелекесский купец А. Г. Марков выкупил у Удельного ведомства бывший винокурный завод Трубецких и земли так называемой мулловской дачи. Через несколько лет “Торговый дом Марковых” построил в Мулловке еще один винокурный завод. На сей раз предприимчивый купец перевел свои заводы на производство спирта из картофеля, скупаемого у крестьян за 8-10 копеек за пуд.

У Маркова были широкие интересы в бизнесе, он занимался не только винокурением и продажей спирта, у него в Мелекесе был литейный завод по отливке чугунных гирь “разного веса узаконенного достоинства”, паровая крупчатая мельница да еще два винокурных завода и ректификация спирта в Никольском Ставропольского уезда и в Зубовском Самарского уезда. Торговый дом “Григорий Маркович Марков с сыновьями” торговал “крупчаткой и другими хлебными товарами в Мелекесе, Кинешме, Нижнем Новгороде, Чистополе, Тетюшах, Спасском, Симбирске и Старой Майне”.

Надо отметить, что род Марковых был очень большим и разветвленным, начался он с Григория Марковича Маркова, урожденного в 1817 году. “Казанский биржевой листок” в номерах 88 и 89 от 1887 года писал: “Явился некогда в Мелекес в лаптях и сермяге мелкий купец Марков и открыл под рогожным шалашом какую-то торговлю. Нажива сразу удалась ему... Завел он кабак, а там другой, третий и т.д... Теперь он уже первый туз в округе...” У него было четыре сына — Александр, Константин, Федор и Андрей, каждый из которых имел свой бизнес.

Насколько оборотист был купец Марков, настолько и прижимист. Вот лишь один пример. Жил в Симбирске талантливый изобретатель-самоучка Ефим Евграфович Горин, которого не только в России, но и за границей называли не иначе как русским

Эдисоном. Им был изобретен первый в мире аппарат для искусственного зрения для слепых, кран-регулятор горячей и холодной воды, первый аппарат для передачи изображения на расстояние — предвестник будущего телевизора. Но для приобретения патента на изобретения нужны были деньги, которых у Горина не было. И тогда он обращается за помощью к купцу Маркову, на что получает следующий ответ: ”Штука твоя (аппарат для передачи изображения на расстояние. Авт.) может и хороша, но на кой черт я буду ее сооружать, да патенты спрашивать, да 100 рублей тратить, если могу купить за 7 копеек марку, за полкопейки конверт, вложить туда свое изображение и куда хочешь послать?” Эх, как пожалел бы, вероятно, купец, если бы знал, что изобретение русского мужика перехватили иностранцы, а ведь стоило-то это всего 100 рублей.

Придя на мулловские земли, Марковы начали свою деятельность с конфликта с местными крестьянами. Конфликт был неоднозначным и очень запутанным. Дело в том, что, по одним источникам, еще Мельгунов отселил часть своих крепостных за пределы села, разрешив им при этом расчищать леса, выкорчевывать деревья, для того чтобы впоследствии строить здесь свои дома. Известное дело, что хозяин — барин. После того как после смерти помещика земли перешли к его дочери, Трубецкая надумала переселить крестьян в другое место, но передумала, потому что по законам того времени она обязана была оплатить все расходы, связанные с переселением, в сумме двадцати тысяч рублей. Ей это показалось слишком большим удовольствием, и она передумала.

По другим источникам, Марковы, получив межевые карты мулловских земель, обнаружили в них допущенную при составлении уставной грамоты ошибку. Она состояла в том, что в свое время крестьянам Менгулевки князь Трубецкой забыл выделить душевые наделы. Преднамеренно это было сделано или нет, сейчас неизвестно, но факт остается фактом: чужие крестьяне оказались на марковской территории. Купец потребовал немедленного выселения чужих людей со своих земель. Крестьяне, естественно, заартачились: куда им было уходить с нажитого места. Сначала Марков стал жителей штрафовать, но, видя, что эта мера на них не воздействует, принял самые решительные меры.

В мае 1885 года в селение пришел сын Маркова Федор с судебным приставом Корниловым, становым Благородовым с отрядом урядников и тридцатью пьяными плотниками. За этой историей пристально наблюдали печатные издания “Казанский биржевой листок” и столичная “Неделя”. Вот что писала, например, “Неделя”: ”Это был буквально разгром. Все ломалось вдребезги, все разбивалось и выкидывалось. Прежде всего, была выброшена пища из печей. Жена крестьянина Еболдова, упавшая в обморок, была вытащена за ноги на улицу... Разгромив в первый раз до основания 5 усадеб, тут же приступили к описанию имущества на удовлетворение Маркова за какие-то убытки. Все оценивалось в ничто и было продано за бесценок...”

Но крестьяне дали отпор. Тогда Марков приказал вырыть вокруг деревни глубокие каналы, чтобы крестьяне не могли выезжать из села и выгонять на пастбища свой скот. Начались долгие тяжбы через суд, которые продолжались целых двенадцать лет. По воспоминаниям старожила В. С. Баранова, за это время менгулевцы “лишились даже собственных кур”. Сначала дело вел Ставропольский уездный суд, затем дело перешло в Самарский окружной суд. В конце концов, крестьяне были вынуждены переселиться в Мулловку. Как писал “Казанский биржевой листок”, эта многолетняя тяжба стоила купцу “гораздо дороже всей спорной земли, но он все же не хочет отказаться... Он привык чувствовать себя магнатом, привык, чтобы все покорялись ему безапелляционно...”

НА ПЕРЕПУТЬИ ВЕКОВ

В конце девятнадцатого века промышленность России переживала кризис. Крупные, более конкурентные предприятия стали вытеснять с рынка более мелкие производства, которые находились вне крупных экономических центров, в поместьях, селах и деревнях. Изменился и спрос, вместо грубых сукон и казна и население стали покупать более нежные и легкие ткани: трико, шевиот, драпы, которые были более изящными и красивыми. Но для этого было необходимо более совершенное, более передовое и более производительное современное машинное оборудование.

Старик Алеев смекнул, что если он не обновит производство, то через некоторое время станет банкротом. Он срочно приказывает закупать новое оборудование и станки, которые расширяли качество и ассортимент товаров. Уже в 1894 году на мулловской фабрике появились десять механических или, как тогда называли, “самоткацких” станков. Уже через несколько лет на фабрике Алеева вырабатывалось более двадцати артикулов ткани: черные и коричневые, серо-офицерские и серо-армейские сукна, бобрики, байку, каразею, одеяла всевозможных расцветок и рисунков и вигонь. Вигонь вырабатывалась с примесью отходов шерстопрядильного производства, что было очень выгодно. При этом пряжа получалась рыхлой и пушистой. Наиболее распространенными тканями, которые вырабатывались с применением аппаратной пряжи, были байка и бумазея.

Сукнами торговали по всей России — от Москвы и Петербурга до Казани и Мелекесса. Продукцию вывозили на различные ярмарки: симбирские, нижегородские, сармские, буинские, мензелинские, карсунские.

Дела на мулловской фабрике стали выправляться. Но неожиданно умер главный хозяин — старик Алеев. По наследству фабрика отошла к двум его сыновьям, Гаясу и Хусаину. Мало того, что они сами оказались малоспособными к ведению дел, так еще и упали цены на шерстяные изделия, вызванные перепроизводством и большой конкуренцией. Чтобы как-то выпутаться из кризиса, братья не нашли ничего более умного, как снизить расценки на вырабатываемую продукцию. Так, в 1902-1907 годах женщины-работницы получали всего по 20-30 копеек в смену.

Но и эта мера не поправила положения дел на фабрике. Рабочие и их семьи стали стремительно нищать. По воспоминаниям, братья Алеевы были беспробудными пьяницами. Чтобы спасти свое благополучие, они организовали Торговый дом, привлекая в него других компаньонов и связав себя с ними, таким образом, контрактами. Теперь делами мулловской фабрика ведала так называемая директория, избранная сорока членами компании. Но барыши все падали и падали. Было это вызвано не только экономическими, но и политическими причинами. В России все больше и больше назревали революционные настроения. Появились они и на мулловской фабрике.

Так, в Государственном архиве Самарской области сохранилось дело № 594, в котором рассказывается о рабочем Н. В. Данилове, связанном с мелекесскими революционерами. Он стал доставлять в Мулловку листовки и прокламации, призывающие поддержать революционное движение народа. Но его скоро выследили и выгнали с фабрики. Что это были за “агитки”, можно увидеть из одного протокола обыска в доме одного из крестьян. Помощник исправника писал: “... в сенах, в картонной коробке из-под печеня, 9 прокламаций, в числе коих одна “Крестьянам”, одна “Господа и братцы”, две “Ко всем солдатам”, одна “Крестьяне, к вам наше слово”, две “Не покупайте земли”, брошюрка без окончания “Год войны” и листок с напечатанными “Марсельзой” и “Вы жертвою пали...”

Ареста Данилова не последовало, и тогда он устроился на работу на мелекесскую льнопрядильную фабрику. Там он тоже распространял прокламации и листовки. В конце концов, Данилова все-таки арестовали. По документам, он был пойман, избит за сопротивление и внесен в список неблагонадежных.

Непопулярная среди народа война с Японией и признаки первой революции 1905 года усилили брожение среди крестьян и рабочих, нового народившегося в России класса пролетариата. Мулловские рабочие слышали о стачках и майских выступлениях мелекесских кожевников и ткачей, о погромах и поджогах помещичьих имений. Слухи о том, что на других мануфактурах рабочим “делают послабления”, мулловские ткачи тоже стали требовать повышения зарплаты и сокращения рабочего дня. В цехах проводились собрания и стачки. Алеевы, встревоженные развитием событий, согласились повысить зарплату, увеличить расходы на лечение больных и отказаться от продажи челноков, которые обязаны были покупать рабочие при приеме на работу.

Но относительное спокойствие на фабрике продержалось недолго. Неэффективное управление, расточительный образ жизни хозяев вели к полному краху предприятия. Директория, лишившаяся прибыли, решила закрыть мулловскую фабрику. Слухи об этом встревожили более чем девятьсот работников фабрики, которые могли остаться без работы и без средств существования. И снова собрания, митинги, на которых принимались требования и предлагались меры против закрытия мулловской фабрики. Весной 1907 года в это дело решил вмешаться сам гражданский самарский губернатор, потому что волнения перешли опасную черту. Из Мелекесса в его адрес пришла телеграмма, в которой излагались требования мулловцев.

Закрытие предприятия было невыгодно и государству, оно всячески боролось с произволом фабрикантов. Например, в циркуляре Департамента полиции губернатору от 1904 года просили сообщить “без замедления обо всех случаях уменьшения числа рабочих... на фабриках... и о закрытии... промышленных заведений, присовокупляя при этом нижеследующие сведения:

- а) о наименовании... фабрик;
- б) о причинах, вызвавших означенное мероприятие;
- г) о количестве рабочих, уволенных из означенных заведений;
- д) о мерах, принятых администрацией к обеспечению рабочих, оставшихся без всяких средств к существованию”.

При этом из представления старшего фабричного инспектора Симбирскому губернатору по случаю закрытия Екатериновской суконной фабрики мы узнаем, что “... в случае закрытия фабрики они (рабочие) должны быть предупреждены об увольнении за две недели”.

Для наведения порядка в Мулловку направили отряд казаков под командованием полковника Добрянского, было отправлено секретное предписание в адрес ставропольского уездного исправника принять все меры к недопущению беспорядков. Скоро вооруженные отряды казаков разъезжали по мулловским улицам и фабричному двору. Старший фабричный инспектор вел переговоры с представителями Торгового дома изнакомился с положением дел, а губернаторский посланник уговаривал братьев Алеевых не закрывать фабрику. Из сохранившихся документов известно, что фабрику решили пока не закрывать, о чем и доложили губернатору. Ставропольский исправник сообщил, что инцидент исчерпан и беспорядки не допущены.

Казалось, что жизнь налаживалась, но директория неожиданно в ноябре того же года снова объявила о закрытии фабрики. Сотни рабочих стали в один миг безработными, а их семьи остались без средств существования. Общественность встревожилась. Вот что писала о мулловских рабочих самарская газета “Волжское слово” в номере от 10 января 1908 года: “Все они очень нуждаются. Одни из них обивают пороги правительственных и общественных учреждений в части найти работу, другие ходят по домам обывателей и просят работы по хозяйству за пищу или деньги, третьи, наконец, под страхом голодной смерти решаются на кражи и грабежи. Кроме того, отсутствие дешевых столовых сильно отразилось на безработных, увеличив среди них всевозмож-

ные заболевания, а с наступлением холодов начались заболевания дифтеритом и скарлатиной, от которых погибают дети...”

О тех нелегких временах оставили свои воспоминания и старейшие жители Мулловки. Так, Анна Федоровна Хрусталева рассказывала, что их большая семья жила при Екатериновской фабрике. Сама она вынуждена была пойти на работу с десяти лет в качестве подметалы в цехах. Отца ее хозяин уволил только за то, что тот посмел требовать прибавки к жалованию по одной копейки за каждый аршин вырабатываемого сукна. После этого ее матери ничего не оставалось, как пойти “в люди” и просить милостыню. Девочка Аня оказалась смышленной и любознательной — тайком от хозяина она освоила специальность прядильщицы и потом встала за станок. В 1929 году Екатериновская фабрика сгорела, и их семья перебралась в Мулловку на постоянное место жительства.

Интересны воспоминания мулловца Ф. Черемухина. Мальчик очень хотел учиться, но отец не пустил сына в школу, заявив, что сейчас не до учебы, ведь нужно было кормить пять голодных ртов. Отец устроил его на фабрику, где восьмилетний пацан “мотал шпули”. Из одежды на мальчике были только ступни из лыка, посконные штаны да рубаха. Шесть лет был подсобником, работая наравне с взрослыми по 10-12 часов и зарабатывая по 50-60 копеек в месяц. Потом хозяин вместе с другими отроками отправил его учиться на ткача. Правда, за учебу и за обед жадный хозяин потом вычитал деньги из зарплаты. По воспоминаниям Клавдии Зоровой, она с десяти лет начала работать у Бахтеева, собирала и растилала клочки шерсти, а за 10-12 часов работы получала гривенник. Условия работы были ужасными: грязь, сырость, духота.

Для того, чтобы уменьшить напряжение на рабочем рынке и хоть чем-то помочь обездоленным, губернская администрация открыла на мулловской даче временные лесоразработки, но это мало выправляло общее положение дел.

А тем временем члены Торгового дома договаривались о новом распределении возможных доходов при условии возобновления работы производства. Кредиторы Алеевых и сами хозяева договорились, что каждый пайщик будет получать доходы от реализации конечной продукции в соответствии с вложенными капиталами. Фабрику вновь открыли. Управляющим был избран один из братьев Алеевых, Гаяс. Но тот так и продолжал гнуть свою линию, и потому львиную часть доходов, пользуясь своим положением, он присваивал себе. В директории продолжались склоки, разборки, скандалы, связанные с дележом прибыли. Чтобы увеличить ее, вновь стали снижать расценки на вырабатываемую продукцию. Не предвидя ничего хорошего, с фабрики стали увольняться рабочие и уходить внаем к другим хозяевам

Компаньоны Алеева тоже разочаровались и стали выходить из Торгового дома, предъявляя хозяину большие иски. Алееву нужно было как-то выкручиваться из создавшегося положения, ведь ему нечем было расплачиваться по кредитам со своими компаньонами. А это было для него полным крахом: позор, обнищание, банкротство. Далее произошло необъяснимое и в то же время закономерное — однажды на фабрике возник пожар. То ли от неосторожного обращения с огнем, то ли по чьему-то злому умыслу загорелось машинное отделение, потом огонь перекинулся на другие цеха. Рабочие приступили к тушению пожара, но их разогнал управляющий, опасавшийся взрыва котлов и неизбежных при этом жертв.

Фабрика сгорела. И вслед за этим поползли слухи: а зачем управляющий запретил тушить пожар, ведь котлы-то так и не взорвались? А кому это бедствие было более выгодно? А не сделал ли это сам Алеев? Слухи слухами, а мы попробуем дать ответы с позиций сегодняшнего дня. Прав ли был управляющий? Конечно, прав, иначе, при другом раскладе сидеть бы ему в тюрьме. Кому выгодно? Да никому, потому что сотни рабочих оказывались без работы, а сам Алеев оставался без “дойной коровы”, которая

приносила ему хоть и небольшой, но стабильный “удой”. А может быть, это было выгодно кому-то еще?

Среди компаньонов Торгового дома Алеевых был некто Бахтеев Сарезетдин. Капитал Бахтеева в компании был самым большим из всех пайщиков. Еще в начале века предприимчивый купец прибрал к рукам всю торговлю шерстью в губернии и стал единственным поставщиком сырья для производства мануфактуры. Отметим этот факт. К тому же он считал перспективным и прибыльным при определенных условиях производство сукна. И, если учесть, что в его руках теперь оказались и сырье, и большие капиталы, и магазины со складами, то неудивительным выглядит его желание взять сгоревшую мулловскую фабрику.

Другие компаньоны ему были не конкуренты, и потому Бахтеев скоренько принялся за возрождение мулловского суконного производства. Провели ремонт всех производственных помещений, оборудования, закупили новые машины: 89 ткацких одночелночных станков, семь сукновальных машин, три щипальные машины, шесть вторых чесальных машин аппаратов, так называемых “секретов”, и одиннадцать сельфакторов, как тогда назывались прядильные машины старой конструкции. Появились на фабрике и новшества: электричество и устройства механической сушилки с одиннадцатью подвижными рамками. Уже в 1912 году фабрика заработала.

Вместо прежнего Торгового дома Алеевых новый хозяин организовал фирму “Торговый дом С. Ш. Бахтеев с сыновьями”, которых (то есть сыновей) у него было пятеро. Одному из них, а именно Исмаилу, он поручил управление возрожденной фабрикой. Надо сказать, что дела при новом хозяине пошли хорошо. Во-первых, была организована двухсменная работа, во вторых, новое оборудование и новшества, введенные на производстве давали большую отдачу, в третьих, изучение рынка потребления и спрос на продукцию привели к изменению ассортимента. Предприятие стало выпускать одеяла, шали, бобрики, шинельные и пальтовые сукна.

Уже на следующий, 1913, предвоенный год мулловская фабрика выработала, а Торговый дом продал (что немаловажно) более 110 тысяч аршин серого шинельного и грубого пальтового сукна, столько же аршин бобрика и более 12 тысяч шалей и одеял. Основной капитал фабрики составлял уже более ста тысяч рублей, а прибыль достигла 35 тысяч рублей. С началом первой мировой войны, когда объемы заказов значительно увеличились, фабрика давала до 850 тысяч аршин сукна в год (1916 год).

По статистическим данным, средняя зарплата рабочих на мулловской фабрике составляла более ста рублей в год (1913), а в 1916 году — около 220 рублей. Советские историки и исследователи очень любили сравнивать многотысячные и миллионные прибыли “деловиков”, как в те годы называли новых капиталистов и предпринимателей, с зарплатами рабочих. Конечно, цифры были несравнимы, но они, как правило, “забывали” указывать соотношение величины зарплаты и рыночных цен на продукты. Советские историки приводили графики и таблицы, сами того не подозревая, что по ним пытливый человек мог сравнить благосостояние рабочего или крестьянина. Вот, например, краткая характеристика хозяйства зажиточного крестьянина-хуторянина Сызранского уезда от 1909 года. Семейство: двое мужчин и двое женщин, шесть малолеток; земли — 75 десятин; земля обрабатывается силами семьи, нанимается один годовой работник и в сезон поденщики; изб — три. Инвентарь мертвый: молотилка, веялка, жнейка, сеялка разбросная, соломорезка, плуг, 2 скоропашки, 5 фур, 5 саней. Инвентарь живой: 4 лошади, 4 коровы, 3 подтелка, 9 свиней, 350 голов кур. Средняя урожайность: рожь — 70 пудов, картофеля — 380 пудов, пшеницы — 40 пудов.

А что мог купить рабочий на свою зарплату? В довоенный период пшеница стоила 75-80 копеек за пуд, овес — 44-50 копеек, картофель — от 15 копеек, просо и ячмень — 50-62 копейки. Лошадь на ярмарках барышники продавали, в зависимости от ее назначения и породы, от 20 до 100 рублей, корову, в зависимости от возраста и удои-

стои, — от сорока рублей. В то же время колониальные и промышленные товары стоили дороже: самовар стоил 18 рублей 40 копеек, фунт (400 граммов) чая — 2 рубля.

Статистика — вещь лукавая, ее можно использовать в разных целях, что зависит от настроения и взглядов того, кто ею пользуется.

VI ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

В четвертом веке в пределы Европы вторглись кочевники — гунны, что и послужило началом целой эпохи, получившей название Великого переселения народов. Это способствовало обновлению населения и на Средней Волге. Именно к этому времени археологи относят появление позднесарматского населения в наших краях. Особенно подробно изучена так называемая именьковская культура, названная так по первому городищу, исследованному у села Именьково в Татарстане. Известно о сотнях поселений именьковцев, но они еще мало изучены. Расположены они группами по берегам Волги, Утки, Майны, Большого Черемшана и других рек.

По вопросу этнической принадлежности именьковских племен единого взгляда у исследователей нет. Одни считают их потомками городецких племен, другие — древних угоро-мадьяр, третьи — древнейшими тюрками, четвертые — финно-угорскими племенами. Однако, авторы “Всемирной Истории” считают достоверным, что это были венгерские племена, которые до девятого века кочевали между Камой и Волгой.

Наш димитровградский краевед Ф. Касимов на основании исследований А. Аннинского в книге “Известия венгерских миссионеров XII-XIV веков о татарах в восточной Европе” и Е. Халикова в книге “Погребальный обряд танкеевского могильника и его венгерские параллели” приходит к выводу, что это были племена древних венгров, часть которых к концу первого тысячелетия вторглись в земли, расположенные по среднему течению Дуная и берегам Тиссы, где и сложилось Венгерское раннефеодальное государство.

По некоторым археологическим исследованиям поселения древних венгров были между Камой и Большим Черемшаном. На границе Ульяновской области и Татарстана был исследован Танкеевский могильник, и археологи сразу обратили внимание, что это захоронение и могильники венгров на Дунае имеют сходные черты.

Интересно, что придунайские венгры через много столетий пытались отыскать свою древнюю родину. В тринадцатом веке с этой миссией в наши края отправилась группа придунайских венгров, чтобы найти “единоплеменников венгров-язычников”. Из четверых миссионеров трое в дороге погибли, а оставшийся в живых брат Отто, вернувшись, рассказал о местонахождении “Великой Венгрии” и вскоре умер. Через несколько лет по следам первой экспедиции отправилась другая группа. Она прошла до Константинополя, перебралась через Черное море до Крыма, а затем через киргизские степи до Итиль-Торчикана (Астрахани). Здесь они прожили полгода. Двое, не в силах продолжать путь, вернулись назад, а двое, Юлиан и Герард, дошли-таки до реки Белой, где их встретили предки.

Юлиан еще раз возвращался на родину своих предков, о чем оставил дневник. В нем он писал, что “Эти венгры-язычники не имеют никакого понятия о боге, но не почитают идолов, а живут как звери... Богаты конями и оружием, и весьма отважны в войнах... По преданиям древних они знают, что те венгры произошли от них, но не знали, где они... Язык их совершенно венгерский, и они понимали его, а он их...”

НА ГРЕБНЕ СМЕНЫ ЭПОХ

Неудачи на войне, невнятная политика и отвратительное хозяйствование имперского российского правительства пошатнули вечные устои огромного государства. Волнения и недовольства народа начались еще задолго до семнадцатого рокового для

России года. Опыт 1905 года лишь подхлестывал буйные фантазии новых и опытных революционеров, и они начали действовать. Волнения, забастовки и стачки в центральных городах начали, словно круги на воде, приближаться к провинциям.

В мае 1915 года объявили стачку работники Мелекесской льнопрядильной фабрики. Газета “Волжское слово” писала об отказе крестьян села Большая Кандава идти на войну. По селам, деревням и городам забегали агитаторы, которых в наших местах называли “волчками”. Исправниками писались рапорты о том, что “...крестьянин Никишев агитирует среди населения исключительно против должностных лиц, подрывая в глазах жителей всякое доверие к властям, рассеивая смуты, беспорядок и возбуждение...”

А вот что писал в своем приказании начальник Мелекесского жандармского управления подполковник Бутосов: “По полученным сведениям, в последнее время революционные кружки используют в широких размерах доставку органов повременной печати в действующую армию, госпитали и лазареты, а также в поезда с эшелонами войск и раненых воинов в целях распространения революционных и пацифических воззваний путем вкладывания таковых в газетные листки и журналы.

Ввиду изложенного... установить наблюдение за доставлением раненым воинским чинам газет и журналов. По обнаружении нелегальных изданий тотчас составлять надлежащие протоколы, а лиц, доставивших такие издания, задерживать...”

Были такие агитаторы и в Мулловке. Рабочий А. Дергачев и помощник механика М. Иванов читали в бараках запрещенные брошюры и прокламации. В феврале 1917 года весь поселок взбудоражила весть об отречении царя и передаче всей власти в стране в руки Временного правительства. Тут уж было не до работы — рабочие, когда-то очень сильно пострадавшие от закрытия производства и требовавшие его открытия, на сей раз сами побросали рабочие места и вышли на улицы Мулловки. По воспоминаниям старожилов, они десятки раз с плясками и пением ходили по улицам, приветствуя приход новой эры в России.

Такая свистопляска, естественно, не нравилась хозяину мулловской фабрики Бахтееву. После нескольких дней всеобщей эйфории он понял, что если так продолжится еще несколько дней, то он будет разорен. Он призвал рабочих вернуться на свои рабочие места, но не тут-то было. По селам, деревням, поселкам, городам забегали агитаторы различных партий и движений, которых в то время было уже более пятидесяти. И каждая из них предлагала свои программы. Самой популярной партией среди крестьян и рабочих была партия социалистов-революционеров (эсеров), численность которой определялась, по разным оценкам, от 400 до 1200 тысяч членов. Она привлекала крестьян радикальной аграрной реформой, требованием создания федеративной республики. Близка идейно к ним была партия меньшевиков. Но всех организованней и способней оказались большевики. Работавшая постоянно в подполье, РСДРП (б) вскочила на волну революции, пока еще буржуазной, как джин из бутылки.

Уже в марте семнадцатого в Мелекесе был создан Комитет народной власти. Всего 60 членов РСДРП и им сочувствующих создали большевистский комитет, но и этого оказалось достаточно, чтобы в ноябре, после переворота в Петрограде, вся городская власть оказалась в их руках.

Первыми действиями рабочих мулловской фабрики явилось создание в марте 1917 года профессионального Союза рабочих текстильной промышленности. В фабричный комитет были выбраны Н. Баранов, А. Гемранов, П. Демков, П. Евстигнеев, Г. Зайцев, И. Мифтахутдинов и другие. Решения фабричного комитета были осторожными и касались, в основном, приема и увольнения рабочих, но владелец фабрики их сходу отверг.

Уже в апреле в селе Гурьевка состоялся губернский съезд делегатов суконных и писчебумажных фабрик, где были приняты требования об улучшении условий труда,

увеличении зарплаты и сокращении продолжительности рабочего дня. В конце апреля представители суконных фабрик, кожевенных и свечесальных заводов Самарской, Симбирской, Саратовской и Пензенской губерний собрались на съезд в Симбирске для разработки и установления единых тарифов для рабочих всех фабрик и принял постановление об использовании штрафных денег и по продовольствию. Были там делегаты и от мулловской фабрики: это — конторщик П. А. Мещанкин и столяр Ф. М. Регентов.

Хозяин фабрики Измаил Бахтеев отверг все требования съезда, как неприемлемые, но после того, как рабочие пригрозили ему бессрочной забастовкой, в конце концов, дал согласие при условии, что фабрика будет работать в три смены. После удовлетворения первых требований фабричный комитет потребовал от хозяина пересмотреть тарифы на оплату труда. По материалам дела №215, сохранившегося в архивах Самарской области, до семнадцатого года средний заработок рабочего на мулловской фабрике составлял 213 рублей 30 копеек в год, жалованье надсмотрщиков — 492 рубля 20 копеек, управляющий получал около 4000 рублей. По новым предложенным расценкам зарплата рабочих увеличивалась до 467 рублей 6 копеек в год.

Вскоре исконное российское волостное правление в Мулловке было заменено Советом рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, во главе которого был избран местный житель Степан Еболдов. Естественно, Измаил Бахтеев не мог выполнять все более возрастающие требования фабкома и самих рабочих, которые ничем не были обеспечены. В архиве Ульяновской области сохранился документ, в котором фабрикант на требование принять на работу ткачей Алексея Каблова и Василия Зотова вполне резонно отвечал: "...независимо от сего даю знать комитету, что всякие постановления комитета, не отвечающие требованиям существующего в СИЛЕ (выд. автора) закона, мною ни в коем случае не будут удовлетворяться." Советские исследователи принимали это за несговорчивость и упертость хозяина, но, по всей видимости, Бахтеев руководствовался не постановлениями, а трезвым хозяйским расчетом.

Тогда Бахтеева пригласили на общее собрание, послав за ним милиционера Сергея Шигорина. Фабрикант ответил отказом. Во второй раз вместе с Шигориным пошел член фабкома Ибрагим Мифтахутдинов. Судя по протоколу общего собрания членов Союза рабочих текстильщиков Мулловской суконной фабрики от 22 октября 1917 года, Бахтеев взял извещение о приглашении, не читая, порвал его и затопал ногами.

— Вот ваша записка! Вот ваш комитет! Не признаю я никакого комитета... Пошли вон, сволочи! — кричал он.

А через несколько дней произошел большевистский переворот. Многие до сих пор спорят, была ли это революция или переворот. На мой взгляд, революция произошла именно в феврале, когда сменилась форма правления государством — почти неограниченной монархии на смену пришла демократия. Большевики же под теми же демократическими лозунгами вооруженным путем захватили власть. Это принципиальная разница. Новые декреты большевиков, обещающие мир, передачу всей власти на местах выборным Советам, земли — крестьянам, фабрик и заводов — рабочим внесли сумятицу в российское общество. Меньшинству — фабрикантам, помещикам, властьпредержащим — она ничего не давала, а наоборот — все отбирала. Большинству обещала все. А разве не хотели уставшие от войны солдаты мира, крестьяне — земли, рабочие — заводов и фабрик? Конечно, хотели. Как выполнили свои обещания большевики и коммунисты, мы испытали на своей шкуре.

Но агитацию проводили не только большевики. Уже в ноябре на фабрике появились меньшевики и эсеры, они устраивали собрания, призывая рабочих "...протестовать всеми имеющимися средствами в руках революционной демократии против насильственного действия авантюры, так называемых большевиков". Побывавшие на Измайловской фабрике Шатрова эсеры и меньшевики предложили собранию машинописный текст резолюции, защищавший ценности демократии и капитализма,

но “эсеро-меньшевицских крикунов стащили с трибуны”, а на резолюции поставили две подписи: “отвергнута, как неприемлемая” и “не прошла”.

Уже в 1918 году во всех селах, деревнях и рабочих поселках стали создаваться партийные коммунистические ячейки. Появилась такая ячейка в январе 1919 года и на Мулловской суконной фабрике, в которой было пять коммунистов и семь сочувствующих: Федор Регентов, слесарь Иван Лебедев, винтовщик прядильного производства Калимулла Хайруллов, учительница Екатерина Журавлева и другие.

А скоро на Средней Волге вспыхнула так называемая “чапанная” война. В марте 1919 года в селе Новодевичье Сенгилеевского уезда мятежники избили председателя волостного ЧК В. Казиминова, привязали к саням и, проволочив до проруби в реке, утопили. В Ерыклинке толпа, подстрекаемая кулаками, напала на представителей военной комендатуры города Мелекесса, которые прибыли в село для мобилизации подвод для красной армии. В Ставропольском уезде в мятеже участвовало около 100 тысяч человек. Это огромная цифра, если учесть, что во всем уезде проживало на то время около 350 тысяч.

Недовольный правлением новой власти, коммунистов и их прихлебателей, народ не вынес того положения, когда в стране снова началась война, когда всюду царил голод и беззаконие, когда насильно отбирали то, что было нажито десятилетиями. Но тогда “чапаны” еще верили в Советскую власть. Это видно хотя бы из лозунга, под которым они боролись: ”Да здравствует Советская власть на платформе Октябрьской революции! Долой коммунистов и коммуны! Долой жидов!”

Появились такие отряды, вооруженные вилами, рогатинами, острогами и старыми винтовками, припрятанными фронтовиками после первой мировой войны, и около Мулловки. Михаил Сударев в газете “Текстильщик” писал, что “В селах, далеких от линии фронта, полилась кровь, запылали дома коммунистов, окропилась земля горькими слезами. Кулацкие лазутчики так называемой “чапанной войны” проникали в поселок, грозились уничтожить фабрику. Коммунисты организовали охрану предприятия, начали обучать рабочих стрельбе из винтовок и пулеметов. Пока что учились щелкать затворами, ходить строем, привыкали ползать по-пластунски, бросаться врукопашную, но вскоре выступили в боевой поход. Дрались с “чапановцами” на подступах к фабрике, за Никольском, Мусорками, у Бинарадки и Хрящевки, у Ставрополя и Курумоча. Кулацкий мятеж был подавлен...”

Власть подавила восстание с невероятной жестокостью: более 50 тысяч человек регулярной армией и чекистами были загнаны в речные полыньи и утоплены. очевидцы тех лет вспоминали, что в половодье по рекам плыли горы трупов утопленников, а крестьяне до поздней осени боялись брать воду из открытых водоемов, опасаясь заразы.

Города России голодали, потому что никто из крестьян не хотел задаром отдавать политый собственным потом хлеб, да и чувство самосохранения заставляло крестьян прятать хлеб: если не отдашь — станешь неугодным и угодишь в лапы ЧК, а если отдашь, то сам умрешь с голоду. Понимая это, власть пошла на крайние меры. Стали создаваться продовольственные отряды, которые насильно изымали хлеб и скот у крестьян. Был создан такой продотряд и в Мелекесском уезде.

Партийная ячейка и фабричный комитет послали в него Ивана Лебедева, Ивана Кузьмина, Ивана Абрамова, Абдулу Шакурова и Николая Хуфчика. Всего мелекесскими продотрядниками было отнято у полуголодных крестьян 11700 пудов мяса и 90 тысяч пудов хлеба. Из этого количества в Петроград отправили 1400 пудов мяса и 17600 пудов хлеба, морякам Балтийского флота — 743 пуда мяса, остальная часть заготовленных продуктов была передана интендантству 5-ой армии Восточного фронта. Авторитет коммунистов Мулловской фабрики год от года падал. В своей статье “В начале пути”, посвященной 50-летию парторганизации фабрики, известный мелекесский журна-

лист и краевед М. Сударев приводит такие цифры: если осенью 1919 года в партийной ячейке было 10 коммунистов, то уже к 1924 году, когда предприятие закрылось, их осталось только трое.

Что произошло вслед за переворотом, мы уже знаем — все общество раскололось, и началась гражданская война, одна из самых худших разновидностей войн, когда сын убивает отца, брат брата, а дядя родного племянника. Советские пропагандисты любили писать, как “по зову партии большевиков на защиту завоеваний революции встали рабочие и крестьяне всей советской земли”. Да не все, не все! Например, в районе Лесной Хмелевки действовал отряд Ширяева, который убивал коммунистов и активистов.

По воспоминаниям участника Гражданской войны В. Курбатова, который воевал в отряде Федора Красникова, у Мулловки располагался скотозаготовительный пункт белочехов. Отряд Красникова захватил этот пункт, перебили всю охрану, перегнал весь скот в Мелекесс и у моста через Черемшан передали его латышам. В мае 1918 года на фабрике тоже был создан добровольческий отряд Красной Армии, в который записалось 50 человек. Среди добровольцев были рабочий Петр Буданов, ткач Алексей Киселев, крестьянин Алексей Сухоруков и другие, которые затем погибли при защите города Самары.

Из этических соображений я не стану больше рыться в поисках материалов по этому периоду и описывать все ужасы, которые происходили при частой смене власти на местах, когда село занимали то белые, то красные, то зеленые. Лучшее всего нравы этого безвременья передал один из персонажей фильма “Чапаев”: “Белые придут — грабят, красные придут — тоже, понимаешь ли, того. Куда бедному крестьянину податься?”

В Мулловке были такие, кто воевал за красных, а кто за белых, были и такие, которые бегали по лесам и от первых и от вторых. По воспоминаниям моей бабушки, когда через их деревню проходил отряд белых, насильно забрали одного ее брата, а когда проходил отряд красных, командир сказал второму ее брату:

— Давай, вступай в наш отряд, сейчас все равно не угадаешь, на чьей стороне правда. Придут белые — все равно заберут.

Вот так и воевали братья по разным сторонам фронта. Один из них так и не вернулся домой, может быть, в одной из схваток один брат порубил другого. Как знать.

Через год после октября семнадцатого года рабочие Мулловской фабрики на общем собрании постановили: национализировать предприятие и передать его в ведение Совета народного хозяйства. Решение общего собрания в феврале девятнадцатого утвердил исполком уездного совнархоза. На том же собрании текстильщики избрали первое правление фабрики. Известны имена правления, в него вошли механик В. А. Гриченко, бухгалтер Л. Титов, заведующий фабрикой А. Валеев. При этом им дали полугодовой испытательный срок.

Что интересно, после национализации фабрики бывший хозяин Измаил Бахтеев со всем своим семейством жил в Мулловке, надеясь, что со временем что-то изменится. Не изменилось. Кроме всей недвижимости, у Бахтеева конфисковали и склады в Симбирске, на которых изъяли 23500 пудов шерсти: мытой 6298 пудов, верблюжьей 3321 пуд, коровьей 2090 пудов. Бахтеев “терпел” присутствие коммунаров до февраля 1919 года, а потом куда-то исчез, не забыв прихватить с собой всю документацию фабрики, конторские книги и все свои богатства. Все это отмечено в акте, который составил инспектор Самарского губернского статистического бюро Горин.

Брат Измаила Бахтеева Зариф, который владел фабрикой в селе Линевке Симбирского уезда, был не так покладист с новой властью. Не желая отдавать ее в чужие руки, он, по некоторым сведениям, сжег ее и приехал в Мулловку к брату. С помощью меньшевиков, которые тогда еще имели вес и силу в составе Мелекесского уездного

совнархоза, он попытался войти в состав правления фабрики, но ему это не удалось. Во всяком случае, об этом писала в февральских номерах газета “Знамя коммунизма” — орган Мелекесского уездного комитета РКП (б) и уездного исполнительного комитета.

Но фабрике необходимо было жить: что с хозяином, что без хозяина. Да вряд ли можно было придумать что-то новое: все также рабочие трудились в три смены, все также необходимо было выполнять военные заказы новой власти. Совсем ничего не изменилось и в оснащении производства. Паросиловое хозяйство состояло из трех паровых котлов с площадью нагрева в 3500 квадратных футов, трех паровых машин и одного локомотива общей мощностью в 250 лошадиных сил. Кроме того, действовало одно водяное колесо мощностью в 25 лошадиных сил. В цехах работало 89 механических ткацких станков, из которых 17 были сломаны, семь чесальных аппаратов, 8 прядильных машин периодического действия, десять сельфакторов на 345-360 веретен. В отделке сукно сушилось в камерах, натягиваясь на рамы, а летом — прямо на солнце. Все это оборудование было приобретено и установлено бывшим хозяином фабрики еще в 1912 году после большого пожара. Сколько тогда получали рабочие, история умалчивает.

При тех же мощностях фабрика заметно снизила производительность труда. Если в 1916 году она произвела почти 850 тысяч аршин сукна, то в 1919 году лишь чуть более 700 тысяч суровья. Несоизмерим был и ассортимент. Бахтеев вырабатывал не только шинельные и пальтовые сукна, но и шали, одеяла, бобрик, вигонь, каразею, байку, то в девятнадцатом году фабрика давала лишь шинельное сукно, одеяла и материал для портянок. Но основные трудности ждали мулловскую фабрику впереди.

ГОЛОДНЫЕ ДВАДЦАТЫЕ...

Крестьянство, вырванное с корнем из своих исконных аграрных отношений, которые были до октябрьского большевистского переворота, получило землю, но лишилась свободы. Продразверстка, установленная новой властью, практически отбирала задаром хлеб у крестьянина, который не видел уже большого смысла в своем труде. Запыхали крестьянские восстания на Украине, на Дону, на Кубани и на Средней Волге. В 1921 году восстали сибиряки, прокатились забастовки в Москве и Петрограде, вспыхнуло восстание в Кронштадте. Даже глава правительства Ленин вынужден был признать, что “только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России...” Уже к середине двадцать первого года правительство вынуждено было принять новую экономическую политику (НЭП) и разрешить свободную торговлю хлебом.

Уже в двадцатом году, за год до страшной засухи 1921 года, в Мулловке наступил голод. Не хватало всего: хлеба, топлива, керосина, медикаментов. Продукты привозили, но очень мало и с большими перебоями. Рабочие фабрики недоедали, но все равно работали. После окончания рабочей смены цеха почти в полном составе выезжали в лес, рубили дрова и на себе таскали их в дома и в цеха, чтобы не замерзнуть.

Вечный спутник голода и холода — тиф начал свою страшную человеческую жатву. Уже в январе он начал косить людей. Небольшого лазарета при фабрике не хватало, чтобы уместить всех заболевших, и тогда под стационар перевели половину жилого барака. Из 345 тифозников выжила лишь немногим более двухсот, сто с лишним человек умерли. На фабрике стало не хватать рабочих, и она перешла на односменную работу. В январе было выработано лишь девять с половиной тысяч аршин шинельного сукна — основной продукции для воюющей армии.

Правление и фабричный комитет предприятия стали принимать срочные меры, что бы во что бы то ни стало выполнить казенные поставки. Из местных крестьян и эвакуированного населения стали набирать новых рабочих и спешно обучать их необходимым навыкам на фабрично-заводских курсах. Деятельность оставшихся в живых

стали поднимать в духе того времени: агитацией, горячими речами, лекциями, докладами, спектаклями. Проведенная организаторская работа дала некоторые результаты: в следующие два месяца фабрика выдала более 28 тысяч аршин сукна.

Но недаром в народе говорят, что беда не приходит одна. Во время весеннего паводка прорвало фабричный пруд, и производство окончательно встало. А ведь Мулловская фабрика оставалась в то время единственным действующим предприятием Самарской губернии. И снова общественные организации и руководство кинули клич: “Восстановим плотину!” На майские праздники сотни людей вышли на коммунистический субботник с лопатами, топорами и тачками. Крестьяне подвозили на лошадях землю, кто-то забивал сваи, кто-то заготовлял кольца. Этот труд был привычен для русских людей, потому что они всегда всем миром противостояли трудностям. Уже через месяц закрутилось первое колесо, и фабрика заработала.

Полуголодные рабочие падали в голодные обмороки, болели, умирали. В помощь им создавались различные общественные организации, фонды и кассы взаимопомощи. Положение вроде бы потихоньку выправлялось, руководство фабрики стало подумывать о выпуске мирной товаров повседневного спроса. В августе была соткана первая пробная партия шалей, а в следующем месяце стали выпускать трико. Но производство их было до того мало, что оно не приносило ощутимых результатов.

Весной 1921 года и до того скудные рабочие пайки были урезаны до минимума. Все люди надеялись на новый урожай. Крестьяне провели посевную, засеяли огороды, вывели на луга стада. Но надежды на лучшие времена похоронила страшная засуха в России, охватившая 35 губерний — основных зерновых районов страны. Засухи посещали страну и раньше. В девятнадцатом веке 40 лет были засушливыми, в начале двадцатого века голодными были 1901, 1905, 1907, 1908, 1911, 1912 годы, но никогда они не сопровождались такими последствиями, как голод 1921-22 годов. Мало того, что заготовки зерна уменьшились с 423 миллионов до 240 миллионов пудов в год, так еще исчезли так называемые страховые запасы зерна, сократилось поголовье скота, нечем было засеять поля.

Некоторые новейшие историки голод двадцатых годов называют рукотворным, обвиняя в этом новое социалистическое правительство. Вряд ли это верно. Но доля правды в этом есть. Изменив условия рынка, запретив свободную международную и внутреннюю торговлю, власть сама себя загнала в тупик и не знала, что делать. Потому-то и появились изъятие излишков хлеба у зажиточных крестьян, части особого назначения (ЧОНЫ) и прочие атрибуты насильственного перераспределения труда крестьян.

На Мулловской фабрике, как и по всей стране, вспыхнули эпидемии холеры, тифа и оспы. Цены на продукты росли в соответствии с ростом недовольства в стране. Например, в августе 1921 года на рынках Мелекесса пуд пшеницы стоил до 140000 рублей, пуд ржи — до 3 миллионов рублей, пуд картофеля — до 60 тысяч, фунт (400 граммов) масла — до 13 тысяч, а фунт мяса — до 2,5 тысяч рублей. Люди истребили всю домашнюю скотину, поели всех кошек и собак, ели лебеду, просянку, где она еще осталась, древесную кору, солому, опилки, желуди, вываривали даже кости и старые ремни. На мулловской фабрике еще раз снизили паек.

Коммунисты, уже утвердившиеся у власти, ничего, кроме лозунгов и призывов, предложить не могли. Вот образцы некоторых из них: “Рабочие, работницы, красная молодежь, честные трудящиеся! Высокой выработкой отразим наступление голода и тифа!”, “Каждый аршин сукна — это кусок хлеба”. Какой выработки можно ждать от голодного, полуживого человека!

В Мелекессе и окрестных селах свирепствовал голод, где до революции только за год оборот продукции составлял более 3 миллионов твердых российских рублей. В 1918 году по распоряжению советского правительства из Мелекесса было вывезено

более одного миллиона пудов хлебного запаса, который всегда считался неприкосновенным и использовался именно в крайних случаях, таких как засуха и голод. Весь этот хлеб направлялся на фронты и в промышленные центры России, чтобы хоть как-то утихомирить недовольство рабочего класса.

Во время голода двадцатых годов только в Самарской губернии, куда административно входила и Мулловка, от голода ежемесячно умирало по пять тысяч человек. Ленин и известные общественные деятели России обратились с призывом к мировому сообществу за помощью. Писатель А. М. Горький в те дни писал: "Страну Льва Толстого, Достоевского, Менделеева, Павлова, Мусоргского, Глинки и других дорогих всему миру людей ждут грозные дни... Я прошу всех европейцев и американцев помочь русскому народу со всей возможной быстротой. Дайте ему хлеб и медикаменты".

Но далеко не вся зарубежная помощь принималась в России. Боясь идеологической экспансии, шпионажа и диверсий советское правительство допустило в Поволжье лишь американскую рабочую ассоциацию (АРА) и общественный комитет помощи голодающим при Лиге Наций. От имени последней в наши края приехал известный во всем мире норвежский путешественник, ученый и исследователь Арктики Фритьон Нансен. Поздней осенью 1921 года он побывал в Мелекесе и окрестных селах. Возможно, был он и в Мулловке. Нансен был потрясен увиденным: почти вымершими деревнями и селами, тысячами захороненных трупов, опухшими от голода стариками и детьми, которые протягивали к нему руки, прося кусок хлеба. В своем докладе на заседании Лиги Наций Нансен буквально умолял спасти Россию от гибели. И помощь уже в начале 1922 года была получена Мелекесским уездом.

Тогда по всем деревням, селам и волостям стали открываться столовые для голодающих детей. В 1921-1922 годах в Ерыклинке питалось 159 детей, в Любавке — 56 детей, в Рязановской волости — 366 детей. Открылась такая столовая и в Мулловке, в которой питалось, спасаясь от голодной смерти, 85 детей.

Советские исследователи того периода очень любили подчеркивать "отеческую заботу" государства о судьбе голодающих, в том числе и мулловских текстильщиков. В те голодные годы на каждого работающего на фабрике выдавался месячный паек весом в 32 фунта, на каждого иждивенца — по 8 фунтов. А ну-ка, давайте посчитаем долю "отеческой" заботы, переведем ее в килограммы да поделим на дни. Получается, что каждый работающий получал чуть более 400 граммов в сутки, а иждивенцы — дети, старики, безработные — чуть более ста граммов. Напомним, что в Мелекесе в 1918 году хранился уездный страховой запас хлеба в 1,5 миллиона пудов, который был весь вывезен и отдан Германии по контрибуции за перемирие.

Народ, как и в любые прежние годы испытаний, выжил. За исключением районов, где урожай был более-менее сносным, число голодающих достигало 15 миллионов человек, что составляло одну девятую часть населения страны. Не выжили в эти страшные годы около 1 миллиона, около 2 миллионов детей остались без родителей и без крова. Сотни тысяч беженцев отправились в другие края, чтобы выжить. Помните книгу нашего известного земляка А. Неверова "Ташкент — город хлебный", в которой он описывает судьбу голодающего мальчика? Такие сюжеты берутся только из жизни. Многие дети Мулловки, оставшиеся сиротами, были отправлены в Омскую губернию на прокорм. Как-то сложилась их судьба, вернулись ли они потом в родные края?

Весну 1922 года народ ждал с особым нетерпением — что принесет она, какой выдастся, продлит она мучения людей или облегчит их страдания? Завезенные семена посеяли в уставшую от засухи землю, появились первые всходы, пролились первые благодатные дожди. И народ вздохнул с облегчением — хлеб будет. И он был. После первого же сбора урожая люди ели свежее испеченный хлеб, дарующий жизнь и надежду на будущее.

С полной силой заработала и Мулловская суконная фабрика. Уже в августе 1922 года она выпустила почти 28000 аршин сукна, перевыполнив месячное задание на тридцать процентов. В июле производство получило 4500 пудов шерсти, объем которого с каждым месяцем стал увеличиваться.

После окончания гражданской войны, после пережитой разрухи и страшного голода страна, благодаря новой экономической политике, которую вынуждено было принять социалистическое правительство, начала потихоньку оживать. Дostatка, конечно, не было, но не было голода и смертей. Промышленность советской России ожидала стагнация. Закрывались фабрики, заводы, появились биржи труда, на которых с утра до вечера толпились безработные.

Этот процесс задел и Мулловскую суконку. Дирекция и правление предприятия готовились к выпуску мирной продукции. Уже были подготовлены все расчеты, составлены сметы, сделаны необходимые заявки на поставку сырья и материалов, как вдруг в январе 1924 года из сукнотреста пришло письмо, в котором сообщалось, что “по создавшимся в стране обстоятельствам фабрику... остановить, оборудование снять”.

Руководители фабрики и сами рабочие были в шоке. Тогдашний директор фабрики М. П. Кривенков решил лично прояснить этот вопрос и отправился в трест, находящийся в Симбирске. Но там стояли на своем: у государства нет денег, нет сырья, нет оборудования. Мулловцам предложили выработать остатки сырья, находящегося на складах, и законсервировать предприятие до лучших времен.

После приезда Кривенкова из треста работники фабрики собрались в клубе, чтобы обсудить создавшееся положение, ведь сотни людей теряли работу, а, следовательно, хоть и маленький, но стабильный доход. А за плечами рабочих были и члены их семей. Предложение было единственным и естественным: во что бы то ни стало сохранить фабрику. Было принято предложение написать письмо самому Ленину, не зная о том, что вождь большевиков и создатель первого в мире социалистического государства уже умер. Для составления письма избрали комиссию, а на следующий день уже все народы СССР знали, что они живут без вождя.

Фабрика продолжала работать на оставшемся сырье, когда в марте пришло распоряжение из сукнотреста, в котором фабричным руководителям настойчиво напоминалось о немедленной консервации мулловского предприятия. Мало этого, управляющий головным трестом в Москве добился согласия от ВСНХ демонтировать оборудование фабрики и отправить его в Оренбург. Непонятные для рабочих аппаратные игры чиновников заставили их задуматься и задаться вопросами. Для чего необходимо закрывать фабрику в Мулловке, для того чтобы открыть ее в другом месте, в Оренбурге? Кому это выгодно и для чего это делается? Странно, что именно в это же время решался вопрос о закрытии Самайкинской, Игнатовской и Ишеевской фабрик.

По некоторым документам, сохранившимся в Государственном архиве Ульяновской области, против такого решения вышестоящего начальства выступил лишь заместитель председателя губернского комитета профсоюза текстильщиков Решетников. Чтобы окончательно не похоронить фабрику, он предложил передать ее в действующем состоянии Мелекесскому льнокомбинату. Но и Мелекесское предприятие не готово было принять своего соседа, потому что и само дышало на ладан. Мулловскую фабрику пытались передать Самарскому отделу местного хозяйства, но и это не принесло результатов.

3 июля 1924 года Мулловскую фабрику окончательно законсервировали, но рабочие так и не дали провести демонтаж оборудования. Через два дня фабрика окончательно встала: цеха опустели, в них стояла необычная для производства тишина, прерываемая лишь шелестом голубиных крыльев. Рабочие-безработные стали покидать Мулловку вместе с семьями, те, кто оставался, существовали на пособие по безработи-

це, надеясь, что в один прекрасный момент все изменится, и фабрика заработает вновь. Но и их терпение было не бесконечным — скоро ушли и они.

VII ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Бывали в наших краях и многочисленные путешественники. Одно из самых ранних свидетельств этому — это “Книга драгоценных ожерелий” арабского географа Абу Али Ахмеда Ибн-Омара Ибн-Русте, написанная в 903-913 годах. В дошедшей до нас седьмой книге рассказывается о Поволжье. Вот что пишет в ней писатель: “Земля буртасов лежит между Хазарскою и Булгарскою землями, на расстоянии пятнадцатидневного пути от первой... Земля их просторна и обилует лесистыми местами. На болгар и печенегов, будучи сильны и храбры, производят они набеги... Булгарская земля смежна с землею буртасов. Живут болгары на берегу реки, которая впадает в море Хазарское (Каспийское) и прозывается Итиль (Волгою)... Царь болгар Алмуш по имени, исповедует ислам. Страна их состоит из болотистых местностей и дремучих лесов, среди которых они и живут...”

А вот что писал о болгарях еще один арабский географ Абу Зайд Ахмед Ибн-Сахл Ал-Балхи, который жил в 850-934 годах: “Язык болгар сходен с хазарским... Равным образом отличается язык русов от языка хазар и болгар... Булгар — имя страны, жители которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находится главная мечеть. Недалеко от этого города находится другой город Сивар (Сувар)... Мусульманский проповедник сказал, что число жителей обоих городов простирается до 10000 человек. Дома деревянные и служат зимними жилищами; летом же жители расходятся по войлочным юртам. Тот же проповедник сказал о долгих летних днях и коротких ночах и зимних коротких днях и долгих ночах...”

В своем “Ясном изложении некоторых чудес Магриба” о болгарской стороне писал и арабский путешественник, проповедник и миссионер двенадцатого века Ибн Абд Ар-Рахим Ал-Гарнати Ал-Андалуси. В частности, он интересно трактует происхождение слово “булгар”. Вот что он пишет: “А ученый у них называется балар, поэтому называли эту страну “Балар”, смысл этого — “ученый человек”, и арабизировали это, и стали говорить “Булгар...” А вот замечания о том, насколько велика была Булгарская земля: “А у него (Булгара) есть область, (жители которой) платят харадж, между ними и Булгаром месяц пути, называют его Вису. И есть другая область, которую называют Ару, в ней охотятся на бобров, и горностаев, и превосходных белок. А день там летом двадцать два часа...”

По приглашению болгарского хана Альмуша побывал в наших краях арабский путешественник и писатель первой половины десятого века Ахмед ибн-Фадлан ибн-аль-Аббас ибн-Рашид ибн-Хаммад. Таково полное его имя, но исследователи предпочитают называть его коротким именем Ибн-Фадлан. Целью этого путешествия было признание Волжской Булгарией номинальной политической зависимости от Багдадского халифата и принятие официальной религии — мусульманства, несмотря на то, что ислам был здесь уже общепринятой религией, принесенной еще предками болгар. Самого подлинника книги Ибн-Фадлана не сохранилось, но в городе Мешхеде в начале двадцатого века был найден сокращенный вариант этой книги, который использовался в начале тринадцатого века в трудах арабского ученого Иакута.

Вот что пишет он: “Когда же мы были от царя славян (имеется ввиду болгарский царь Альмуш), к которому мы направлялись, на расстоянии дня и ночи пути, то он послал для нашей встречи четырех царей, находящихся под его рукой, своих сотоварищей и своих детей, и они встретили нас, неся с собой хлеб, мясо и просо, и отправились вместе с нами... Потом он встретил нас сам и, когда он увидел нас, он... пал ниц, поклоняясь с благодарением Аллаху великому, могучему... Он возрузил для нас палатки и поселился в них”.

Есть предположение, что летняя ставка болгарского царя Альмуша находилась на месте современного села Три Озера в Спасском районе Татарстана. Есть, к примеру, картина художника Льва Крюкова “Поместье Молоствовых в селе Три Озера”, написанная в 1830 году. Усадьба эта изображена на берегу Атманского озера, одного из тех озер, где происходили древние события. Именно на месте этой усадьбы, по мнению некоторых исследователей, и находилась ставка царя Альмуша.

А вот как описывает свой путь по нашим местам Ибн-Фадлан: “Он сказал: итак, мы отправились от страны этих (башкир) и переправились через реку Джарамсан (Черемшан), потом через реку Уран (Урень), потом через реку Урам (Урым), потом через реку Бабанадж (Майна), Потом через реку Ватиг (Утка), потом через реку Банасана, потом через реку Джавашин. Расстояние от реки до реки, о которых мы упомянули, — два дня, или три или четыре, менее этого или более...” Предполагается, что переправа через Черемшан происходила недалеко от нынешнего села Никольского-на-Черемшане. Возможно, это было то место, где сейчас находится Мулловка.

Интерес к Волжской Булгарии подстегнул интерес многих ученых и путешественников к нашему краю. Здесь побывали в тринадцатом веке Гильом Рубрук, Плано Кабрини, братья Матвей и Никколо Поло, которые упомянули в своих записях, что они были в ставке Берке-хана, “который татарами владел, да жил в Булгаре, да в Сарае”. А вот что писал, например, арабский писатель Казвини: “Булгары вели с весью торговлю немую, то есть клали товары на определенное место, обозначали его знаками, которыми они указывали свои цены, и отходили, потом возвращались и находили разные предметы, оставляемые весью в виде меновой цены за товары; если булгары оставались довольны этой ценой, то брали себе желаемые предметы, в противном же случае оставляли их и брали назад свои товары.”

А теперь снова вернемся к основной теме нашей книги.

МУЛЛОВКА БЕЗ ФАБРИКИ

Народная пословица “пока паны дерутся, у холопов чубы трещат” с особой наглядностью показывала мудрость этого изречения, когда в середине двадцатых годов на всех уровнях власти, от руководства страной до самой маленькой партийной ячейки на местах, происходила фракционная борьба за теплое местечко в правящей иерархии. Особенно остро это проявилось после ухода из жизни прежнего, хотя и больного и номинально неспособного к руководству страной, вождя революции В. И. Ленина. Центристы в лице Сталина, фактически уже узурпировавшие власть в стране, боролись и с левыми и правыми оппортунистами, чтобы очистить поле для своей деятельности.

До хозяйства ли тут, хоть и государственного, что панам до того, что у холопов не только чубы трещат, но и дети от голода пухнут. Не потому ли в 1924-1925 годах в стране возникли очередные хозяйственные и политические трудности. После страшного голода и неурожаев нарастал товарный голод. Отрезанная от всего цивилизованного мира страна не имела почти ничего. В сельском хозяйстве царил застой — неуверенные в своем будущем крестьяне засеивали ровно столько, чтобы прокормить своих близких да часть урожая продать, чтобы прикупить необходимые для хозяйства инвентарь и вещи. Промышленность тоже почти полностью исчерпала свои ресурсы: нечем было обновлять производство, не было необходимого количества сырья и материалов. В таких условиях жила вся огромная страна, в том числе и мулловцы.

Первое оживление на фабрике произошло лишь через год после ее консервации. В середине февраля 1925 года в Мулловку прибыл уполномоченный губкома текстильщиков Родионов. На собрание сбежались из домов и бараков безработные, которые давно не видели в глаза высокого начальства. Родионов сообщил, что завтра в Мелекесе состоится губернский съезд профсоюза текстильщиков, где будет решаться судьба многих закрытых предприятий. Обнадеженные хорошими известиями, рабочие из-

брали на съезд своих делегатов: того же Родионова, как представителя губернского комитета, кочегара Николая Демкова, архивариуса Петра Зубрилкина и ткачей — Григория Зайцева, Федора Шурыгина, Хасана Абайбурова.

Губернский съезд преследовал лишь одну цель — объединение всех общественных и административных органов на местах и образование в Мелекесе губернского фабричного комитета. Съезд проходил в рабочем клубе Мелекесского льнокомбината, единственного текстильного предприятия, которое по административной линии подчинялось Самарскому совету народного хозяйства, а по профсоюзной линии Ульяновскому губернскому комитету текстильщиков. В результате съезд образовал в Мелекесе губфабком, которому перешли все полномочия по профсоюзной линии среди рабочих легкой промышленности. На этом же съезде был поднят вопрос об открытии Мулловской суконной фабрики.

Уже осенью, 20 сентября 1925 года, в том же Мелекесе провели первую губернскую конференцию текстильщиков, на которой опять подняли проблему мулловского предприятия. Конференция проходила в духе того времени. Проходящая под эгидой российской коммунистической партии большевиков, она обвинила во всех смертных грехах оппортунистов и оппозиционеров, “двурушников” промпатрии и, естественно, главных своих политических врагов — меньшевиков и троцкистов. Председатель губернского фабричного комитета В. Андреев, рабочий фабрики А. Красноярский и другие выступающие обвиняли “предателей рабочего движения” в “капитулянтстве” и деморализации государственной промышленности СССР.

В резолюции, выдержанной в чисто партийной духе, нет ни слова о том, что нужно предпринять для открытия одного из старейших текстильных предприятий Средней Волги, но зато конференция заявила, что “...шлет свое проклятие и клеймит позором меньшевистские партии, кои, несмотря на кровь трудящихся, пролитую в борьбе с капитализмом, продолжают лакействовать перед буржуазией”.

Казалось, что еще немного и ожидания рабочих сбудутся — фабрика откроется вновь. Но не тут-то было — этого момента пришлось ждать более года. В 1925 году при фабрике находилось 117 человек безработных ткачей, присучалок, прядильщиков, сортировщиков сырья и других специалистов. Двадцать из них обеспечивали безопасность предприятия, они служили пожарными и сторожами, один заведовал архивами. Для того чтобы люди как-то продержались и не умерли с голоду, им выделялись земельные наделы, где те сеяли овощи и картофель.

Для “поднятия духа” рабочих каждый месяц собирали на фабрике и “промывали им мозги” докладами, политбеседами и лекциями, раз в несколько месяцев привозили и показывали агитационные фильмы. Зато после этих мозгочисток рабочие бежали к профуполномоченному П. Зубрилкину и спрашивали, когда же будут выдавать деньги по безработице, а тот постоянно отвечал: “Денег, мужики и бабы, нет, касса пуста”.

В губернии шел демонтаж оборудования на двух текстильных предприятиях, а именно на Базарно-Сызганской и Самайкинской суконных фабриках. Скоро и в Мулловку пожаловала бригада слесарей, чтобы снять оборудование для Ишеевской фабрики. Это известие взбудоражило весь поселок, к фабричной конторе сбегался народ.

— Какое вы имеете право? — спрашивали слесарей мулловцы.

Но бригадир слесарей показал сельчанам мандат на демонтаж фабрики.

Директор фабрики Мефодий Арсентьевич Васильев еле уговорил “под бутылку” слесарей подождать, пока он съездит в ульяновское управление. Там его заверили, что снимут только два аппарата, необходимых для ишеевской фабрики, а при пуске мулловской фабрики через год их установят вновь.

Следующий, 1926 год ознаменовался горячими событиями. Начались поиски виновных в бесхозяйственности, наслали комиссии и ревизии. “Врагов”, конечно, нашли. Ревизии вскрыли в правлении сукнотреста растрату государственных средств на

сумму в 3 миллиона рублей, на складах нашли более восьми тысяч неучтенных кусков шерстяной ткани, прежних воров разогнали и полностью обновили правление треста. На самом высоком уровне было решено открыть мулловское производство.

Радости рабочих, измаявшихся от безделья и полуголодного существования, не было предела. Тут же принялись за ремонт оборудования, очистку и уборку цехов, начали комплектовать штаты. Эта радостная новость белой птицей пронеслась над селами, деревнями и городами. В Мулловку потянулись рабочие, жаждущие подзаработать, стали возвращаться старые рабочие и специалисты. А на склады уже завозили сырье, топливо, смазочные материалы, 11 августа затопили паровые котлы. Утром тринадцатого августа мощный гудок созвал рабочих на свои места.

Через два дня самарская газета “Коммуна” под заголовком “Зашумела новая фабрика” поместила экстренное сообщение своего корреспондента. На второй странице газеты крупным жирным шрифтом было напечатано: “13 августа в с. Мулловка Мелекесского района пущена в ход бездействовавшая несколько лет крупнейшая в губернии Мулловская суконная фабрика. На фабрике занято больше 400 рабочих”.

Через год новый директор фабрики В. М. Висков на общем собрании рассказал, что удалось сделать коллективу за прошедший период. Во-первых, государственный план был выполнен, фабрика дала 487000 метров сукна (по старой метрической системе более 600 тысяч аршин), а само предприятие вышло в число передовых по Ульяновскому сукнотресту. Им отмечалось, что при плане в 8,85 куски ткани в месяц некоторые рабочие давали по 11. Назывались имена передовиков, это ткачи Тимофей Маркелов, Егор Демков, Василий Зоров, Григорий Сазонов, Наталья Топталинина, братья Шурыгины и другие.

Во-вторых, на фабрике провели строительные и ремонтные работы. Перенесли большой котел на новое место, переоборудовали котельное отделение, установив новую паровую машину мощностью 250 лошадиных сил, проложили водопровод и канализацию. В поселке построили несколько флигелей на 17 квартир и новую баню для рабочих, оборудовали детскую площадку, по основным рабочим специальностям начали обучение вновь поступающих неопытных рабочих.

В третьих, в докладе отмечалось, что в поселке полностью ликвидирована безработица, на фабрике работает около 650 человек, а расширяющееся производство готово принять на работу еще 100 человек на строительство собственного кирпичного завода.

Отмечалась, естественно, и особая роль все более растущей и набирающей силу партийной ячейки. Для стабилизации и улучшения работы на фабрике было организовано постоянно действующее производственное совещание, которое за год провело 21 заседание, на котором вносились предложения по улучшению технологического процесса, повышению производительности, снижению брака. По отчету всего было внесено 132 таких предложения. Опытные рабочие давали дельные советы. Например, по их совету в аппаратном отделе для мойки рукавов стали варить специальный состав, произвели смену старых шкивов, в опасных местах для уменьшения травматизма поставили ограждения, выделили шорника для ночных работ, чтобы сшивать ленты трансмиссии и так далее.

В планах коллектива на 1928 год предусматривалось приобретение трех чесальных аппаратов, перестройку и расширение сортово-смесочного отдела, устройство душа и столовой, установка двух дополнительных сельфакторов, карбонизационной установки и многое другое. Одним словом, фабрика начинала дышать в полную силу и набирать обороты.

Нельзя не отметить большое значение в жизни фабрики и всей Мулловки молодежных объединений по интересам и прежде всего комсомольской организации. Известно, что молодежь быстрее осваивается в новых условиях, она более восприимчива

и деятельна, чем люди старой формации, выросшие совершенно в других условиях, в другой среде воспитания, практически в другой стране. Юность — это молодое развивающееся растение, которое питается живительными силами той среды, в которой она растет. Именно на это и делался расчет новых идеологов, вовлекая в свою политическую орбиту молодых людей.

Еще в 1924-25 годах по инициативе и за счет средств профсоюзной организации фабричная библиотека пополняла свои фонды. Новое время требовало нового поколения, поколения более грамотного и просвещенного, которое двигало бы прогресс и закрепляла новую идеологию в массах народа. Кроме литературы на русском языке приобретались книги и на татарском, которых тогда выпускалось в Казани довольно много. В библиотеке работали, как правило, комсомольцы на добровольных началах, потому что штатного работника не было. Сколько читателей было до 1926 года, неизвестно, но по отчетам лишь в апреле в читатели записалось 300 человек. Там же, в библиотеке, собирались для того, чтобы изучать “Историю партии” и постановления XIV партийного съезда, в кружке политграмоты состояло 11 членов российского ленинского коммунистического союза молодежи (РЛКСМ) и группа так называемой несоюзной молодежи.

В те годы своего клуба в поселке еще не было, и потому кружки по интересам ютились в небольшой комнате бывшего бахтеевского особняка. Не было и школы, ученики занимались в одном из фабричных корпусов. Проблема была решена быстро и в духе того времени. Зачем чего-то строить, если можно экспроприировать у неугодных власти элементы! Так как тогда коммунисты и комсомольцы не верили ни в бога, ни в черта, ни в аллаха, ни в шайтана, то решили использовать для этих целей татарскую мечеть. Решено — сделано. На верующих мусульман просто не обратили внимания — подумаешь, горстка стариков ходит молиться, это можно делать и дома! — а мулле просто выселили из собственного дома. Мечеть стали использовать в качестве клуба для проведения культурно-просветительских мероприятий, а дом муллы передали школе.

Теперь в мечети занимались в кружках дети, а вечером туда приходили их старшие братья и сестры, отцы и матери, которые слушали лекции и доклады, смотрели спектакли-агитки, поставленные самодеятельными артистами, и фильмы. Был на фабрике, по моде того времени, и собственный самодеятельный эстрадный коллектив, участников которого называли “синеглазниками” по форме и цвету одежды. Репертуар их состоял, в основном, из стихов, частушек и куплетов на злободневные темы. Артисты устраивали “горячую промывку” нарушителям дисциплины, прогульщикам, пьяницам, рвачам и разгильдяям. Отдельными репризами и сценками они отмечали передовиков производства, активных членов молодежной и профсоюзной организаций.

Так жила Мулловская фабрика в трудные годы второй половины двадцатых годов.

В ГОРНИЛЕ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Период конца двадцатых и начала тридцатых годов в СССР был очень сложным, напряженным и неоднозначным. Для того чтобы понимать, как развивалась и жила мулловская фабрика, нужно взглянуть на общее положение дел в стране. Как писали советские исследователи и экономисты, “страна штурмовала рубежи первого пятилетнего плана. В Сибири, на Урале, в Поволжье возводились индустриальные гиганты. Города Советского Союза обрастали лесами новостроек. Перед рабочими текстильной промышленности встала ответственная задача увеличить производство и дать населению больше прочных и дешевых тканей” Это цитата из книги Михаила Сударева об истории Мулловской фабрики “Страницы истории”.

Я несколько не обвиняю автора в напыщенности, пафосности и политичности, до девяностых годов мы все жили с шорами на глазах. Но сейчас-то мы многое знаем. В

тот период наша страна оказалась в полной международной изоляции. Если в дореволюционный период потребности страны в промышленности и оборудовании внешними источниками обеспечивались на 50%, то на рубеже 20-30 годов, в первой пятилетке, уже до 80 процентов. Из-за разрыва советско-английских дипломатических отношений, вызвавших обострение, запахло войной. Наученный горьким опытом народ бросился скупать впрок все товары первой необходимости, в магазинах появились уже забытые очереди — “хвосты”. В результате чего, предназначенный для переброски в деревню в период осенней хлебозаготовительной кампании резервный обменный фонд промтоваров для стимулирования сдачи хлеба, до осени не “дожил”.

Появился дефицит и на хлеб. Этому способствовали вымерзание озимых на Украине, Северном Кавказе, в Крыму и установление административным путем низких заготовительных цен на зерно. Уже в конце 1928 года в городах вводятся карточки, так называемые “заборные книжки”, на хлеб и другие продукты. Почти полностью прекратился хлебный экспорт, из-за чего резко снизился ввоз оборудования из-за границы.

В 1929 году в стране было зарегистрировано до 1300 крестьянских мятежей из-за отказа от принудительной сдачи хлебных “излишков” в пользу государства. Применение чрезвычайных мер сопровождалось закрытием базаров, запрещением торговли хлебом, на дорогах заградотряды препятствовали перевозке зерна, в поисках “излишков” обыскивались крестьянские дворы. Советское правительство взяло курс на полную коллективизацию деревни. Что происходило потом, мы знаем и пока не будем заострять на этом внимание.

Вот в таких условиях жила Мулловская фабрика. В 1929 году стала проводиться реконструкция всего производства и установка нового оборудования. Все это делалось своими силами, без привлечения посторонней рабочей силы. В Германии были закуплены 2 чесальных аппарата, 3 прядильные машины-сельфактора, 1 щипальная машина, несколько ткацких станков и отделочное оборудование. Новые машины оказались очень дорогими, что вело к увеличению накладных расходов и себестоимости продукции. А план выполнять надо. Кроме повышенного плана, установленного сверху, было предписано повышать и производительность труда по меньшей мере на двадцать процентов. А как этого добиться? Ведь не заставишь же станок крутиться вдвое быстрее. Начальство стало уменьшать “перекуры” и чаепития, увеличивать нагрузку на обслуживающий персонал, сокращать сроки ремонта оборудования. Все эти меры назывались сокращением непредвиденных простоев и уплотнением рабочего дня. Но после таких “сокращенных” ремонтов оборудование стало выходить из строя еще быстрее.

Были примеры, когда за счет интенсивности труда ткачи выдавали за смену до 29 метров суровья вместо плановых 22, но они так уставали, что постоянно поддерживать такой темп работы было невозможно.

В первые годы пятилетки был вброшен в массы лозунг о повышении производительности труда. Но как это сделать на стареющем оборудовании? Нужны были “маяки”, по которым бы равнялись остальные члены рабочих коллективов. Как правило, таких “маяков” выбирали из рядов коммунистов и комсомола. На Мулловской фабрике тоже были такие примеры. Рассказывали, как однажды ткач Тимофей Маркелов, придя на работу, узнал, что заболел его товарищ по работе Гриша Сазонов. И он решил ткать сразу на двух станках, за себя и за товарища по работе. Так продолжалось не один день. Выработка на двух станках составила за смену 43 метра суровья. Отметим для себя эту цифру, чтобы в дальнейшем вернуться к ней.

Естественно, что этим опытом заинтересовалось начальство. Комсомольские вожаки пошли к директору фабрики, потом в партачейку. На фабрике стали создаваться ударные коллективы. Сначала “сколотили” только две такие бригады. Многие добровольно пошли в них, и это было понятно, ведь размер заработной платы тоже увеличился. Правда, и интенсивность труда увеличивалась пропорционально. Вскоре так

называемые “сдвоенные” бригады стали появляться в других цехах: прядильном, аппаратном и подготовительном. Казалось бы, вот он, желанный стимул к повышению производительности труда, к наращиванию выпуска продукции, к улучшению благосостояния самих рабочих.

По сохранившимся в Государственном архиве Самарской области материалам получалось, что работа на парных станках позволила вырасти производительности и выработка ткача увеличилась чуть ли не вдвое. Было отмечено, что такое количество тканей одним рабочим производилось на Мулловской фабрике впервые. Об этом на первой областной конференции треста грубых сукон в своем выступлении рассказал мулловский ткач П. Бровичев.

Чтож, слова они всегда остаются словами, даже если они очень красивые. А мы с вами вернемся к фактам. Итак, до работы на парных станках некоторые ткачи-индивидуалы выдавали до 29 метров суровья в смену. По идее, на двух станках он должен был вырабатывать до 58 метров продукции, а давал всего 43 метра. Но ведь задействовано-то было ДВА станка. Какое же это повышение производительности труда? Ведь не падали же станки с неба, чтобы по мановению волшебной палочки превращаться в два? Значит, и здесь лукавили комидеологи: в результате этих “нововведений” общий объем продукции должен был УПАСТЬ.

Другое дело так называемые индивидуалы. Пока расценки на единицу продукции оставались прежними, они действительно стали работать интенсивнее. Многие из них довели выработку до 34 метров суровья в смену. Это не только увеличение объема производства, но и дополнительный доход в каждую семью. За это стоило “попахать”. Но ведь стоимость единицы продукции при этом не уменьшалась, да и качество ее, по видимому, оставляло желать лучшего.

Но партия и правительство требовали не только увеличения объема производства, но и улучшения его качества, досрочного выполнения плана пятилетки. Как тогда модно было выражаться, “социалистическое соревнование бригад и ударников труда опрокидывало старые тарифные ставки и нормы выработки”. А что это означало? Это означало одно: уменьшение тарифных и иных ставок. Делалось это, как всегда, “по инициативе трудящихся”.

Правда, разрабатывала эту “инициативу” специально созданная на рабочем собрании комиссия, в которую вошли семь человек. Кроме П. Глухова, который был в этой комиссии представителем от фабричного комитета, должности остальных неизвестны. Вернее всего, это были члены общественных, партийных или комсомольских организаций мулловского предприятия. Вот их фамилии: Д. Командиров — от механического цеха, П. Бровичев — от аппаратного, С. Живописцев — от прядильного, В. Каштанов — от ткацкого, П. Мельников — от подготовительного, И. Голованов — от промывально-валяльного. Расценки, конечно, урезали. Были ли в восторге от такого решения рабочие Мулловского предприятия, этот вопрос мы оставим для игры воображения читателя.

Дела как будто пошли в гору, в первые месяцы выпуск продукции заметно подрос. Об этом фабричное начальство незамедлительно отрапортовало наверх, затем цифры поползли еще выше. И вот уже “Голос текстильщика”, орган Народного комиссариата легкой промышленности, в №81 от 8 апреля 1930 года сообщала: “На мулловской фабрике (Ульяновск) в январе и феврале промфинплан по выработке суровья и по готовому товару был выполнен на 101 процент. Март дает дальнейшее улучшение. Выработка по суровью достигла 109 процентов, по готовому товару — 102 процента.

Успеху перевыполнения содействует организация 34 ударных бригад, объединяющих 140 человек рабочих...”

В архивах сохранились и имена передовиков того времени. И мы называем их имена, потому что рабочий во все времена был самым главным приращенцем богатства

и блага. Сновальщицы Мария Денисова, Ксения Мартынова, Агафья Шитова, Пелагея Фролова и Мария Глухова ежедневно давали по 325 килограммов основы, перевыполняя свои сменные задания на 34 процента, а коллектив сновалок, которым руководила Зинаида Васильева, свою среднегодовую выработку перевыполнил на 20 процентов. Ткачи Николай Топталин, Тимофей Маркелов, Александр Демков и Григорий Сазонов вырабатывали до 27 метров продукции в смену, перевыполняя свои задания на 10 процентов.

Фабрика включилась во всесоюзное соревнование за досрочное выполнение плана третьего года пятилетки. На мулловском предприятии организовали 40 ударных бригад и трудовая коммуна. Всего в этом соревновании участвовало более трехсот человек из пяти основных цехов. В результате всех организационных и иных мер в 1930 году фабрика значительно перевыполнила производственный план, снизила себестоимость продукции на 10 процентов, общий объем продукции достиг миллиона метров пальтового сукна. При этом в отчетах отмечалось, что по сравнению с 1913 годом выпуск продукции увеличился в пять с половиной раз.

Мы знаем, как советская статистика и пропаганда умела подтасовывать цифры, чтобы в выгодном свете преподнести свои достижения. А мы возьмем да снова обратимся к голым цифрам и фактам, которые приводила эта же советская пропаганда. По официальной диаграмме роста производства Мулловской суконной фабрики с 1785 по 1960 годы выпуск тканей в 1913 году составлял 181,8 тысяч метров при 89 механических станках и 343 рабочих, а в 1930 году при таком же количестве механических станков и 635 рабочих более миллиона тысяч метров продукции. При этом писалось о высокой производительности труда. Возможно ли это? Здесь статисты лукавят. В 1913 году фабрика при дневном заработке рабочего в 33,8 копейки затрачивала на один аршин пять копеек. Более того, в 1916, пожалуй, самом неблагоприятном для России году, когда она вела войну, мулловское предприятие Бахтеевых выпустило почти 850 тысяч аршин сукна.

Себестоимость одного метра ткани в 1930 году составляла около 25 рублей, или около 17,5 рублей за аршин, а среднемесячный заработок текстильщика, например, равнялся 567 рублям. То есть, в конечном итоге, текстильщик получал зарплату за 32 метра конечной своей продукции, а бахтеевский рабочий при месячной зарплате в 8 рублей 38 копеек и затратах на один аршин сукна в 5 копеек получал за 167 аршин и, следовательно, за 117 метров конечной продукции. Так и где же хваленая советскими статистиками высокая производительность труда! Выходит, что дореволюционный рабочий при двенадцатичасовом рабочем дне давал продукции в 3,6 раза больше.

Конечно, прогресс не стоял на месте. На фабрике были смекалистые и изобретательные люди, которые не только работают, но и творят, выдумывают, предлагают что-то новое. Например, рабочий А. П. Внукин упростил регулировку сельфакторов, в результате чего сократились обрывы нитей, помощники мастеров В. Никитин и В. Баранов внесли предложения по усовершенствованию ткацкого оборудования. Много интересного и ценного предложили каждый по своей специальности электротехник И. Г. Егунов, столяр А. И. Евдокимов, ремонтный мастер И. Г. Христофоров, слесарь Х. Сатдаров, контролер А. Ханов и многие другие. Это все, конечно, помогало производству.

В духе той эпохи на суконной фабрике, как и по всей стране, значительное место уделялось моральному фактору. Передовым подразделениям, цехам и бригадам вручались красные знамена, лучших рабочих отмечали на общефабричной доске почета, отдельным рабочим, добившимся наибольших достижений, вручали ценные подарки и денежные премии. На доске показателей отражалась борьба коллективов за снижение себестоимости и повышение качества продукции, за выполнение производственных заданий. При этом применялось много выдумки и фантазии. На доске показателей ри-

совались самолеты, поезда, пешеходы и черепахи, на которых, в зависимости от успехов или неудач, “сажали” те или иные коллективы.

Выпускалась на фабрике и своя стенгазета, где обычно “пропесочивали” прогульщиков, пьяниц и нерадивых рабочих. Иногда к таким номерам стенгазет редколлегия прицепляла лоскутки бракованной ткани, а на этикетке к ней указывалось, кто этот брак допустил.

План первой пятилетки фабрика выполнила за четыре года. И это был определенный успех. Но что-то мешало производству наращивать и дальше объемы своего производства, то ли начало всеобщей коллективизации на селе, то ли напряженная обстановка в стране, то ли износ быстро изнашивающегося оборудования. Например, в 1932 году фабрика выдала всего 800 тысяч метров сукна. По сравнению с 1930 годом производство упало на двадцать с лишком процентов. Но впереди предстояла новая сталинская пятилетка с еще более амбициозными планами. К ее концу планировалось довести производство сукна до 1350000 метров.

Такие планы, “спущенные” сверху, не учитывали ни особенностей производства, ни настроения рабочих. На фабрике работало допотопное оборудование, которое устарело морально и физически, многое выполнялось вручную, как деда и прадеда строителей социалистического общества. Руководители фабрики понимали, что без обновления оборудования и совершенствования технологии планам не суждено сбыться, и потому было решено провести посильную на тот день реконструкцию фабрики. Уже в 1932 году установили новые и более совершенные и производительные котлы “Шухова”, локомобиль, паровую машину, два электрогенератора и восемь электромоторов. За несколько лет намечалось установить дополнительно 22 новых станка, три сельфактора, машину для перемотки утка, два новых аппарата и так далее.

Видно, этим планам не суждено было сбыться, потому что по данным той же диаграммы роста производства на фабрике по состоянию на 1941 год, число ткацких станков увеличилось лишь на десять, число рабочих увеличилось на 223 человека, выпуск тканей увеличился лишь на доли процента. При этом среднегодовая выработка на один ткацкий станок упала по сравнению с 1930 годом с 11180 до 10585 метров, а на одного рабочего с 1585 до 1234 метров.

Начало тридцатых годов совпало и еще с одним “стремительным наступлением социализма по всему фронту”. В эти годы началась сплошная коллективизация крестьянских хозяйств. На очередную кампанию были брошены рабочие фабрик и заводов, которые причислялись руководителями страны советов к передовому классу общества. Но чем могли помочь рабочие крестьянам, плохо знающие саму деревню, ее жизнь и обычаи, незнакомые с ее экономикой, психологией деревенского жителя и традициями селян. Поволжье, как одна из основных зон товарного земледелия, входило в первоочередные районы коллективизации.

О какой добровольности вхождения единоличных крестьян могла идти речь, когда в один день ломались вековые устои крестьянства, а ходом коллективизации “руководили” так называемые “тройки”, в состав которых входили представители исполнительной власти, райкомов партии и ОГПУ. Темп коллективизации поддерживался массовыми репрессиями, вплоть до применения в некоторых местах военной силы, крестьян принуждали к вступлению в колхозы под угрозой лишения избирательных прав, конфискации имущества, прекращения снабжения дефицитными товарами и ссылки полными семьями в Сибирь.

То же самое происходило и в Мулловке. Уже в конце 1929 и в начале января 1930 годов крестьян стали агитировать вступать в коллективные хозяйства, суля им неисчислимые блага. Но крестьянин искони человек осторожный, и прежде чем решиться на какой-то шаг, он десять раз все обдумает и отмерит. Властям же не терпелось закончить кампанию если не в один день, то хотя бы за месяц или год.

Мулловская фабрика для агитации крестьян выделила 32 активиста из коммунистов, комсомольцев и членов профсоюза и разослала их по окрестным деревням и селам: в Ерыклинское, Тиинск, Бряндино, Никольское, Бригадировку, Чувашский Сускан, Сосновку и другие. История оставила и фамилии этих людей, среди них были Иван Люкаев, Николай Толмачев, Степан Ильин, Измаил Бигеев, Степан Дедюев, Людмила Воинова, Сергей Павлушкин, а также секретарь партийного фабричного бюро И. В. Жоголев. Как писала коммунистическая пресса, “объединение крестьянских хозяйств происходило в условиях жесточайшей борьбы с кулаками, сектантами и провокаторами... Недобрые люди предвещали голод, страшали народ колхозами, говорили о скором крушении мира...”

И ведь не зря страшали, недаром предвещали — уже через два года в Поволжье наступил страшный голод, сравнимый с голодом начала двадцатых годов. А объединению хозяйств в колхозы сопротивлялись не только кулаки, которым было что терять, но и середняки, и беднота, потому что обобществлялось последнее, чем они худо-бедно жили — коровы-кормилицы и лошади-работницы. Мужикам не давали покоя, собирая их, иногда по несколько раз в день, в сельсовете, в клубе или в школе.

В связи с этим периодом истории страны небезынтересны воспоминания Клавдии Зоровой, члена партии коммунистов с 1928 года, активной участницы коллективизации. Отправляя группы по деревням, секретарь партийной ячейки И. В. Жоголев выдал каждой группе по револьверу. Видно, сильно боялись “агитаторы” своих же крестьян. Клавдия Зорова была направлена в Новиковку, Иван Люкаев — в Чувашский Сускан, Сергей Павлушкин — в Еремкино, Петр Ашков — в Наяновку, Мустафа Бигеев — в Филипповку и Аллагулово, Людмила Воинова — в Ерыклинское. Вот как описывает встречу “агитатора” сама Зорова: “Деревня нас встречала настороженным молчанием. Кучер, везший меня из Малой Кандалы в Новиковку, на вопросы отвечал с большой неохотой. А чтобы устроиться в селе на квартиру, пришлось обойти несколько домов — всюду отказывали...”

Где-то крестьяне сдавались под напором веских аргументов “агитаторов”, а где-то давали отпор. Например, в Чувашском Сускане и Ерыклинске крестьяне оказали вооруженное сопротивление, отстреливаясь из обрезов, в других деревнях и селах хозяева спускали на непрошенных гостей собак, накидывались на них с вилами и палками. Клавдия Зорова вместе с активистами Н. Пальгуйевым, З. Васильевым и А. Русановым раскулачивали и собственных, мулловских “кулаков”. Они ходили по дворам, искали шупами зерно на огородах, в подворье, в подвалах, на сеновалах, под конюшнями и сараями. В Мулловке таким образом были раскулачены и выселены из поселка крепкие, хозяйственные крестьяне Дмитрий Минеев, Павел Демков и Иван Ухов вместе с семьями.

Чтобы рассеять все мужицкие сомнения, агитаторы проводили большую массово-разъяснительную работу, читали им книги, газеты, проводили беседы, обещая им коллективный рай. В конце концов, в Мулловке создали колхоз под громким названием “Серп и молот”, в Ерыклинске — “Заветы Ильича”, в Наяновке — имени Мичурина, в Менгулевке — “Красный передовик”, в Сосновке — “Пятилетка — в 4 года”. Рабочие фабрики собрали деньги на покупку первого трактора для мулловского колхоза и направили в него бригаду ремонтников, состоящую из опытных слесарей, механиков и кузнецов. Эти бригады под руководством мастеров И. Маркелова и П. Демкова до начала сева отремонтировали 40 плугов, 6 сеялок и 4 культиватора. Кроме того, они отремонтировали 22 плуга для бедняков, которые не пожелали вступить в колхоз.

VIII ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Из прежних путешествий с музой истории мы уже знаем, что на мелекесских и мулловских землях проживали болгары и венгры, которые оставили свой след в виде курганов, захоронений и древних городищ, что здесь побывали многочисленные путе-

шественники, миссионеры, писатели и паломники. А что же там, дальше, в сумерках истории?

В четвертом веке новой эры началась целая эпоха, получившая в истории название Великого переселения народов. В Европу двинулись кочевники гунны. при этом они разрушали на своем пути все прежние культурные центры и способствовали обновлению коренного населения. Так произошло и на Средней Волге. К этому времени относится появление позднесарматского или сармато-аланского населения в Саратовской, Самарской и Ульяновской областях. Наряду с мордвой наиболее многочисленную часть жителей наших краев составляли племена так называемой именьковской культуры. Именьковская культура названа так по первому городищу, исследованному археологами у села Именьково Лаишевского района Татарстана.

В настоящее время известно более четырехсот таких поселений именьковцев. Памятники этой культуры на территории Ульяновской области расположены по берегам рек Волги, Утки, Майны, Большого Черемшана, Суры, Барыша и Свяги. Обследованы археологами селища и городища у сел Малая Кондарать, Грязнуха, Поливны, Ундоры, поселка Старая Майна и в других местах. Все именьковские поселения были расположены группами, в центральной части таких групп находилось, как правило, городище, а вокруг него — до трех-четырёх селищ. Основная часть населения именьковцев жила в неукрепленных поселках, а городища использовались ими как укрепления во время опасности и хранилища припасов.

Поселки состояли из нескольких полуземлянок, наземная часть которых представляла собой бревенчатые срубы с двух - или четырехскатными крышами. Внутри находились очаги, а рядом с полуземлянками — хозяйственные постройки и глубокие цилиндрические ямы для хранения зерна. Занимались именьковцы, в основном, скотоводством и земледелием. Именьковцы были первыми из племен и народов нашего края, кто освоил пашенное земледелие. У них были развиты металлургия, косторезное и гончарное дело. На месте поселений находят железные сошники, кузнечные клещи, молоты, топоры и другие орудия. В городищах близ города Тольятти в погребениях найдены костяные накладки луков, стрелы, сабля и предметы конской сбруи.

У именьковцев был своеобразный обряд погребения: сначала умерших сжигали, потом прах и несгоревшие в огне украшения высыпали в могилу, ставили туда сосуды и закапывали.

Вопрос этнической принадлежности именьковцев не разрешен до сих пор. Некоторые исследователи считают эти племена славянами, вторые считают их потомками городецких племен, третьи — древних угоро-мадьяр или венгров, четвертые — древних тюрков, пятые — финно-угоров. Именьковцы переживали в это время период разложения первобытно-общинного строя. Но тут, уже в который раз, вмешалась история — к восьмому веку именьковская культура прекращает свое существование. Вероятнее всего, часть именьковской культуры растворилась в культуре древнемордовского, более сильного и ассимилированного, населения, а другая, более значительная часть — в культуре пришедших на берега Средней Волги булгар.

ПОД СТРАХОМ РЕПРЕССИЙ

Почему же мулловская фабрика, которая была, в общем-то, успешным предприятием в начале тридцатых годов, затем “застоялась”, а впоследствии и вовсе снизила выпуск своей продукции? А давайте-ка вспомним, на каком оборудовании работали рабочие — на дедовском, на тех станках, которые приобретали и устанавливали еще старые хозяева фабрики Алеевы и Бахтеевы, которое изнашивалось до того, что его приходилось латать чуть ли не каждый день. Окруженная экономической блокадой бедная

страна советов не имела возможности ввозить современное оборудование из-за рубежа, а своего делать пока не научилась.

А еще вспомним, как “отрубали” руки рабочим. Сначала рабочим платили старую, прежнюю ставку при работе на двух станках. Это был большой стимул. И вместо того, чтобы совершенствовать организационную работу и производственные процессы, руководство фабрики, конечно, не без “подсказки” государства, стало снижать тарифные ставки. Ну, кто будет заинтересован работать за ту же зарплату, выполняя двойную работу? А ведь такие “пересмотры” тарифов происходили не раз и не два.

И третья причина, пожалуй, самая главная. Советская власть и правящая партия всегда с враждебностью относилась к инакомыслящим. Еще в двадцатых годах бывшие офицеры царской армии, присягнувшие новому российскому правительству, известные мыслители, ученые, писатели и простые граждане, выражающие не те мысли, которые от них хотелось бы слышать, подвергались гонениям и изгнаниям из страны. Самых ярых противников власти расстреливали, ссылали или сажали. Так появился СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения, на костях противников советской власти был построен Балтийско-Беломорский канал.

А после убийства С. М. Кирова власть ополчилась на всех сразу и на каждого в отдельности, видя врага в каждом гражданине страны. Вторая половина тридцатых годов вообще вошла в историю как период большого большевистского террора. Не обошла эта напасть и Мулловку, и мулловскую фабрику. Даже коммунистические идеологи после раскрытия культа личности Сталина признавали, что репрессиями стране нанесен величайший урон. В своей книге об истории мулловской суконной фабрики Михаил Сударев писал: “Почему мулловская фабрика, шедшая впереди соревнующихся коллективов текстильных предприятий, во второй пятилетке сдала темпы? Если вспомнить 1936-1937 годы, то в памяти оживает картина грубого произвола и самоуправства органов НКВД. Ряд выдающихся и государственных деятелей стал жертвой кучки карьеристов, окруживших Сталина. Заключение в тюрьму работники Мелекесского райкома партии и райисполкома. Гонению подвергся директор фабрики А. К. Болкунов, арестованы и осуждены как “враги народа” потомственные рабочие Е. Веретенников и А. Ладыгин. (Добавлю, что арестованы и осуждены также рабочий фабрики Антонов Степан Ильич, мулловский священник Барсов Николай Дмитриевич и староста церкви Каштанов Григорий Иванович. — Авт.)

Нельзя было выражать вслух свои мысли, обсуждать действия руководящих работников. Никто не мог застраховать себя от злобной клеветы и ареста.

На фабрике потускнел огонь соревнования, поредели ряды последователей стахановского движения, паника охватила многих. Из 180 рабочих, участвующих в соревновании за передовые методы труда, к концу года отсеялся 71 человек. Возникла текучесть кадров, произошли сверхнормативные простои оборудования. Коммунисты, потомственные текстильщики мужественно боролись с паникой... “Конец цитаты. Кстати, все эти факты взяты в шестидесятых годах из Государственного архива РСФСР. Из того же источника мы знаем, что мулловская фабрика за плохую работу не единожды критиковалась на самом высоком уровне, вплоть до совещания актива шерстяной промышленности, которое проходило в Москве. Например, тот же М. Сударев в своих примечаниях к книге приводит пример, когда в адрес мулловских текстильщиков бросали упрёки из зала во время совещания, проходившего 28-29 июня 1939 года. Что тогда это значило на фоне всеобщей борьбы с “врагами народа”, представить нам, ныне живущим и много знающим, нетрудно.

Упустим из внимания “грубого произвола и самоуправства органов НКВД”, “кучки карьеристов, окруживших Сталина” и тому подобное. Ведь книга была написана М. Сударевым в начале шестидесятых годов двадцатого века. И вряд ли мы, знающие намного больше, если бы писали книгу в то время, написали бы иначе. Но ведь по сути

все верно. Давно известно, что раб под страхом кнута или смерти не может дать больше того, что ему позволяет этот страх. Разве могли мулловские текстильщики работать лучше в таких условиях? Конечно же, нет, не могли.

Я уважаю всех рабочих и всех создателей всех времен и всех народов, и потому с особым чувством теплоты и благодарности пишу о тех людях мулловского предприятия, кто в тех условиях не опускал руки и делал свое дело. Чтобы ни происходило в стране, предприятие потихоньку модернизировалось и расширялось: строилось новое здание теплоэлектростанции, детский садик и ясли для своих работников. Чтобы быстрее их возвести, члены фабричного коллектива выходили на воскресники.

Мулловская фабрика потихоньку “наращивала мускулы”. Появился небольшой собственный жилой квартал: с 1929 по 1941 годы на улицах Комсомольской и “Пятилетка — в 4 года” строились двухэтажные дома для рабочих. За несколько лет до войны фабрика стала оснащаться отечественным новым оборудованием, которое в те годы считалось лучше немецкого. В 1938-1939 годах установили 4 чесальных аппарата Краснопресненского завода. Это были машины по 120 делительных ремешков, производительностью около 140 килограммов продукции в час. К 1941 году на фабрике было уже 11 чесальных аппаратов и 10 сельфакторов. Осенью 1941 года поступило дополнительное оборудование с эвакуированной Глушковской суконной фабрики. Для увеличения продукции в подготовительном и смесовом отделениях смонтировали 2 чесальных аппарата, 4 сельфактора, 20 ткацких станков и сушильную машину. В 1938 году в Мулловке была открыта промартель “Новый труд”, в которой работало 56 человек. Она представляла 66 видов услуг, в том числе и такие, как красхимчистка и прокат музыкальных инструментов, швейных машинок и т. п.

Полностью перестраивалось паросиловое хозяйство. Наряду с теплоэлектростанцией проводилась теплоэлектроцентраль. Здание энергоблока потихоньку росло, возводились фундамент, стены, котельщикам необходимо было установить и смонтировать новое оборудование. Строительством в то время руководил И. Д. Ростиславов. Котлы и коммуникационное оборудование было громоздким, и в то время не было ни кранов, ни другой механизации для их установки. И тогда старый котельный мастер Д. А. Ростиславов, отец начальника строительства, вспомнил старый опыт, наработанный им еще в “царские” времена. Он предложил огромные котлы переместить в новое здание с помощью лебедок. Другие рабочие, в числе которых были С. Куприянов, И. Шорохов, С. Демков, Н. Степанов, Д. Павлушкин, клепали трубопроводы, баки, зачеканивали швы, возводили площадки.

Наконец, тепло- и электросиловое хозяйство было запущено, но тут выявилась новая беда — на фабрике почти не было работников с необходимыми техническими знаниями для того, чтобы обслуживать новую технику. В то время на мулловском предприятии только половина рабочих имела хоть какой-то объем технических знаний, а шестая часть рабочих была полностью безграмотна. Такая диспропорция возникла из-за большой текучести кадров. Опытные рабочие бежали с предприятия, а новые кадры совсем не имели ни рабочего опыта, ни знания техминимума, ни грамотности.

Чтобы как-то выйти из этой ситуации, на фабрике стали создавать различные курсы по техминимуму, кружки по узкой специализации и консультативные курсы, где каждый желающий мог бы проконсультироваться по тому или иному техническому вопросу. По каждой профессии в каждом цехе проводились занятия. Обычно их вели опытные рабочие с десятилетними стажами или мастера, получившие хоть какое-то образование. Они не просто читали лекции, а здесь же, на рабочих местах, проводили практические занятия, делясь своими знаниями и опытом. А ученики на деле изучали оборудование, машины и аппараты, учились делать ремонт и наладку, постигали технологию производства.

А как же быть с теми, кто не знает элементарной грамотности, ведь безграмотный человек не способен изучать технику, понимать законы механики и устройство машин. Такие рабочие, наряду с технической, занимались и общеобразовательной учебой. Многие ходили на работу с тетрадками и учебниками. Для занятий руководство фабрики пыталось создать хоть какие-то условия, для этого оборудовали красные уголки, комплектовались необходимой литературой так называемые передвижные технические библиотеки, изготовляли наглядные пособия. Конечно, нельзя было перегружать рабочих постоянно, трудно работать и учиться каждый день, поэтому занятия проводились лишь по расписанию в определенные дни.

Чтобы не распылять силы, при фабрике скоро создали школу передового опыта, в которой изучали новые, более высокопроизводительные и современные методы труда. Школа имела свое помещение, лабораторию, располагала технической базой, то есть она напоминала уже профессионально-техническое училище, которая действовала, правда, без отрыва от производства. Рабочие-ученики занимались так: вторая смена занималась за три часа до начала своей смены, а первая смена после работы. Общеобразовательные предметы, такие как арифметику, геометрию, физику, литературу и русский язык, вели учителя мулловской семилетней школы, а специальные технические дисциплины — главные специалисты предприятия: техники Н. Д. Казакова и К. Я. Хударова, заведующая лабораторией М. П. Ростиславова, главный механик И. Д. Ростиславов и другие. Проводились даже государственные экзамены. В одном из выпусков школы из 197 человек 122 получили отличные и хорошие оценки по предметам, остальные сдали зачеты на удовлетворительно. К началу войны на фабрике работало 2 дипломированных специалиста с высшим образованием и 5 техников.

Техническая учеба стала давать свои результаты. На производстве появились изобретатели и рационализаторы, передовики из числа выпускников школы передового опыта. В те годы в Советском Союзе широко распространялся опыт стахановского движения, который внедрялся во все отрасли хозяйства. И хотя интенсивный труд, даже по мнению некоторых советских ученых, не мог поднять общую производительность и увеличить объем продукции без совершенствования технологий и установки более производительного оборудования, рабочие, выдававшие “на гора” по несколько норм, служили определенными “маяками” для других.

В текстильной промышленности такими “маяками” служили ткачихи ивановской текстильной фабрики сестры Виноградовы. Они работали сразу на нескольких станках, показывая невообразимые по тем временам цифры производительности на одного рабочего. Естественно, советские чиновники не оставили этого факта без внимания и стали распространять опыт на все предприятия текстильной промышленности страны.

Не обошли этот опыт и на Мулловской фабрике. Подобрали подходящую кандидатуру, которой стала ткачиха Надежда Григорьевна Ильина. Сначала она, как и все, обслуживала один станок, затем два, а потом сразу четыре. Понимающие в технологии люди понимают, что невозможно без каких-то новшеств и изменений интенсифицировать труд одного рабочего. Попробуйте-ка одного землекопа вместо двух кубометров перелопатить восемь. Вот если на его место поставить экскаватор... Но “маяк” был необходим хотя бы для того, чтобы “замазать” глаза вышестоящему начальству. И на это были брошены все силы коллектива.

У Надежды Григорьевны было четыре станка, которые отстояли далеко друг от друга, и между ними проходила рельсовая дорога для вывоза продукции. Поэтому стали думать, как сделать так, чтобы все станки оказались рядом. Для этого убрали рельсовую дорогу из центра цеха и проложили ее вдоль стены. Тогда на станках еще не было никаких сигнальных устройств, чтобы контролировать их работу, и потому ткачиха вынуждена была постоянно бегать от станка к станку. В конце концов, рационализаторо-

ры устранили и эту неприятность. Они установили на всех ткацких станках концевые выключатели, которые при обрыве уточной нити подавали сигнал или останавливали станок.

У ткачихи Ильиной появились последователи, это Федор Зимин, Надежда Данилова, Екатерина Черемухина и другие. А скоро и весь цех перешел на многостаночное обслуживание. Этот почин подхватили и в других цехах. Например, в прядильном цехе Анастасия Шилинцева обслуживала оборудование с увеличенным количеством веретен.

Конечно, при таких условиях работники давали намного больше продукции, чем остальные, естественно, что и заработная плата у них была больше, чем у других. Вместо существующих норм в 26 метров на станок четырехстаночники давали по 108-110 метров ткани за одну смену. В конце тридцатых годов это выдавалось за подвиг, и вполне заслуженно ткачиха Надежда Григорьевна Ильина, как “первопроходец” многостаночного метода на мулловской фабрике, была награждена советским правительством медалью “За трудовое отличие”.

А на фабрике уже думали о будущем. К 1942 году наметили довести количество станков до 140, предусматривали установить почти три с половиной тысячи веретен, а годовое производство тканей к 1942 году увеличить до 1 миллиона 420 тысяч метров. Предусмотрели израсходовать для строительства нового жилья около трехсот тысяч рублей. Но этим планам не суждено было сбыться в положенные сроки...

IX ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

А мы заглянем в еще более давние времена мулловского края. Мы уже знаем, что с четвертого столетия нашей эры в наших местах жили именьковцы. А кто же жил на наших землях до них? Согласно утверждениям археологов, со второго века до новой эры до прихода именьковских племен здесь жили люди так называемой пьяноборской культуры. Она названа так по селу Пьяный Бор (ныне Красный Бор), находящемуся в Татарстане, где был раскопан первый могильник этой культуры.

Пьяноборские племена пришли в Поволжье на смену так называемым городецким племенам, которые расселились в Саратовском Поволжье, в районе Самарской Луки, в бассейнах рек Оки, Мокши, Суры и Свияги. В их могильниках находят богатый инвентарь, который состоит из множества бронзовых и серебряных украшений одежды, головных уборов и обуви. Самыми древними памятниками этого типа являются Кошибеевский, Сергачский, Криушинский, Селиксенский и Абрамовский могильники. Но самым интересным и богатым оказался Андреевский курган. Здесь с особой пышностью был похоронен какой-то вождь в сопровождении двух тяжеловооруженных воинов и одного раба. Это говорит о том, что в те времена у пьяноборцев существовали элементы рабства.

В начале первого тысячелетия в наших местах уже жили исконные племена. По языку они были близки к современным финно-угорским народам: марийцам и мордве. У них были небольшие, укрепленные валами и рвами поселения, очевидно, родовые. Иногда они были отделены друг от друга на десятки километров и располагались по руслу рек. Наряду с укрепленными поселениями (городищами) получили распространение и неукрепленные поселки, так называемые селища. Для этого времени характерно сочетание одного городища и нескольких селищ вокруг него, что было обусловлено, несомненно, безопасностью. По мере того, как проявлялась оседлость племен, начала совершенствоваться металлургия, обработка земли, все больше применялось скотоводство, рыболовство и охота.

В различных местах обитания пьяноборцев погребальный инвентарь уже свидетельствует о наличии устойчивых союзов и племен, которые имели торговые сношения с другими племенами. В могильниках находят большое количество вещей, принадлежащих другим культурам и народам.

Материалы раскопок позволяют судить и об имущественном неравенстве в племенах. Это нашло отражение и в могильном инвентаре, и в устройстве самих могил. Наряду с обычными захоронениями выделяются такие, где погребения осуществлялись с особой пышностью и ритуальностью, в которых находилось большое количество вещей. Племенная знать хоронила своих родственников и детей в более глубоких и богатых могилах.

Но, как говорится, ничто не вечно на земле: на наши поволжские земли пришли другие люди, которые принесли сюда свою культуру и свои обычаи. А мы в очередной раз вернемся к основной теме нашего разговора.

В ТЯЖЕЛЫЕ СВЕТЛЫЕ ГОДЫ

Для кого-то заголовок моей следующей главы прозвучит как издевательство или, по крайней мере, цинично и нелогично. Но Великая Отечественная война, которая началась 22 июня 1941 года, на мой взгляд, была одним из самых тяжелых и в то же время самых светлых периодов советской истории.

Самых тяжелых потому, что потребовал мобилизации всех своих ресурсов для победы над самым сильным врагом, который когда-либо существовал на планете, ведь фашистская Германия сумела подчинить себе почти весь экономический потенциал Западной Европы и обладала самой большой, самой мощной и самой технически оснащенной армией в мире. Читатель может воскликнуть: "Да знаем мы это, читали! Что ты нам лапшу на уши вешаешь!" Но знать — это не значит понимать. Представьте себе, что вы на поле боя, на вас прет танк с пушками и пулеметами, а у вас в руках хорошо если есть винтовка. Об этом могут рассказать и донести до нас, живущих сегодня, только те, кто сам побывал в подобной ситуации. Мой покойный отец, который прошел дорогами фронта от первого до последнего дня, на майский праздник Победы за столом со своими однополчанами всегда с ужасом говорил: "До сих пор не понимаю, как мы смогли победить! Ведь не было у нас ничего, винтовку и то одну на троих давали".

Почему период войны я называю светлым? Да потому что общая беда всколыхнула в людях самые лучшие чувства: единения против врага, тревоги за свою Родину-мать, за свое Отечество, за свои города и села, за своих родных и детей. Уж поверьте, не все пылало любовью к советской власти, которая успела "насолить" почти каждой семье. Достаточно вспомнить коллективизацию, от которой пострадало, только по официальным данным, около четверти крестьянских семей. На самом же деле вековой крестьянский уклад был нарушен в каждой семье. А репрессии! Они уничтожили миллионы людей и еще больше загнали в лагеря.

Одним словом, врагов у советской власти было предостаточно. Но когда пришла общая беда, люди не стали раздумывать, кто их обидел, и встали на защиту своей Родины. Сын, который видит, как обижают его мать, неважно, плохую или хорошую, всегда встает на ее защиту. Русский народ, а вместе с ним и все народы Советского Союза, смогли мобилироваться, найти против танка врага свое оружие, выстоять и победить. И СВЕТ этой Великой Победы до наших дней освещает и освящает наши души и, думаю, еще долго будет освещать и освящать их, как это делают победы над немецкими рыцарями у Чудского озера, над татаро-монголами на Куликовом поле, над Наполеоном на Бородинском поле.

То же самое происходило и в Мулловке. 22 июня 1941 года был обычный выходной день. Мулловцы занимались своими обычными домашними делами: кто-то справлял день рождения, кто-то копался в своем огороде или возился в хлеву, кто-то просто гулял около заводского пруда или в лесу, кто-то рыбачил. И вдруг по улицам пробежали мальчишки с криками: "Война-а-а! Война началась!"

Война — самое страшное слово для любого человека. Ее ждали, но до самого последнего мига надеялись, что ее не будет. И вот она пришла. Бросив все дела, народ побежал к месту схода, где прозвучало зловещее — на нашу страну напали фашисты. Гробовая тишина сменилась криками и плачами женщин и детей, вздохами и проклятиями стариков, знавших почем фунт лиха, в адрес еще невидимого и неслышимого врага.

Уже на следующий день первая партия мобилизованных мужчин уходила из села. Большую ее часть составляли работники Мулловской суконной фабрики. Они уходили точно так же, как уходили когда-то их отцы, деды и прадеды на войну с турками, с Наполеоном, с японцами и с германцем. Жуткий вой родных, не знавших, увидят ли когда-нибудь еще своих защитников, провожал их долго-долго, заставляя вытирать непрошенные слезы и проклинать проклятого “фрица”. В этом, уходящем в грозную неизвестность, строю были директор стахановской фабричной школы П. В. Киселев, охранники Андрей Казанцев, Владимир Шамшаев, Андрей Грешнов, Яков Пигасов, Александр Ионычев, заведующий производственной конторой А. Пузряков, парторг фабрики С. Кузьмин, рабочий Павел Талызин, помощник мастера Александр Казанцев и многие другие. Вместе со своими фабричными машинами уезжали на фронт шофера Федор Стенин, братья Александр и Николай Казеевы.

Многие воевали недолго, но честно. Уже в августе пришло известие, что подразделение, в котором состояли мулловские текстильщики, почти полностью погибло под городом Жлобиним в Гомельской области. Родные даже не успели получить от своих защитников весточки. Единственное письмо дошло от Павла Талызина. Его читали и слушали не только его жена и семеро детей, но и все те, кто ждал хоть какую-нибудь весточку от своих мужей и сыновей.

Павел Талызин писал: “Здравствуй, жена, Анна Михайловна! Здравствуйте, милые детки мои Дуся, Петя, Гриша, Коля, Надя, Ваня, Володя! Очень по вас соскучился. Вижу часто во сне. Кончится война — увидимся. Иду в бой. Если что со мной случится, в беде вас не оставят. Обо мне не беспокойтесь. Был я честным отцом, был честным рабочим, таким же стану солдатом. Будьте счастливы. Низко кланяюсь. Много раз вас целую. Ваш отец Павел Талызин”.

С фабрики на фронт ушли почти все кадровые, самые работоспособные мужчины: и беспартийные, и комсомольцы, и коммунисты. Война и ее смертельное жало не делает различий по классовому или какому-то иному признаку, они убивают всех, кто попадает на ее пути. А места защитников отечества на фабрике занимали их жены, матери, бабушки и дедушки и даже малолетние сыновья и дочери. Все, кто находился в отпусках или больницах, вернулись на фабрику. Работать приходилось круглые сутки. Теперь никого не удивляло, что вместо мужчины у станка стоит женщина, у ткацких станков — девчонки, а ремонтируют технику и оборудование пацаны. Нормы выработки не понизились, а наоборот повысились. Все понимали, что солдат нужно было одевать и согревать. Все для фронта! Все для победы!

Несмотря на все трудности, которые переживала вся страна и мулловская фабрика, план 1941 года удалось перевыполнить почти на 7 процентов, несмотря на то, что производительность резко снизилась. Теперь с каждого станка получали лишь десять с половиной тысяч метров ткани, а на каждого рабочего — 1234 метра. Но это и понятно, ведь за станки вставляли неквалифицированные рабочие да к тому же еще измотанные длинной рабочей сменой и постоянным голодом. Рабочего пайка едва хватало, чтобы восстановить силы.

Краевед и писатель М. Сударев в своей книге пишет о небывалой производительности — 18807 метров в год на каждый ЗАПРАВЛЕННЫЙ станок. Это правда и одновременно утаивание истинного положения дел. На фабрике по статистическим данным в 1941 году было сто станков, за год было выработано 1058,5 тысяч метров тканей. Нетрудно посчитать, что выработка на каждый станок составила 10585 метров

ткани. В советские времена не принято было принижать достижения, потому писатель и привел цифру — 18807 метров. По каким причинам было это сделано, по идеологическим или цензурным, сейчас неважно. Но этими цифрами Сударев дал понять, что почти сорок процентов оборудования простаивало: то ли от нехватки сырья и рабочих рук, то ли по каким-то другим причинам.

Зима 1941-1942 года выдалась очень тяжелой: суровой, тревожной и голодной. По воспоминаниям местных старожилов, зима была такой морозной, что от морозов вековые сосны расщепляло пополам, как чурбаки на лучины, а лед в прудах промерзал до дна и местами вспучивался, птицы замерзали на лету и падали на снег замертво. К новому году на фабрике, да и во всем поселке закончились топливо, хлеб, сырье. Котельные еле дышали теплом, еще немного — и фабрика окончательно встанет. Люди голодали. И виной всему были не простые люди, которые работали день и ночь: работоспособные на фабрике и других производствах, старухи и больные вязали для фронтовиков подшлемники, носки, варежки, школьники шили и вышивали кисеты для махорки. Виной всему было разгильдяйство начальства. За погоней за показателями они забыли, что грядет зима, что для производства необходимо достаточное количество топлива.

Кое-как дотянув годовой план, руководители и партийная организация фабрики хватились, что фабрика может окончательно встать, а поселок замерзнуть и вымереть от голода. Обычно фабричные котлы работали на торфе, до торфяного болота, откуда возили топливо, было несколько километров. Казалось бы, недалеко, вози да вози, но зимние метели так перемели все дороги, что к выработкам невозможно было пробраться. Небольшая бригада дорожников с рассвета до полудня расчищала дорогу, чтобы санный обоз мог пробраться к торфяникам, но вьюга словно насмеялась над людьми и снова заваливала ее сугробами.

На доставку топлива было мобилизовано сотни рабочих фабрики: одни протапывали в лесу тропы, другие валили и пилили деревья, третьи заготавливали и возили дрова, которыми отапливали не только фабрику, но и дома фронтовиков и осиротевших семей. Сложнее оказалось доставить торф. На санях возить топливо было невозможно. Тогда кто-то предложил проложить прямо по сугробам деревянную рельсовую дорогу, сделать вагонетки и впрягаться в них самим вместо лошадей. Дорога оказалась такой тяжелой и неэффективной, что каждую вагонетку толкали по десять человек. Тогда люди впряглись в сани сами. И дело пошло быстрее. Зимой вытянули, как говорится, на своем горбу.

Особые сложности были с продовольствием. С первых дней войны в стране была введена распределительная карточная система, которая предусматривала определенные нормы на работающих и иждивенцев. Хлеб, сахар, крупы, чай отпускался только по нормам. Но иногда и за ними еще нужно было ездить. Так случилось и в первую военную зиму.

Не раз случалось, что в мулловской хлебопекарне закончивалась мука. Тогда рабкооп (рабочий кооператив по заготовке и распределению продовольствия и товаров) часто обращался к рабочим фабрики помочь в доставке зерна со складов Ерыклинска или Никольского-на-Черемшане. Люди впрягались в сани и везли в поселок драгоценный груз. Но ведь зерно нужно смолот. Башковитые фабричные мастера вышли и из этой ситуации. Они смастерили при фабрике мельничку: нашли где-то старые жернова, подключили их к механическому приводу и стали молотить зерно.

Во время войны на суконной фабрике работали в основном женщины, старики и подростки. Кроме производства основной продукции они занимались воспитанием и обучением своих детей, возили торф, рубили лес, возили продукты, помогали колхозникам сеять и убирать хлеб да еще успевали работать на собственных огородах и подсобном хозяйстве. Они же собирали теплые вещи, из сэкономленного сырья валяли

валенки, ткали портянки, вязали шарфы, носки и варежки да еще вносили в фонд победы собственные сбережения. Кроме этого женщины собирали для фронта продукты, пекли печенье, сушили сухари, солили мясо и коптили окорока, шили и вышивали кисеты, полотенца, носовые платки и салфетки и все это вместе с письмами отправляли солдатам на фронт, с надеждой, что одно из их посланий попадет в руки родного и любимого человека. Даже сейчас, через шестьдесят и более лет, хочется поклониться им низко в ноги и расцеловать их натруженные руки. Невозможно перечислить их имен. Но если пройти по улицам современной Мулловки, то вы увидите стариков и старух, которые ковали когда-то победу над врагом.

Победа ковалась, вспахивалась и ткалась изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, она возвращалась, как единственное родное дитя, одно на всех, но самое дорогое, долгожданное и прекрасное. Но это было тяжело, очень тяжело. Подростая молодежь тоже уходила на фронт, безжалостный молох войны требовал все новых и новых жертв. Так, в 1943 году была призвана на фронт текстильщица Александра Рыбакова, которая воевала в службе воздушного наблюдения, оповещения и связи, которая коротко называлась ВНОС. опережая события, мы расскажем, что она закончила войну в Литве, а затем вернулась в родные края вместе с мужем и детьми. Елизавета Ивановна Казеева, у которой на фронте погиб брат, тоже в 1942 году ушла на фронт. Сначала училась в Ульяновской военно-морской школе, служила в Заполярье в береговой обороне, а затем после войны вернулась в родную Мулловку, на родную фабрику.

А на их место вставать было почти некому — старики умирали, а новые работники еще не народились и не подросли. Планы для фабрики из года в год устанавливались всегда завышенные, в надежде на то, что произойдет какое-то чудо, и оно будет выполнено. Но чуда, естественно, не происходило, ведь люди и так работали на пределе сил. В конце года планы корректировались сверху, и потому на бумаге все выглядело тип-топ.

Каждый раз с наступлением зимы фабрику лихорадило. Всех занимал вопрос: как выжить в зимние холода, а для этого необходимо было топливо, топливо и еще раз топливо. А как его достать, когда не хватает ни лошадей, ни машин. Казалось бы вот он торф, совсем рядом, всего каких-то 7-10 километров. Но народ недаром говорит: близок локоток, да не укусишь. С декабря 1943 по май 1944 года Мулловская фабрика стояла. Этот факт советская система тщательно скрывала, и ясно почему. Чтобы не вывести из строя отопительную систему предприятия, сотни рабочих на дровнях возили торф с болот. Лишь летом 1944 года фабрике была выделена колонна мощных грузовиков с водителями, которая день и ночь завозила топливо на предприятие. И фабрика вновь ожила.

Зимой 1944 года фабрика снова не выполняла план. Материальный стимул для повышения производительности труда был утерян окончательно. Чем было стимулировать, когда все средства государства уходило на войну, иной раз не было даже хлеба, чтобы восстановить силы для следующего рабочего дня. Оставался только моральный фактор, который воздействовал, в основном, на молодежь. Что давала почетная грамота или переходящий вымпел для семьянина, когда ему необходимо кормить и поднимать семью.

На фабрике стали создаваться фронтовые бригады. Инициаторами выступили, как и всегда, партийный, комсомольский и профсоюзный органы. Тогда комсомольцев предприятия возглавлял Павел Ягноков, который понюхал на фронте пороха и потому пользовался уважением у ребят. Объявили поход за повышение производительности труда и стали соревноваться за право называться ударником фронтовых бригад. И дело сдвинулось. Уже в июне аппаратчики, агрегатчики и рабочие чесальных машин план выполнили на 137 процентов. Бригадам аппаратчиц Антонины Дунаевой и Елизаветы Страховой за эти высокие показатели присвоили звания ударных фронтовых бригад.

Были учреждены также переходящее красное знамя и вымпелы победителей соревнования.

Скоро движение за ударный труд охватило почти все предприятие. Конечно, эти успехи пришли не только за счет энтузиазма. Во - первых, дела на фронте шли все лучше и лучше, Советская армия гнала врага со своей земли, и эти хорошие новости не могли не отражаться на настроении людей. Во-вторых, такие бригады курировали самые опытные и технически грамотные работники. Они учили молодых людей правильной организации труда, эффективному использованию рабочего времени, устраивались встречи с передовиками, проводились теоретические и практические семинарские занятия. Всем этим занимались начальники цехов Д. Н. Прямов и А. И. Силантьев, мастер А. И. Сорокин, лаборант В. П. Громов, нормировщик К. И. Акимов, техники А. Марицкая, В. Руденко, С. Винокурова и многие другие.

Все эти мероприятия дали результаты. Уже в следующем месяце, августе, звания ударных фронтовых бригад были присвоены коллективам ткачих под руководством Анны Никитиной, Надежды Даниловой, Зои и Клавдии Евдокимовых, Нины Космыниной, Екатерины Черемухиной и бригадам прядильщиц Надежды Аввакумовой, Евдокии Никитиной и Екатерины Киселевой.

Наступил 1945 год. Мулловцы, как и вся страна, весь мир, ждали окончания войны. А это мир, спокойствие, возвращение родных, которые с огромными потерями добывали долгожданную победу. Увы, не все вернутся домой, к родным, к милым и выросшим детишкам. Вместе с мужчинами воевали и мулловские женщины. Вслед за своими тремя братьями Казеевыми ушла на фронт и их сестра Елизавета, которая работала контролером прядильного цеха, добровольно пошли воевать с ненавистным врагом фабричная работница Александра Рыбакова, учительницы П. Назарова, Н. Фетисова и Н. Гуляева.

Вместе с ними отстаивали независимость родины артиллерист Николай Паршин, работавший сменным мастером прядильного производства, зенитчик Александр Маркелов — машинист теплоэлектроцентрали, рядовой царицы полей Петр Чегаров — охранник фабрики, и многие многие другие. Но не дождутся своих защитников и кормильцев родные А. Пузрякова, Я. Пигасова, В. Шамшаева, С. Кузьмина, А. Казанцева, А. Казеева, Ф. Стенина, П. Киселева, П. Талызина сотни других семей. Кто-то из них погиб еще в первом бою под городом Жлобин в Гомельской области, кто-то пропал без вести, как Павел Талызин; кто-то прошел длинный и кровавый путь от Москвы до Кенигсберга, как Петр Чегаров, прошедший через Духовщину, Витебск, Выборг и Тильзит, получив при этом четыре ранения; кто-то защищал блокадный Ленинград, как Николай Паршин; кто-то сбивал вражеские самолеты под Москвой, Оршей, Минском, Вильнюсом и Кенигсбергом, как Александр Маркелов.

Весть о Великой Победе, как и весть о начале войны, пришла неожиданно. Первым это радостное известие ранним утром 9 мая принес мулловцам один из дежурных членов партбюро, который услышал по радио сообщение советского правительства о разгроме и полной безоговорочной капитуляции фашистской Германии. От него эту весть узнали охранники фабрики, жители ближайших домов, а потом она, словно первая весенняя птица, облетела весь поселок. Люди бросили все свои дела, обнимались, целовались, плакали, а вместе с ними, казалось, праздновала этот великий день и природа: цветением деревьев, веселым шелестом первых листочков, ласковым весенним солнцем, первоцветами, разливом Сосновки...

Но никогда этого не увидят те, кто не вернулся с фронта в родные пенаты к родным женам и детям. Советская пропаганда и здесь постаралась, пытаясь принизить цену Великой Победы. Лишь в последние годы стали известны истинные цифры потерь, которые понесли мулловцы. Из поселка на фронты Великой Отечественной было призвано 1200 человек, из которых 745 не вернулись домой. За эту правду низкий поклон

замечательной русской женщине Зое Михайловне Касимовой, бывшей учительнице и бывшей создательнице бывшего музея Мулловской суконной фабрики, о которой мы еще расскажем позже. Зоя Михайловна вместе с добровольными помощниками подняла в архивах списки призывников, перелопатила десятки “амбарных” книг с именами тех, кто был в них внесен корявыми, порой почти нечитаемыми, почерками и нашла имена тех муллоцев, которые сложили свои головы не только за Родину, но и за своих жен, детей, отцов и матерей, за свою малую родную землю.

В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Возвращение мулловских фронтовиков растянулось почти на десятилетие. Те, кто попал на фронт в первые призывы, стали возвращаться сразу после окончания войны — в основном, из госпиталей, солдатам последнего военного призыва пришлось служить до середины пятидесятых годов. На излечении в июне 1945 года находилось более миллиона человек, за всю войну по ранениям и болезням было демобилизовано 3 миллиона 800 тысяч человек, из них более двух с половиной миллионов стали инвалидами. Поэтому в первые месяцы в Мулловке встречали, в основном, больных, инвалидов на костылях и калек: без рук, без ног, а то и без того и другого. Осенью и зимой стали возвращаться фронтовики, уволенные из рядов армии по списку №1 на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 октября 1945 года. Это были те, кто понюхал пороха с первых дней войны и которым посчастливилось остаться в живых.

Героев встречали, как правило, широко и долго. В дом фронтовика сбегались иногда целые улицы: одни, чтобы разделить радость со счастливой семьей, другие, чтобы порасспросить и узнать о своих мужьях, третьи надеялись хоть что-то услышать о пропавших без вести солдатах. Плакали и смеялись вместе. Плакали о безвозвратно ушедших и смеялись оттого, что сумели пережить огромную народную беду и победить коварного и сильного врага.

Но нужно было жить дальше. Фронтовики недолго праздновали свое счастливое, почти чудесное возвращение домой, истосковавшиеся по мирному труду руки требовали не ратной, а созидательной работы, и они шли к тракторам и плугам, станкам и котлам. Михаил Рамзаев, который до призыва на фронт работал помощником мастера прядильного цеха, вернулся на свое прежнее рабочее место, в свой цех вернулся и мастер Александр Казанцев.

За последний, 1945 год, фабрика совсем “сдала”. Хотя здесь работало рабочих чуть больше, чем в начале войны, но станков не прибавилось. За год производство смогло дать лишь 790 тысяч метров суконных тканей, а производительность на одного рабочего упала до уровня двадцатых годов и составила всего 910,5 метра, а на один станок — до 7900 метров. Тем не менее, советское правительство по достоинству отметило и оценило вклад мулловских текстильщиков в общую победу над врагом, которые одели за время войны 1420 тысяч солдат. Указом Президиума Верховного Совета СССР сотни рабочих были награждены медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.”

Советское правительство все свои средства направляло на восстановление городов, сел, фабрик и заводов на бывшей оккупированной территории, поэтому бывшему тылу доставались крохи. Поэтому мулловской фабрике приходилось работать на том оборудовании, что досталось ей еще с тридцатых годов. Качество продукции было, что называется, аховым. Те же фронтовики подсказали, что в сукне было очень много репья. Решили исправить это положение. А как? Раньше репьеочистительные машины завозили только из-за границы, и сейчас, в условиях “холодной войны”, надежды на его обновление не было. Подобные машины в большом количестве выпускались на Крас-

нопресненском заводе, но в Мулловку они не доходили — все бросалось на вооружение новых производств в разрушенных западных районах страны.

Рационализаторы стали думать, как бы избавиться от сорных примесей. Как-то рабочий В. И. Лучкин предложил установить под бегунами чесальных аппаратов репьеочистительные полочки. Смастерил и установил их сам изобретатель. Эффект был хорошим — шерсть шла с небольшим количеством примесей. Но теперь аппараты нужно было каждый день и надолго останавливать для очистки, а для этого их нужно было разбирать и собирать — трудоемкое и неэффективное занятие. “Подсмотрев” устройство машины Краснопресненского завода, инженер фабрики И. С. Казарновский вместе с другими рабочими решили построить свою машину. Она состояла из рабочего барабана, съемных бегунков, покрытых металлической кардолентой, и валиков. Машина работала неплохо.

Рационализаторская мысль постоянно была в действии. Для очистки суровья начали применять и мяльную машину, в которой выбивались растительные остатки, затем придумали, изготовили и установили приспособление для автоматического выключения станка при заминке челнока в так называемом зеве. Шорник аппаратного отдела П. А. Каблов стал продлевать срок службы очень дорогих и дефицитных кожаных сучильных рукавов. После их износа он наносил новые канавки на рукавах ножом собственного изобретения. В те годы подобные изобретения были необходимостью, для того чтобы фабрика хоть как-то работала. В народе давно горько подмечено, что голь на выдумки хитра.

Полуголодным летом 1946 года, когда в стране снова установилась засуха, словно для того, чтобы снова испытать людей на прочность, некоторые бригады поехали на ишеевскую фабрику для обмена опытом. Там был подписан договор о социалистическом соревновании между двумя коллективами. Эта традиция по обмену опытом продолжалась несколько десятков лет.

На фабрику прибывало все больше рабочих, им где-то нужно было жить. И потому в послевоенные годы мулловская фабрика развернула большое строительство. Создать свою строительную организацию ей было не под силу, и потому строительство велось методом народной стройки. После окончания смены фабричные рабочие превращались в каменщиков, плотников, столяров, штукатуров и маляров. Работали и в выходные дни. В большинстве своем на строительстве трудились те, кто в этом жилье нуждался. Таким образом, было построено несколько кирпичных жилых домов. За семь послевоенных лет сдали несколько тысяч квадратных метров жилья. Фабрикой выделялись средства и на индивидуальное строительство для самых нуждающихся. В начале пятидесятых годов на эти цели было отпущено 41000 рублей. И уже к ноябрю 1952 года новоселье справили семьи зольщика Юсупова, слесаря Юдина, шоферов Морозова, Зорова, печника Исаева, начальника ткацкого цеха Силантьева.

Кроме жилья строился и фабричный клуб. В 1952 году он был открыт для посещения. В клубе был просторный зал со сценой, здесь проводились лекции, просмотры кинофильмов, концерты и спектакли художественной самодеятельности. Были в нем и комнаты для кружковой работы. Например, в одном из номеров Мелекесской газеты сообщалось, что седьмого ноября 1953 года демонстрировался фильм “Свинарка и пастух”, который посмотрела вся Мулловка.

В 1950 году на мулловском текстильном производстве работало уже 1173 работника. За прошедшие пять лет здесь установили еще 14 ткацких станков. Значительно вырос объем выпускаемой продукции. В этот год фабрика дала 1 миллион 212 тысяч метров тканей, выработка на ткацкий станок увеличилась с послевоенных 7900 до 10632 метров, а на каждого рабочего с 910 до 1033 метров ткани.

Сердцем фабрики так и оставались паровые котлы. Они вырабатывали необходимую энергию, давали пар, крутили механизмы. Работали они в основном на собст-

венном сырье — на торфе. На торфяниках трудились отдельные бригады. Это был адский труд, летом на жаре, с полчищами комаров, в воде, зимой — в стужу и в бездорожье. Доставлялся торф на фабрику, в зависимости от погодных условий, на автомашинах, которых на фабрике постоянно не хватало, на повозках, телегах или санях. Иногда приходилось возить и на собственном горбу. В 1952 году бригада Дмитриева добыла 326 тонн торфа, а бригада Малова — на 52 тонны больше годового плана. Сообщалось также, что багермейстер Салтыков повысил производительность машины и дал на 7000 кирпичей больше плана.

В 1952 году фабрика рапортовала о выполнении десятимесячного плана и социалистических обязательств к ноябрьским праздникам. Отмечались бригада ткачей М. П. Иболдова, выполнившая план октября на 117,1 процента, при этом 99,5 процента продукции было первого сорта, бригада Г. И. Силантьева дала 119,3 процента продукции и почти всю первого сорта. Ткачихи Белоногова, Битюцкая и Никитина досрочно выполнили годовое задание. Перемотчице основы Жердиной было присвоено звание “Лучшая перемотчица”, а имя ее было занесено в Книгу Почета Мулловской фабрики.

В послевоенные годы развивалась и культурная жизнь мулловских текстильщиков. В библиотеке Мулловской фабрики насчитывалось более шести тысяч книг. В четвертом квартале 1953 года администрация предприятия выделила 4500 рублей на приобретение литературы. Как сообщалось в одной из газет, на эти деньги купили произведения Ленина, Сталина, Мао Цзе-Дуна, Марича, Медынского и других авторов. Молодежь собирала у населения художественную литературу для Мулловской средней школы. В этом же году школьники высадили собственный сад: 50 яблонь, 35 вишен, 200 кустов смородины, малины, земляники, оборудовали географическую площадку. Началось строительство новой школы на 280 мест.

Я помню эти годы, когда мы, ученики Рязановской восьмилетней школы, тоже закладывали собственный сад у только что построенной школы. У каждого ученика была своя “именная” яблонька, на которой висела табличка с именем ее “хозяина” и датой высадки. Чуть ли не каждый день мы, ребята, бегали к своим “питомцам”, рыхлили землю, поливали и наблюдали, как развернулся новый листочек, как появился первый цвет и первая завязь. Другие школьники, постарше, бегали к геодезической площадке и измеряли уровень выпавших осадков за минувшие сутки, записывали, какой была температура воздуха, какая влажность, атмосферное давление, направление ветра и так далее. Наверное, те же самые чувства испытывали ученики и Мулловской школы.

При фабричном клубе был открыт рабочий клуб. При нем был организован самодеятельный театр. Фабричных артистов возглавил Виктор Гаврилович Кузнецов, который переехал в Мулловку после работы в профессиональном театре. Вместе со своей женой Варварой Ивановной, которая работала артисткой в театрах Кузнецка, Егорьевска и Мелекесса, они помогали становлению мулловской тетральной труппы, в которую входили, в основном, работники фабрики.

Это были интеллигенты с широкими и разносторонними интересами. Варвара Ивановна работала не только в театре, но и медсестрой в больницах и госпиталях. При этом она была хорошей поэтессой. Публиковала свои стихи во всех местных изданиях. По подсчетам некоторых мулловцев, она написала несколько тысяч стихотворений. Сам Виктор Гаврилович был еще музыкантом и художником. Его кисти принадлежит около 50 работ. Жаль, что не все из них сохранились. Работница мулловской поселковой библиотеки Нина Александровна Бродина сохранила несколько картин провинциального художника, которые выставлены в небольшой экспозиции, устроенной в библиотеке.

Первый спектакль, который был поставлен на мулловской сцене, назывался “Раскинулось море широко”. Первые зрители, битком заполнившие зал клуба, были в

восторге. В последующие двадцать лет, когда Кузнецов руководил самодеятельным театром, были поставлены десятки пьес советских драматургов, трагедии Ф. Шиллера, комедии Н. В. Гоголя и А. Н. Островского. На сцене блистали своим актерским мастерством контролер фабрики Раиса Лагутина, помощник мастера Александр Барматов, аппаратчица Екатерина Лесина, супруги Тумановы, мастер прядильного цеха Юрий Калиновский, участник и инвалид Великой Отечественной войны Борис Маркелов и многие другие.

Но послевоенные годы были насыщены не только радостью. Когда я готовил материал для этой книги, мне пришлось перелопатить огромное количество литературы и подшивок старых газет. И с них пахло не только старой пылью, но и страхом, затхлостью, безнадежностью. На всех полосах речи руководителей, полные подострастия к “вождю всех времен и народов”, проклятия в адрес” врагов трудового народа” и... ни одного живого материала о жизни страны, лишь сводки, рапорты и “дела”. За каждый колосок, подобранный с поля, за каждую горсть зерна, за моток пряжи людей отправляли в тюрьму на долгие годы. В декабре 1953 года на страницах всех газет клеймили Берию, называя его шпионом, предателем и врагом народа. Всюду проходили митинги и собрания, требующие смерти изменника. К голосу народа не прислушаться, конечно, не могли. Наверняка такое собрание происходило и на Мулловской суконной фабрике. Сейчас это может показаться диким, но так было.

Я безуспешно пытался найти что-то на эту печальную тему по Мулловской суконной фабрике. Но в одной из газет я нашел сообщение о том, что работницу мелекесской фабрики имени Клары Цеткин Семочкину Антонину Дмитриевну за хищение имущества по статье 2 Указа от 4 июня 1947 года “Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества” осуждена на 10 лет с конфискацией имущества. И это всего за несколько мотков продукции.

А жизнь тем временем продолжалась. За войну оборудование фабрики так обветшало и изнашивалось, что оно больше простаивало, чем работало. С 1948 года стали потихоньку заменять самое изношенное оборудование и станки. В 1956 году установили первую прядильную машину так называемого непрерывного действия, а сельфакторы, успешно работавшие десятки лет, стали заменять ватерами, более современными и производительными. Но вот беда — на ватерах никто не мог работать. Тогда руководство фабрики приняло решение отправить группу рабочих на учебу на одну из фабрик, где такое оборудование уже было освоено и успешно работало. Для этого бригаду прядильщиц во главе с бригадиром Зоей Ермиловой отправили на Арженскую суконную фабрику. Женщины пробыли там несколько месяцев, перенимая опыт ватерщиц. Затем прядильщицы вернулись на родное предприятие и стали работать на принципиально новом оборудовании.

В 1957 году началась коренная реконструкция фабрики. Старые цеха, построенные еще по дедовским технологиям, уже не могли отвечать современным требованиям, и решено было начать переделку цехов, причем, делалось это без остановки производств. Деревянные перекрытия производственных помещений необходимо было заменить на более современные и более прочные железобетонные. А как это сделать? Инженеры и строители решили установить прямо между машинами леса-подпорки для межэтажных перекрытий и разбирать деревянные перекрытия для того, чтобы вместо них установить железобетонные конструкции. Так было в прядильном, ткацком и подготовительных цехах. Многие рабочие фабрики вспоминали и вспоминают, как им приходилось бегать между этими временными подпорками почти под открытым небом и одновременно работать.

Через два года после начала реконструкции установили новую смесовую машину, первую не только в Мелекесском районе, но и в Ульяновской области. Это было огромное облегчение для рабочих, которые работали на старом оборудовании — руч-

ного труда не стало. Производилась плановая замена старых, и даже старинных, доставшихся еще от дедов, чесальных и прядильных машин.

До реконструкции был общий привод для нескольких машин, что причиняло не только большие неудобства, но и приводило к большим вынужденным простоям, ведь если что-то случалось на одной машине, приходилось останавливать сразу несколько. Теперь же каждая машина была оборудована отдельным электрическим мотором, что сказалось не только на производительности, но и на облегчении запуска машины. Производительность аппаратов возросла на сорок процентов, а прядильных машин — в два раза. В связи с тем, что на фабрике осваивалось все новое и более совершенное оборудование, появилась большая необходимость в обучении рабочих. Только в 1959 году на курсах совершенствования мастерства училось 380 человек.

В конце пятидесятых годов мулловская фабрика перешла на выпуск тканей с химическим волокном. Это были более прогрессивные, более изящные, более красивые и прочные ткани, которые пользовались большим спросом во всем мире. В 1958 году на фабрике вырабатывалось 33 процента таких тканей, а к 1964 году их выпуск достиг 95 процентов. В это же время осваивались новые виды тканей, кроме тех, что уже выпускались: детская обувная байка и двойной обувной драп. Теперь приходилось переучиваться и совершенствовать свои знания не только рабочим, но и мастерам и инженерам, потому что наряду с выпуском традиционных тканей появилась перспектива развития производства тканей с полиамидными волокнами.

В связи с этим вновь возникла необходимость экстренного обучения рабочих, которые еще не освоили передовые методы труда и потому, естественно, не выполняли свои производственные задания и нормы выработки. Как это сделать, ведь невозможно сразу всех рабочих усадить за ученические парты с ручками и тетрадками. Поэтому возник почин брать шефство над бригадами и группами рабочих, чтобы на своем примере и на своем опыте передавать знания и навыки, необходимые для работы на новом оборудовании и по новым технологиям. Первой такое шефство над отстающими взяла опытная ткачиха Валентина Михайловна Прокофьева. Руководство фабрики стало уговаривать и других опытных ткачих взять шефство над отстающими рабочими. Не все этим были довольны, ведь это была не просто дополнительная нагрузка, но и ответственность за своих подопечных.

— Зачем нам это нужно, нам свою норму вытягивать надо, а тут еще и за других отвечаешь, — говорили одни.

— Все, теперь и нас запрягут в эту лямку, — говорили другие.

Но постепенно почин начал работать, немалую роль в этом успехе сыграло стимулирование. Такие бригады стали давать своему предприятию так называемый вексель, то есть социалистическое обязательство. Вот один из таких примеров: "Коммунистический вексель бригады помощника мастера ворсовального цеха отделочного производства Мальцева Михаила Васильевича, выданный коллективу Мулловской суконной фабрики. Сознавая свой долг и свою ответственность перед Родиной за создание материально-технической базы коммунизма, обязуемся до конца 1964 года:

— обработать 378000 метров ткани, в том числе сверх плана 8000.

— получить сверхплановой экономии от снижения себестоимости 1965 рублей..." и так далее.

Фабрика развивалась и расширялась не только в поселке. В 1959 году в Никольском-на-Черемшане был открыт новый цех мулловской суконной фабрики. Он разместился в здании, где раньше была ремонтно-техническая станция. Еще в ноябре 1958 года сюда пришли строители и стали переоборудовать помещение под производственный цех. Установили новые ткацкие станки производства Германской Демократической Республики, которые вырабатывали искусственный мех. Тогда такой продукции в стране еще не выпускалось, и это первым доверили мулловским текстильщикам.

Для освоения нового, совершенно незнакомого оборудования и изучения еще неведомого для муллоуцев технологического процесса на учебу отправились ткачихи Н. Дьяконова, В. Рябчикова, Е. Полякова, помощники мастеров А. Козлов, П. Коршунов, А. Фокин, техник Е. Носова, инженер Л. Синяжников. На Щербаковском швейно-ткацком комбинате они изучали азы производства... плюша.

К концу 1960 года было установлено 19 станков. И вот первые удары батанов, первые неудачи и разочарования. Оказалось, что на сверхчувствительных и новотехнологических станках не может никто работать. Ткачихи плакали, потому что за смену они вырабатывали по несколько десятков сантиметров продукции. Да и о какой производительности могла идти речь, когда постоянно ломались механизмы, вылетали челноки, ломались крючья для подвески ремизок и рвались нити.

Тогда текстильщики еще не догадывались, что дело не в “плохих” станках, а в низком качестве сырья, с которым приходилось им работать. Местные доки-мастера стали переделывать станки, убирая лишние, по их мнению, узлы и добавляя свои усовершенствования. Из-за излишней нагрузки крючья для подвески ремизок ломались, как спички. Тогда слесари стали изготавливать крючья из толстой проволоки. Дело понемногу пошло. От сантиметров ткачихи стали переходить к метрам, а затем к десяткам и сотням метров ткани.

Но качество меха было таким, что его стыдно было показать потребителям. Мех шел с махровыми краями, который приходилось выравнивать вручную ножницами. Да и сам мех получался очень непрочным, его можно было выдернуть пальцами без всяких усилий. Каждая ворсинка выдерживала весь всего лишь 52 граммов, когда лучшие меха имели крепость втрое большую. Начали искать средство для лучшего переплетения нитей, чтобы он стал более прочным. Для этого выделили отдельный станок, чтобы проводить на нем эксперименты. И только через два года удалось добиться желаемого результата — ворсинки нового меха стали выдерживать нагрузку в двести граммов, что намного превышало нагрузку эталонных мехов. И этот результат был достигнут не за счет новейших достижений, а за счет старого опыта. Просто кто-то вспомнил, как ткали их отцы и деды. Закрепление ворсинок стали делать через пропуск ворсовальной нити между двумя коренными нитями основы. Что ж, правы те, кто утверждает, что все новое — это хорошо забытое старое. К концу 1960 года цех выработал более ста тысяч метров искусственного меха, а в 1961 году — более 150 тысяч метров.

Продукция николевских меховщиков пошла на рынок. И скоро о ней заговорили не только в области, но и по всей стране. Швейные предприятия и объединения Риги, Таллина, Киева, Харькова, Ленинграда, Андижана, Кишинева, Уфы и Сыктывкара стали с руками отрывать меха Никольского филиала. На самом высшем уровне были утверждены первые образцы искусственного меха для детских и женских пальто.

Муллоуевская фабрика не только выдавала продукцию “на гора” и выполняла планы, но и повышала качество своей продукции. В 1965 году предприятие дало свыше 700 тысяч метров ткани на уровне мировых стандартов. А вообще за семилетку с 1959 по 1965 годы сверх плана было выработано 184 тысячи метров ткани, а производственные площади муллоуевской суконной фабрики увеличились на 12600 квадратных метров. С 1961 по 1965 годы было выпущено более 10 миллионов погонных метров ткани. Это был огромный успех. Из этого количества муллоуевской продукции можно было сшить около трех миллионов пальто и одеть такой огромный город, каким был в те годы Ленинград. И это смогла сделать только одна суконная фабрика!

Развивалась социальная и бытовая сфера фабрики. Еще в конце пятидесятых годов юго-западная окраина Муллоуевки, где находилась и сама фабрика, была пустырем, а в шестидесятом году здесь был построен первый двухэтажный двадцатиквартирный дом. К концу шестидесятых годов вырос целый микрорайон, который, по аналогии с московскими, назывался “муллоуевскими Черемушками”. К этому времени здесь стояли

уже девять кирпичных двухэтажных домов. И это были уже не просто коробки со стенами, окнами и дверями. В каждом доме был комплекс необходимых для проживания удобств: центральное отопление, газ, водопровод. Позднее была построена центральная канализация, оборудованы ваннные комнаты и туалеты.

Всего за десять лет мулловским текстильщикам государством было выделено 711 тысяч рублей на жилищное строительство. За эти годы было построено пятнадцать многоквартирных и частных домов общей площадью 5076 квадратных метров, а всего 188 квартир. Наконец-то фабричные рабочие, продолжатели дела своих предков, которые работали на Мельгунова, Трубецких, Агеевых и Бахтеевых, стали переселяться из бараков, кишасших клопами, в жилища с человеческими условиями. Надо отдать должное советскому правительству, которое обратило, наконец-то, внимание в те годы на жилищный вопрос.

Руководством фабрики выделяло большие средства на оздоровление, отдых и спортивные занятия. У фабрики уже имелся свой собственный стадион. При нем был построен большой спортивный зал общей площадью 612 квадратных метров, оборудованный раздевалками и душевыми. В нем круглогодично занимались волейболом, баскетболом, теннисом, тяжелой атлетикой, борьбой, гимнастикой и другими видами спорта. Фабрика не пожалела средств для приобретения необходимого спортивного оборудования и инвентаря. Фабрика содержала также команды футболистов и хоккеистов, которые регулярно участвовали в районных и областных соревнованиях, а также на первенство города Мелекесса.

Наиболее отличившимся и передовым рабочим предприятия по линии профсоюза выделялись путевки в санатории, курорты и дома отдыха. Работники отдыхали и поправляли свое здоровье на курортах и в санаториях Крыма, Сочи, Северного Кавказа, в Грузии, на Рижском взморье. Впервые советские люди, в том числе и некоторые работники мулловской фабрики, побывали за границей, в частности, в Германской Демократической Республике, в Польше, в Болгарии, в Венгрии.

Приезжая в родную Мулловку, они делились своими впечатлениями от этих поездок с родственниками, друзьями, с коллегами по работе, рассказывали не только о красотах, мягком и теплом европейском климате, но и о достатке, в котором живут их братья по социалистическому лагерю (слово-то какое придумали коммунисты — так и пахнет ГУЛАГом, фашистскими концлагерями и резервациями), о чистых, ухоженных, уютных и прекрасных городах и селах, о магазинах, заваленных такими товарами, которые им и не снились на родине. Рассказывали и часто спрашивали друзей и самих себя: а почему же мы живем так плохо, или мы меньше и хуже работаем?

Иногда таким путешественникам на сэкономленные деньги удавалось прикупить какую-нибудь заграничную вещицу, и тогда все соседи и знакомые сбегались посмотреть на невиданное заморское чудо. И иногда они с удивлением и изумлением вдруг восклицали:

— Смотрите, да ведь это же наша ткань!

И неудивительно, ведь мулловская фабрика часто представляла свою продукцию на выставках и ярмарках. Например, на московской ярмарке, в парке “Сокольники”, мулловцы представили большой обновленный ассортимент своей продукции. Тогда удалось продать 960 тысяч метров тканей предприятия: драп “Барс”, ткани “Муромец”, “Веснушка”, “Леснянка” и другие. Теперь уже не только за граница, но и ведущие предприятия страны просят поставлять ткани для пошива одежды. В 1968 году были заключены большие контракты на поставку тканей с самыми известными в Советском Союзе московскими фирмами “Вымпел” и “Пионер”, горьковскими фирмами “Маяк” и “Восход”, Ленинградскими фирмами “Большевичка” и “Ладога”, киевской фирмой “Украина”, с ташкентским домом моды и многими другими.

В 1969 году ткани мулловского предприятия уже экспонировались на Международных ярмарках в Тунисе и Польше, где они пользовались большим успехом и спросом.

В 1967 году суконная фабрика дала сверх плана уже 181,8 тонн пряжи, 67,7 тысяч метров суровья, 62,5 тысяч метров шерстяной ткани, 66,7 тысяч метров нетканых материалов. План по выпуску валовой продукции перевыполнен коллективом на три миллиона двести тысяч рублей, товарной продукции — на один миллион триста тысяч рублей. За год установлены и пущены в эксплуатацию двадцать два новых более совершенных и более производительных отечественных станка Т-250-Ш-1.

В те же годы в производство стала внедряться система научной организации труда — НОТ. Наряду с новыми принципами руководства и стимулирования обновлялась производственная база, совершенствовалась технология. В том же шестьдесят седьмом году был установлен и запущен в действие пятьдесят один новый станок, стригальные машины фирмы “Текстима” производства ГДР, грузоподъемные механизмы между этажами производственных корпусов, отчего отпала необходимость перевозки сырья и готовой продукции вручную. Были внедрены в производственный процесс также четыре автопитателя к щипально-замасливающим машинам, подключены три лабаза к пневматической линии. Но на фабрике оставалось еще 88 морально устаревших станков, которые предполагалось заменить в последующие годы.

1967 год мулловские текстильщики закончили вполне успешно. Фабрика дала стране 2 миллиона 766 тысяч метров готового товара, выработка на одного рабочего поднялась до 1280 метров ткани в год — это почти в сорок раз больше, чем вырабатывали крепостные фабричные рабочие Мельгунова и князя Трубецкого. Мулловские аналитики тех годов подсчитали, что продукцией фабрики, произведенной за год, можно было одеть большой город с населением 800-850 тысяч человек. По итогам Всесоюзного общественного смотра по культуре производства и улучшению условий труда 1968 года Мулловская суконная фабрика была признана лучшей в Советском Союзе.

Успехи фабрики в те годы впечатляли. Семилетний план 1959-1965 годов был выполнен на три месяца раньше срока, сверх плана выдали продукции на 7 миллионов 205 тысяч рублей. В 1966 году выпуск продукции мулловскими текстильщиками увеличился еще на 25,1 процента, а по товарной продукции в денежном выражении — на 38,4 процента, производительность труда увеличилась на 23 процента.

За 1966-1970 годы фабрика полностью обновила ассортимент своей продукции. Только за первый год из двадцати одного артикула тканей было разработано и пущено в производство двенадцать. В это же время происходит переход на работу с унифицированными смесями с применением химических волокон. Продолжалась и реконструкция производства — в 1967 году был полностью перестроен цех крашения волокон.

Со дня своего основания мулловская мануфактура пользовалась лишь собственной энергией для производства: сначала энергией человеческих мускулов, затем на помощь рабочим пришла энергия водяных колес, энергию воды сменила энергия пара, в конце концов, передовая технология заставила работать фабрику на электричестве, которое давала собственная теплоэлектростанция. Со строительством Волжской гидроэлектростанции появилась возможность централизованного энергоснабжения более дешевой и, главное, круглосуточной и надежной энергией.

По всему Поволжью уже тянулись линии электропередач, опутывая поля, степи и леса паутиной, даря людям тепло, свет и уют. Готовилась к этому событию и мулловская фабрика. Строилась высоковольтная подстанция 6 на 0,4 киловольта, устанавливались и прокладывались внутрипоселковые и внутризаводские линии электропередач, кабели и опоры, натягивались провода. Этого события ждала не только фабрика, но и весь поселок. На самом производстве расширялась котельная, где поставили два новых дополнительных котла, было заменено 60 единиц технологического оборудования: три

чесальных аппарата, 50 устаревших шуйских челночных станков заменили на заграничные и бесчелночные текстимовские. Старые ткацкие станки все больше вытеснялись жаккардовыми станками, многочелночными и более высокопроизводительными, обновлялось отделочное производство.

Вообще в шестидесятых годах в стране произошло много перемен. Прежде всего, с 1967 года государством были установлены так называемые государственные отпуска. На это время закрывались все предприятия страны, кроме тех, конечно, у которых был непрерывный цикл работы или которые обеспечивали повседневный спрос населения (пекарни, столовые, кафе, рестораны и т.д.). Как и по всей стране, мулловцы всем коллективом уходили на две недели в отпуск. На предприятии оставались лишь ремонтники, обслуживающий и дежурный персонал, строители, которые ремонтировали оборудование, охраняли или поддерживали фабрику в рабочем состоянии. Этот опыт взяли у зарубежных стран, но он в Советском Союзе надолго не прижился.

В шестидесятом году постановлением советского правительства по всей стране была введена пятидневная рабочая неделя с продолжительностью рабочего времени в 41 час. Это был действительно прогрессивный в социальном отношении шаг, ведь люди стали больше отдыхать, больше уделялось времени воспитанию детей, своим приусадебным участкам, что было немаловажно при вечном дефиците продуктов на рынке. По Мулловской фабрике приводились такие данные: после перевода предприятия на пятидневку увеличилась выработка на одного рабочего: если в 1959 году она составляла 11508 метров ткани, то в 1966 году уже 15586 метров.

Отмечалось, что после введения пятидневки вдвое сократились невыходы по болезни, уменьшились текучесть кадров и нарушения трудовой дисциплины. Неизвестно, насколько достоверными были эти данные, ведь для того чтобы отрапортовать “наверх” и представить положение дел на фабрике в наилучшем свете, руководство часто подтасовывало цифры показателей. И это происходило не только на мулловском предприятии, а по всей стране. Переход на пятидневку происходил постепенно, из года в год. Так, в 1967 году на фабрике на шестидневке работали 744 человека. В дальнейшем в течение года предполагалось и их перевести на пятидневную рабочую неделю.

С сентября 1967 года правительство сделало еще два подарка для народа: один хороший, другой плохой. С какого начнем? По традиции начнем с хорошей новости — на пять лет был снижен пенсионный возраст для работников, которые работали на производстве с тяжелыми и вредными условиями труда. Был определен перечень таких профессий, в который вошли и некоторые профессии, использующиеся на мулловской фабрике. Кроме того, правительством были повышены пенсии инвалидам Великой Отечественной войны, каковых трудилось на производстве много.

Второй “подарок”, который преподнесло народу правительство, было постановление об организации на всей территории страны сети так называемых лечебно-трудовых профилакториев. Вполне естественно, что это было сделано “пожеланиям и предложениям общественных организаций”. Что же это были за “профилактории”? В них проходили принудительное лечение пьяницы и алкоголики, которые не хотели добровольно отказываться от своей вредной привычки, такое “лечение” длилось от одного года до двух лет. Согласитесь, что это было странное “лечение”.

Конечно, благое дело — вылечить человека от алкоголизма, но разве для этого нужен годичный срок? По всей видимости, в советском руководстве еще живы были рецидивы ГУЛАГа, когда решением всех проблем считалось загнать человека за решетку и “лечить”, неважно от какого недуга: от алкоголизма, от инакомыслия или от мелкого воровства. А ЛТП представляли собой не что иное, как тюрьму, огороженную колючей проволокой, с военизированной охраной, с бараками и, конечно же, с врачами. Впрочем, такое лечение мало кому шло на пользу, выходя из “больницы”, в которой

они кроме всего прочего, еще и работали, “больные” снова начинали злоупотреблять алкоголем.

“РУПОР” ТЕКСТИЛЬЩИКОВ

Уже немногие из мулловцев, наверное, помнят, что на суконной фабрике выходила самая настоящая многотиражная газета под названием “Текстильщик” тиражом более тысячи экземпляров. Ее редактировал опытный журналист Михаил Петрович Оленин, с которым автору этой книги посчастливилось работать в Мелекесской районной газете “Знамя труда”.

Выход такого издания да еще с таким тиражом не мог быть санкционирован без разрешения высших партийных органов и правительства и приурочивался он, по всей видимости, к очередным политическим кампаниям в стране: к пятидесятилетию Советской власти и к столетию со дня рождения вождя мирового пролетариата В. И. Ленина. Не знаю, верен ли я в своих догадках, но газета просуществовала именно в диапазоне этих дат: с января 1967 по июнь 1970 года. Да и в передовой статье “К нашим читателям” ясно говорилось, что “Текстильщик” — орган партийного и фабричного комитетов и дирекции фабрики — начал выходить в знаменательное время — в дни всенародной подготовки к 50-летию Советской власти и 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Эти исторические события будут находить отражение в каждом номере газеты”.

Вне зависимости от конъюнктурных политических соображений газета “Текстильщик” стала настоящим рупором, всевидящим оком, организатором и вдохновителем всего коллектива мулловской суконной фабрики. Всего за эти годы вышел 181 номер, в которых освещалась вся многогранная жизнь суконщиков и всего рабочего поселка.

Задача была определенная и одна: использовать газету как трибуну в интересах дальнейшего развития производства, улучшения организации и культуры труда, преодоления имеющихся недостатков в деятельности всего предприятия, цехов, отделов и служб, в организации культурно-бытового обслуживания трудящихся. Но была у газеты и основная пропагандистская цель: “...поднимать на страницах газеты вопросы осуществления решений XXIII съезда КПСС и других важнейших решений Коммунистической партии по развитию социалистической промышленности и коммунистическому воспитанию трудящихся, широко пропагандировать опыт лучших производственников, достижения новаторов, всемерно способствовать развертыванию боевого социалистического соревнования за коммунистический труд”.

“Текстильщик” был органом печати парткома, фабричного комитета и дирекции Мулловской суконной фабрики. Иначе в те годы и быть не могло. И потому направленность и цели печатного органа определяли именно они. На совместных заседаниях партийного и фабричного комитетов утверждалась общественная редакционная коллегия, которая периодически обновлялась. Например, с первого номера газета в состав редколлегии входили сам редактор, заместитель редактора — инженер по рационализации В. Д. Мартынов, члены редколлегии: начальник приготовительного цеха А. Г. Дробжева, старший мастер ткацкого цеха Ю. В. Тропотов, сменный мастер отделочного цеха Б. Е. Семенов, мастер отделочного цеха И. А. Яшихин, прораб ОКСа В. Г. Кабишев, помощник мастера аппаратного цеха Д. П. Пузренков, ткачиха Р. Н. Карасева, главный экономист Р. А. Гемранов, слесарь Ю. В. Громов. Периодически состав редколлегии обновлялся.

Надо отметить, что многотиражка с первых номеров стала бойко и, я бы сказал, метко освещать многогранную жизнь не только фабричного коллектива, но и всего поселка. Наряду с чисто производственными темами в ней поднимались вопросы морали, нравственности, многообразие всей жизни человеческой общности. Вопросы качества, экономичности, производительности работ постоянно освещались на страницах газеты.

С этими темами часто выступали не только главные специалисты фабрики, но и рядовые рабочие: те же члены редколлегии, директор фабрики В. Висящев, инженер по технике безопасности и охране труда А. Гулицкий, начальник планового отдела А. Шелестова, начальник ПТО Е. Харитоновна, начальник отдела труда и зарплаты Л. Иванова, стригальщица З. Сухорукова, нормировщица А. Ионычева, дессинаторы Л. Аитова и В. Шатрова и многие другие.

Постепенно у газеты появилась своя рабкоровская сеть. На темы воспитания в школе выступали учительницы Л. Липатова и С. Васильева, о смотре народных талантов часто писала З. Ефремова, об учебе директор ШРМ А. Захаров, о работе фабричной библиотеки ее заведующая Е. Давыдова, о работе фабричного клуба и коллективах художественной самодеятельности художественный руководитель Н. Шворнев, о спорте Ю. Казанцев и И. Иванов.

Были в газете и критические материалы, правда, идеологически и политически выверенные. Под рубриками “колючие строки”, “пожалуйста на прочёс!” и другими критиковались нерадивые работники, пьяницы, прогульщики, нарушители трудовой дисциплины, “несуны”, бракоделы, лентяи и другие лица, ведущие неподобающий в обществе образ жизни. После такой критики газета постоянно возвращалась к напечатанному и сообщала обо всех принятых мерах по отношению к критикуемому. Газета совместно с основными специалистами отделов, органами народного контроля проводила рейды по выявлению недостатков в работе тех или иных подразделений фабрики.

Редакция проводила творческие конкурсы на лучший очерк, рассказ, зарисовку, репортаж, стихотворение или фотоснимок. При этом из фабричного фонда выделялись премии от пяти до двадцати пяти рублей, которыми поощрялись победители. Выпуск газеты — этой своеобразной стартовой площадки для творчества — побудил многих мулловцев к творчеству. На ее страницах появлялись портреты, фотоэтюды, пейзажи родных мест Ю. Громова, В. Гемранова, А. Захарова, В. Мартынова и других фотокорреспондентов, в газете печатались стихи и короткие басни Е. Ларина — одного из самых известных в настоящее время мелекесских литераторов, И. Никитина, В. Кузнецовой, школьницы О. Никольской, В. Федоровского и других местных поэтов.

На страницах “Текстильщика” публиковались исторические статьи, воспоминания старожилов фабрики и поселка, а также фронтовиков и участников революционных событий, то есть, велась своеобразная летопись фабрики и всего рабочего поселка. В эту летопись вошли рассказы ветерана трех войн А. Я. Сорокина, фронтовика А. Е. Казанцева, о стахановке Мулловской фабрики А. Ф. Хрустальной, воспоминания пенсионера, бывшего мастера Мулловской фабрики И. Горбачева, участника гражданской и Великой Отечественной войн Матвея Машенькина и многих многих других.

Общественные корреспонденты “Текстильщика” писали о повседневной жизни самого молодого “подразделения” фабрики — детского сада-яслей, о том, как живут ученики мулловских школ, которые находились под постоянным патронажем коллектива суконщиков, как дети отдыхают в фабричном пионерском лагере имени Марии Мусоровой во время летних каникул, как идут дела у крестьян мулловского совхоза, какие заботы и планы беспокоят поселковый совет Мулловки, о молодом пополнении фабричного коллектива.

Писалось, конечно, и о социалистическом соревновании, о трудовых вахтах, посвященных различным юбилейным датам в истории советского государства, о выполнении плана коллективом фабрики, о недочетах, недостатках и успехах, о жизни общественных организаций. Постоянно освещалась жизнь партийной, комсомольской организаций фабрики и фабричного комитета.

Но... юбилеи прошли, и газету “Текстильщик” прикрыли. Вот как об этом сообщалось в последнем 181 номере от 26 июня 1970 года на последней странице многотиражки самым мелким шрифтом нонпарель: “К сведению подписчиков. В связи с уп-

разднением с 1 июля многотиражной газеты “Текстильщик” подписную плату за второе полугодие подписчики могут получить у общественных распространителей печати в цехах”. Так был закрыт фабричный рупор. А жаль. Он мог бы еще о многом поведать потомкам тех, кто творил историю суконной фабрики и всего рабочего поселка.

Наряду с многотиражкой на Мулловской фабрике выпускалось и несколько стенных газет. В аппаратно-прядельном производстве выходила стенгазета “Веретено”, на ткацком производстве — “Челнок”, в отделочном цехе — “Отделочник”, в отделе технического контроля — “О качестве выпускаемой продукции”. Форма агитации и пропаганды, рожденная еще на заре советской власти, не имела никакого влияния на рабочих. По большей части выпускающиеся к знаменательным датам, с плакатами и рисунками, короткими “передовичками”, с поздравлялками к дням рождения или по случаю досрочного выполнения плана, они в большей степени только дискредитировали благие намерения партийной организации, которая заставляла мертворожденное дитя революции “воскресать” снова и снова. Да и как могли “боевые листки” с неумелыми рисунками и написанными от руки текстами конкурировать с многотиражным изданием, которое выпускалось на профессиональном уровне.

На страницах той же многотиражки работа стенгазет подвергалась разносторонней критике. Отмечались, что все стенгазеты выходят только по большим праздникам, что многие материалы не имеют никакого отношения к жизни коллектива, а представляют собой перепечатки из центральных изданий. Некоторые газеты вообще обходятся тем, что наклеивают на ватман плакаты и вырезки из журналов. Естественно, что в стенгазетах не могло быть и серьезных критических материалов, ведь те же редакторы работали рядом с теми, кого необходимо было критиковать или показывать в неприглядном виде. Одним словом, стенные газеты Мулловской фабрики жили лишь для того, чтобы ответственные партийные и профсоюзные работники могли поставить в своих отчетах “галочки” о выполнении поручений.

Х ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

На территории мулловских земель с древнейших времен обитали финно-угорские племена. Их история, когда они населяли Камский бассейн, отличается значительным своеобразием. Еще по сообщению Геродота, в этой части лесной полосы жили будины, тиссагеты (фиссагеты) и иирки. Он указывает, что главным их занятием была охота, доставлявшая не только пищу, но и меха для одежды. Особо Геродот отмечает конную охоту иирков с помощью собак. Однако наши края населяли не только эти племена. Так, Тацит описывал жизнь племен, которых он называл фенами (финнами).

Основным занятием финно-угорских племен было скотоводство и охота. Наряду с железными орудиями здесь еще очень долго применялись орудия из кости. Потомками окской и прикамской культуры можно назвать племена меря, мурома и мордву. Многие интересные черты быта финских племен были детально исследованы археологами. Например, железную руду они плавил в глиняных сосудах, стоявших посреди открытого костра. Лишь позже появились печи. Многочисленные изделия из бронзы и железа и качество их изготовления позволяют предполагать, что у финно-угорских племен был опыт превращения домашнего производства в ремесла, например литейное и кузнечное.

У жителей Прикамья инвентарь погребений указывает на наличие имущественного расслоения. Некоторые захоронения позволяют предположить, что появилась неполноправная категория населения, возможно, рабы из числа военнопленных. О положении племенной аристократии свидетельствует один из ярких памятников Ананьинского могильника, обнаруженного близ города Елабуги — надгробие из камня с рельефным изображением воина, вооруженного кинжалом, боевым молотом и украшенного гривной. Богатый инвентарь в могиле под этой плитой содержал тот же самый кинжал,

молот и серебряную гривну. Погребенный воин был, несомненно, одним из родовых вождей.

Жизнь финно-угорских племен была связана со скифскими и сарматскими племенными союзами. Об этом свидетельствуют не только вещественные, но и письменные источники. Так, по сведениям того же Геродота, соседние со скифами племена принимали участие в отражении нашествия войск персидского царя Дария еще в 512 году до новой эры.

На территории Самарской Луки наряду с финно-угорскими племенами жили кочевые племена савроматов или сарматов. Савроматы были очень воинственны: им удалось победить скифов, после чего они вытеснили их и заняли скифские земли. Особенностью общественного строя савроматов было почетное положение женщин. Они были вооружены, участвовали в военных походах наравне с мужчинами, а также были жрицами. В Самарской области близ села Гвардейцы было найдено погребение сарматской женщины, в котором наряду с бусами и глиняным пряслицем от веретена нашли железный кинжал и наконечники стрел.

Это же подтверждают и древние письменные источники. Геродот приводит древнее сказание о происхождении савроматов от мифических амазонок, вступивших в браки со скифским юношами. Этим он объясняет обычай савроматских женщин ездить верхом, носить мужскую одежду и участвовать в войнах. Уже упоминавшийся автор приписываемого Гиппократу медицинского трактата пишет, что савроматки "... сохраняют свои старинные обычаи: вместе с мужьями и даже без них верхом выезжают на охоту, выступают в поход и носят одинаковую одежду с мужчинами.

Савроматы говорят по-скифски, но исстари неправильно. Что касается брачных обычаев, то вот они какие: девушка не выходит замуж, пока не убьет врага. Некоторые умирают старухами, так и не выйдя замуж, потому что не в состоянии выполнить обычай..."

А греческий историк четвертого века до новой эры Эфор прибавляет к этому, что савроматские мужчины "повинуются во всем своим женам, как госпожам". Это прочно вошедшее в античную этнографическую традицию представление об особой роли женщины у савроматов, несомненно, имеет под собой реальную почву.

ХРАМ НАРОДНОЙ ПАМЯТИ

Да, появился такой на Мулловской фабрике в преддверии перестроечных времен. Человеческая память зыбка и ненадежна, проходят годы, десятилетия, и "ластик" времени постепенно стирает из памяти события, людей, судьбы, целые поколения и эры. В 1984 году фабричное начальство вдруг вспомнило, что грядет 200-летие со дня образования предприятия и надо как-то это событие "увековечить". Но как? И тогда решили создать при фабрике музей. Мысль хорошая, но как это осуществить, и под силу ли это сделать за короткое время, ведь некоторые музеи создаются если не веками, то десятилетиями трудами многих подвижников. Да и где взять такого подвижника в небольшом, по меркам России, поселке.

Директору фабрики Георгию Геннадиевичу Висящеву подсказали, что есть такой увлеченный, добросовестный человек — это бывшая учительница местной школы Касимова Зоя Михайловна. После нескольких бесед с директором Зоя Михайловна дала согласие возглавить это благородное дело с условием, что фабрика выделит для нового музея помещение, рабочих для его устройства и будет помогать материально.

Весть о создании музея быстро облетела весь поселок, люди стали приносить в старое двухэтажное деревянное здание различные вещи, предметы старины и, самое главное и ценное, документы, рассказывающие о людских судьбах. Зоя Михайловна до сих пор с волнением вспоминает, как однажды к ней пришла пожилая женщина и сказала:

— Я принесла вам самое дорогое, что у меня есть. Боюсь — умру, и оно пропадет.

И протянула пожелтевший и истертый от многочисленных прикосновений бумажный треугольничек, оказавшийся письмом с фронта.

— Надо ли это вам, может, и не надо? — с сомнением спросила женщина. И, когда Зоя Михайловна ответила, что это бесценный документ истории и что он очень нужен музею, женщина расплакалась, расцеловала родной треугольничек со всех сторон, связывающий ее с дорогим и давно ушедшим человеком многие десятилетия, и ушла.

Особая история произошла с уточнением списка призванных на фронт и погибших мулловцев во время Великой Отечественной войны. Уж слишком большие сомнения вызывали официальные данные. Но где уточнить эти данные? Только в военкомате. Там перед Зоей Михайловной выложили гору так называемых амбарных книг за период с 22 июня по май 1945 года, в которых были записаны имена всех мобилизованных с Мелекесского района, и сказали:

— Вот, ищите здесь своих земляков.

С Зоей Михайловной приехали несколько девочек старшекласниц и трое старожилов Мулловки — Карасева Анна Павловна, Карасев Николай Федорович и Казакова Надежда Дмитриевна, которые хорошо знали и помнили своих односельчан. Принялись за нелегкую работу. Девочки читали фамилии, имена и отчества призывников, их год рождения и их точный адрес, а старики вспоминали всех своих односельчан и говорили, мулловец это или нет.

Первый десяток страниц был исписан четким и понятным почерком, а потом пошла полная неразбериха: где-то не указывали год рождения, а где-то не было и адреса. Это были книги за июнь, июль и август сорок первого года — самые горячие месяцы войны. Все это объяснялось сильной спешкой, потому что мобилизованных было очень много. По воспоминаниям старожилов, в мелекесский военкомат на повозках, на телегах, на лошадях съезжалось огромное количество народу, которое ночевало во дворе и на улице.

Эта тяжелая работа продолжалась две недели. Каждый день Зоя Михайловна и ее добровольные помощники приезжали в военкомат и проверяли списки солдат. И выяснилось, что с одной только Мулловки было призвано за годы войны 1200 человек, погибло 750 человек, хотя на памятнике в честь погибших, установленном в поселке, написаны имена лишь 136 фронтовиков.

Постепенно музей обрастал экспозициями, сюда потянулись люди, почти каждый день приходили школьники, чтобы познакомиться с историей родного края и Мулловской суконной фабрики. Надо ли говорить, что вновь созданный музей стал не только центром истории в поселке, но и центром патриотического воспитания. Здесь происходили посвящение молодых рабочих, только что вступающих на трудовой путь, здесь принимали в пионеры и в комсомол, отмечались все памятные даты, на базе музея проводились районные семинары по различным тематикам.

Всего в музее было четыре зала. В одном из них экспонировалось все, что было связано с историей возникновения самого поселка и первой мануфактуры. Здесь размещались копии документов из Московского Государственного архива древних актов, из Ленинградского и Самарских архивов. Во втором помещении располагалась комната боевой славы, в которой рассказывалось о событиях русских революций, Великой Отечественной и афганской войн. Здесь же размещались стенды, посвященные восстановлению народного хозяйства после войны и борьбе за мир. Третий зал был полностью посвящен современной жизни мулловского производства, на стендах висели портреты передовиков и самых знатных людей фабрики, лежали образцы продукции, которые выпускало предприятие. Четвертый зал посвящался самым знаменитым людям поселка

и Мулловской фабрики. Отдельно были размещены подарки, врученные Мулловской фабрике Министерством текстильной промышленности, делегациями союзных республик, областных и районных предприятий и общественных организаций к 200 -летию фабрики.

Но в один злосчастный день 1992 года было объявлено, что фабрика не в состоянии содержать социальную и культурную сферу, и музей подлежит закрытию. С тяжелым сердцем Зоя Михайловна сдавала по описи каждую бесценную бумагу и фотографию, бумажные ассигнации царских времен, каждую вещь времен Степана Разина и Емельяна Пугачева, которые находили и приносили мулловские школьники, каждый экспонат, относящийся к истории мулловского края. К зданию подкатила тракторная тележка, и все то, что собиралось многими годами и десятилетиями, полетело из открытых окон в эту тележку. Бесценные документы, вещи, хранящие память многих поколений, все это было свезено в бомбоубежище и свалено в кучу.

Что-то из фабричного музейного фонда передали в школьные музеи поселка, что-то увезли в Димитровградский городской музей, самое ценное — ковры, подарки — прибрало к рукам фабричное начальство, что-то было распродано. Остальное лежало в сыром бомбоубежище, сваленное в кучу. Чтобы спасти музей от уничтожения, Зоя Михайловна Касимова обращалась в районный отдел культуры, в поселковый совет с просьбой принять его на свой баланс, но все было тщетно. Пока начальство в течение многих лет думало, куда определить “этот исторический хлам”, все, что находилось в бомбоубежище, — старинные вещи, документы, книги, вся народная память и мудрость — оказались безнадежно испорченными. Рабочие, которые бывали в бомбоубежище, со слезами на глазах смотрели, как в воде плавают дорогие их сердцу фотографии и документы, которые они когда-то пожертвовали на народный музей.

Ничего не удалось сохранить, выловить в мутной и зловонной воде начальственного разгильдяйства, черствости и безразличия, самые ценные документы и вещи были безвозвратно утрачены.

История не терпит не только суеты, но и пустоты, она не спрашивает ни начальников-головотяпов, ни самого черта, быть ей или не быть, она течет, как текут реки, как течет время, как круговращается солнце. Фабрику уже не интересовали ни музей, ни библиотека, до них ли, когда все ломается, переворачивается вверх дном, и не поймешь теперь, где дно, а где крышка.

Через какое-то время уже руководители поселковой администрации вспомнили, что грядет новый юбилей — 60-летие Великой Победы над фашистскими захватчиками. И снова Зоя Михайловна Касимова стала востребованной — ей предложили создать при клубе новый музей, где основной экспозицией стал бы подвиг мулловцев в Великой Отечественной войне. И она, как истинный патриот поселка и как ревнитель его истории, снова берется за дело. И снова в музей потянулись люди, их зовет сюда память. Рассматривая экспонаты музея, его посетители отмягчаются сердцами и переносятся в дни своей юности, в дни истории, когда жили их отцы, деды и прадеды, и на прощание говорят хранительнице мулловской истории:

— Большое спасибо, Зоя Михайловна, здесь мы словно снова проживаем свою жизнь.

И это верно, потому что жизнь каждого человека, каждого предприятия, каждого поселка — это и есть тот самый кусочек Истории человечества.

ПОСЛЕДНИЕ СОВЕТСКИЕ ПЯТИЛЕТКИ

Советские пятилетки летели над страной, словно косяки перелетных птиц. И неважно, куда они летели — в теплые или холодные края, в стране уже мало что менялось. Конечно, красиво смотреть в небо и любоваться плавным перемещением птичьих косяков на фоне голубого безоблачного неба, но уж такова природа, что она постоянно

должна меняться. Но в огромной стране с гордым названием СССР уже ничего не менялось, наступали времена, названные политиками и экономистами “застоем”.

Да, казалось бы, все больше и больше строили жилья, а миллионы людей десятилетиями ютились в бараках послевоенной поры; все больше и больше производили продуктов растениеводства и животноводства, а стали получать их по талонам; все больше и больше производилось промышленной продукции, а в магазинах выбрать было нечего; на Запад перекачивали огромные объемы нефти и газа, а внутри страны был их дефицит.

За полтора десятилетия, в семидесятых и первой половине восьмидесятых годов, за счет нефти и газа были получены огромные прибыли — около пятисот миллиардов долларов, но их зарывали в долгострой и тратили на покупку продовольствия и промышленных товаров за границей. Помощь братским странам дошла до такой несуразности, что самим нечего было есть и нечего одеть. В экономике и в политике повяло затхлостью и безразличием, и простые люди огромной страны ощущали это с каждым днем все больше и больше.

Этот общий обзор положения в стране я делаю не для того, чтобы выставить себя в глазах читателя умным и политически подкованным, а единственно для того, чтобы показать, в каких условиях жили и работали жители Мулловки и главного ее предприятия — суконной фабрики.

Предприятие старалось жить полнокровной жизнью, независимо от того, что происходило “в верхах” — уж так устроен любой созидатель, в том числе и рабочий человек, что он не может останавливаться на достигнутом, он старается сделать больше, лучше и дешевле. Фабрика строила для своих рабочих новые дома — в 1971 году возвели и пустили в эксплуатацию два двадцатиквартирных дома, на следующий год подвели природный газ к фабричной котельной, еще через год построили очистные сооружения и построили новую баню. С 1971 по 1975 годы построили 2000 квадратных метров жилья. В следующей пятилетке, с 1976 по 1980 годы, построили жилья еще 2750 квадратных метров, детский садик на 240 мест, еще одну баню, газифицировали около тысячи квартир.

Строились новые мощности, обновлялось оборудование, улучшались условия труда. На фабрике работало 19 инженеров и 124 техника, более пятисот человек на предприятии имели среднее образование — это был большой человеческий капитал. В эти годы вместо старых станков устанавливаются новые, более совершенные бесчелночные станки СТБ-216, которые могли давать продукции за то же время в два раза больше. Внедряются в производство и два опытных чесальных аппарата, изготовленных в Польше. Как и всегда, эти “нежные” заграничные станки не подходили к местным условиям производства, и потому они в течение долгого времени переделывались и “усовершенствовались” фабричными мастерами.

За пять лет было установлено 141 единица более современного и технологичного оборудования, в 1978 году освоили еще 13 единиц оборудования и модернизировали 110 ткацких аппаратов и 8 чесальных машин. При этом рационализаторы фабрики работали без устали, потому что новейшее заграничное оборудование, не адаптированное для работы на местном сырье, и отечественное, сделанное по методу тып-ляп, всегда требовало переделок и усовершенствований. В семидесятые годы было механизировано более тридцати участков, где еще применялся ручной труд, и уровень механизации достиг 85 процентов, внедрено около 170 единиц нового оборудования. Начинает внедряться и более совершенная технология карбонизации шерсти для удаления из нее растительных примесей.

Мулловские ткани знали по всей стране: от Южно-Сахалинска до Львова и от Мурманска до Ташкента. И не только — например, ткань “Леопард” побывала на Международной выставке в Монреале и имела большой успех. В начале семидесятых годов

из сорока семи предприятий 2-ой Главшерсти только на Мулловской суконной фабрике выпускалась фасонная шерсть высшего качества, здесь же впервые стали выпускать профилированный капрон. Нарядные, пушистые одеяла мулловцев на высшем государственном уровне были отмечены высшей наградой — Знаком качества.

Например, детские ткани “Лесенка”, “Аленушка”, “Енисей” и другие пользовались огромным спросом, их хотели приобрести самые известные и передовые швейные фабрики страны. Так, ткани “Аленушка” производилось в год 430000 метров. В 1972 году мулловская фабрика выпустила более 800 тысяч метров жаккардовых одеял, которые не залеживались на складах. Причем, они были не однотонными, “солдатскими”, а разнообразных и ярких расцветок. За первое пятилетие семидесятых годов ассортимент продукции обновился в три раза, мулловскими дессинаторами было разработано 65 новых рисунков и расцветок для своей продукции. Объем реализации продукции по сравнению с предыдущим пятилетием возрос на 47 процентов, а производительность труда увеличилась, по официальным данным, на 63 процента.

Ассортимент выпускаемой в Мулловке продукции обновлялся постоянно в связи с пожеланиями заказчиков и спросом покупателей. Через три года он обновился более чем на тридцать процентов. Новый многоцветный драп “Лира” из чистой шерсти для женского пальто, молодежные ткани “Росинка” и “Молодость” были представлены на самом высшем уровне — на Межреспубликанской ярмарке, проходившей в Москве.

Вообще, знакомясь с документами и читая периодические издания тех лет, создается ощущение, что живого человека, повседневную жизнь заслоняли цифры и сводки показателей. Цифры, цифры, цифры и... иногда люди, стоящие за ними. В начале семидесятых передовиками производства на мулловской суконной фабрике признавались Н. Ненилина, В. Задкова, А. Саранская, Т. Пшеничникова, А. Казакова, Н. Хайруллина и многие другие. Они отмечались денежными премиями и правительственными наградами, в качестве поощрения за добросовестный труд им выделялись путевки в дома отдыха, санатории, туристические путевки в лучшие места отдыха Советского Союза и социалистических стран.

Их становится все больше, этих неутомимых и работающих тружениц. На ткацком производстве в 1973 году работают 60 трехстаночниц. Передовая ткачиха Анна Михайловна Прокофьева работает на четырех станках и берет обязательство выполнить к 5 декабря 1980 года два пятилетних плана, дать 137600 метров ткани и из этого количества 99 процентов первым сортом. Подумать только — за пять лет одна ткачиха произвела около ста тридцати восьми тысяч метров ткани!

Большинство ткачих работают на двух, трех и четырех станках, а рабочих все равно не хватает. Сразу зададимся вопросом: а почему? А вот почему: при такой интенсивности труда рабочие получали несоразмерно низкую заработную плату, в цехах были плохие условия труда, не было стимулирования — из года в год расценки на единицу продукции снижались. Так за что же было ткачихам “упираться”?

Поэтому не удивительно, что Мулловская суконная фабрика, одна из старейших и высокомеханизированных фабрик в Поволжье, начала, что называется, “сдавать”. В 1977 году предприятие впервые за многие годы не выполнило план по выпуску шерстяных тканей и по реализации продукции, меньше произвела и пряжи. То же самое случилось и на следующий год — план был выполнен лишь на 89 процентов, фабрика недодала продукции на 13 миллионов рублей, реализация ее составила лишь 92 процента, а в декабре 1978 года и вовсе 62 процента. В 1979 году эта тенденция продолжилась — не был выполнен план по реализации продукции. Причин спада производства было много, как внешних, так и внутренних, внутрифабричных, но главная была одна — люди УЖЕ НЕ ВЕРИЛИ В УЛУЧШЕНИЕ СВОЕЙ ЖИЗНИ.

Итак, к 1979 году фабрика имела цех крашения и карбонизации волокна, подготовительное, аппаратно-прядельное, ткацкое и отделочное производства. Кроме основ-

ных производств были построены объекты инженерного обеспечения: котельная с четырьмя котлами на жидком и газовом топливе, мазутное и складское хозяйства, комплекс артезианских скважин, канализационные очистные сооружения, трансформаторная подстанция 110/10 киловольт и ремонтные службы.

Но в том же 1979 году Советом Министров СССР было принято решение о реконструкции и расширении Мулловской суконной фабрики. В дальнейшем это очень помогло предприятию во времена перестройки, потому что существенно обновляло и расширяло производство на основе более передовых технологий. Вся реконструкция была осуществлена с 1984 по 1988 год. После нее фабрика сильно преобразилась. Теперь она имела территорию в ограде площадью 177500 квадратных метров, площадь застройки составляла более 50000 квадратных метров; автодорог, площадок и тротуаров с твердым покрытием увеличили до 23700 квадратных метров. Плотность застройки составляла 28 процентов, озеленение — 14 процентов, а соотношение полезного использования территории составлял примерно половину.

Здания и сооружения внутри промплощадки были размещены с учетом максимальной блокировки и технологических взаимосвязей, более рационального использования грузопотоков и удобства для рабочих. Были соблюдены все правила по противопожарным и санитарным разрывам. До промплощадки была подведена автомобильная дорога с твердым, асфальтовым покрытием. Кроме того, на ближайшей к Мулловке железнодорожной станции города Димитровграда имелся собственный фабричный прирельсовый склад.

В процессе расширения и реконструкции фабрика получила наиболее прогрессивное и технологичное на то время оборудование, с механизацией и поточностью. Двухэтажный ткацко-отделочный корпус имел общую площадь более 25 тысяч квадратных метров, который оснастили тростильными машинами ТВ-150, крутильными машинами КМ-83-ИТМ, РС-31П, мотальными машинами ТВ-150, ткацкими станками СТБ-2-16, СТБ-220М и “Акустик-223”, промывными жгутовыми машинами МПЖ-Ш2, линией из четырех промывных машин врасправку МП-180-Ш, валяльно-фулеровочными машинами СВФ-500-Ш, игловорсовальными машинами ИВ-24-180М, шишечно-ворсовальными машинами ВШЗ-180-Ш, ворсовально-стригальными агрегатами ВСА-18С, стригальными машинами СГ2-180-Ш. А также сушильными машинами, красильными барками, поточной линией чистки, стрижки и прессования тканей, декартиром непрерывного действия ДЗН-220-Ш.

Был введен в строй участок централизованного приготовления и автоматизированной транспортировки растворов химматериалов к месту применения. Транспортировка пряжи из склада в ткацко-отделочный корпус также производилась цепным конвейером по транспортной галерее. Ткацко-отделочный корпус оснастили системой спринклерного (автоматического) пожаротушения, кондиционированием воздуха и автоматизированной системой пылеуборки.

Кроме чисто производственного комплекса на фабрике был построен административно-бытовой корпус. В нем размещались административные помещения, гардеробы, душевые, столовая, счетно-вычислительный центр, автоматическая телефонная станция на 300 номеров, здравпункт, кондиционеры и вентиляционные камеры. Общая площадь четырехэтажного корпуса вместе с подвалом составляла 4587 квадратных метров. Для удобства и более оперативного взаимодействия с основным производством административно-бытовое здание было соединено с ткацко-отделочным корпусом закрытым переходом.

Для того чтобы полнее представить размах реконструкции и расширения Мулловской суконной фабрики в восьмидесятых годах, расскажем и о вспомогательном производстве. Итак, были введены в строй: вспомогательный блок с компрессорной станцией и складом сырья площадью 2294 кв. м.; блок водоподготовки и предвари-

тельной очистки стоков площадью 4461 кв. м.; пристрой к котельной с двумя котлами ДЕ-16 на газовом и жидком топливе с деаэратором, бойлерами, блоком химводоочистки и умягчения воды; дымовая труба диаметром 3,6 метра и высотой 45 метров; шламовые площадки; резервуар-усреднитель для предварительной очистки производственных и фекальных стоков; резервуар запаса пенообразователя; склад уксусной кислоты и соды; насосная станция промывных вод; водонапорная башня для промывной воды диаметром около пяти метров и высотой 12 метров; резервуары умягченной и осветленной воды; насосная станция первичного подъема производственного водозабора с тремя насосами и оголовки забора прудовой воды; трансформаторная подстанция с двумя трансформаторами и водонапорная башня высотой 27 метров с ёмкостью резервуара 300 кубических метров.

Вот с таким производственным арсеналом Мулловская суконная фабрика встретила новое время, получившее название перестройки.

XI ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

А жажда познаний и интереса к родной земле ведет нас все дальше, в глубь веков и тысячелетий. Кто же жил на мулловской земле до болгар, хазар и савроматов? Если судить по схематической карте расселения государств и племен, то как раз по левому берегу древнего Черемшана во втором тысячелетии до новой эры соприкасались земледельческие, так называемые “андроновские” и “срубные”, племена. Что это за племена и откуда они взялись?

Эти племена жили в бронзовом веке. Население Среднего Поволжья уже научилось получать бронзу — сплав меди и олова — и изготавливать из нее более твердые и потому более прочные орудия труда. Основными занятиями этих племен было скотоводство и земледелие. Они селились преимущественно по берегам малых и средних рек, таких как Черемшан, Утка, Аврала, Калмаюр, Тимерсянка и других.

Эти племена оставили после себя очень большой след. Например, в Чердаклинском, Мелекесском, Старомайском, Ульяновском и Цильнинском районах расположено очень много одиночных и расположенных группами курганов — земляных насыпей, которые до сих пор раскапывают археологи, чтобы изучить быт и образ жизни наших древних предков. Хотя нет в области такого уголка, где бы не встречались курганы. Известно также много поселений этого исторического периода, расположенных, что вполне естественно, вблизи самих курганов.

“Срубными” эти племена археологи назвали от обряда захоронений покойников. Сначала на месте погребения в могилах возводили деревянные срубы, затем покрывали бревенчатым накатом, клали туда умерших в скорченном на боку положении, ставили и клали рядом с ними глиняные сосуды, медные и бронзовые ножи, шилья, костяные застежки и другие предметы, а потом на месте погребения насыпали земляной курган. Например, в Утевском могильнике недалеко от села Покровка в Самарской области были найдены также тесла, топор, стилетообразный предмет, изготовленный из меди и метеоритного железа, и золотые серьги.

По предположениям некоторых ученых, срубные племена на территории Среднего Поволжья появились путем проникновения в эти места ираноязычных племен из степей Нижнего Поволжья и Причерноморья. Так как они были скотоводами и кочевниками, то в поисках новых пастбищ довольно быстро освоили левобережную от Днепра часть Украины, а затем и наши места. На территории нашей области эти племена оставили очень много поселений, курганных могильников и кладов. К наиболее ранним памятникам этой культуры относятся ряд селищ на Свяяге: у торфболота, Вырыпаевки, Белого Ключа, Абрамовки, Кувшиновки, Крестового Городища, Зеленовки у реки Утки, а также курганы у Ишеевки, Елхового Куста и в других местах. Даже из окна автобуса или автомобиля, если вы путешествуете по нашим дорогам, там и сям можно

видеть возвышающиеся над землей насыпи. Это и есть курганы, в которых древние племена хоронили своих умерших.

Жили люди бронзового века в землянках и полуземлянках. Покрывались они двускатной крышей, опирающейся на массивные столбы. Стены над землей тоже рубились из бревен. Внутри каждого жилища жили, как правило, несколько родственных семей. Судя по плоскодонным глиняным сосудам, которые можно было ставить на поверхность, в таких жилищах были уже очаги. Одеждой человеку срубной культуры служили шкуры диких и домашних животных, а основным материалом для орудий труда и оружия — главным образом дерево, кремень и кости животных. Затем появились медь и бронза.

Где же они брали металлы? Сначала они выменивали его у родственных андроновских племен с Урала, а потом научились плавить сами из медистых песчаников с залежей по Каме и Средней Волге. Бронзовые изделия не могли сразу вытеснить изделия из камня, кости и дерева, так как добыча и выработка бронзы — очень сложный процесс, именно поэтому она шла главным образом на изготовление мелких предметов: шильев, игл, ножей, наконечников стрел, рыболовных крючков и украшений.

Став обитателями нашего края, племена срубной культуры (как они называли сами себя, мы, конечно, не знаем) не только влияли на местные исконные племена, но и сами ассимилировались с ними, впитывая в свой образ жизни их культуру и хозяйственный уклад. Местные племена, далекие предки нынешних народов нашего края — мордва, марийцы, чуваша и другие, которые занимались в основном охотой и рыболовством, стали перенимать хлебопашество и скотоводство. Сами срубники ощущали влияние культуры местных племен и приходивших с юга и востока других племен. Этот сложный многовековой процесс никогда не прекращался и продолжается и в наше время.

О племенах своеобразной срубной культуры, которые оставили на территории нашего края величественные и загадочные курганы, в своих стихах поэт А. К. Толстой писал:

В степи, на равнине открытой,
Курган одинокий стоит.
Под ним богатырь знаменитый
В минувшие веки зарыт.

Как загадочна, притягательна и поэтична история! Не правда ли?

ДЕЛА ПЕРЕСТРОЕЧНЫЕ

Крутые перемены, происходившие в стране в связи с горбачевской перестройкой во второй половине восьмидесятых и в начале девяностых годов двадцатого века, сильно ударили по фабрике. Поворот на скользкой, еще ненаезженной дороге от социалистического пути к реставрации капиталистических отношений в стране, был настолько крутым и непредсказуемым, что предприятие оказалось в “кювете”. Этот поворот в политическом, экономическом и социальном отношении напоминал точь в точь времена социалистической революции в России семнадцатого года двадцатого века.

Разница заключалась лишь в том, что в начале века взбунтовавшиеся бедные рабы отнимали собственность у заживевших хозяев, а в конце столетия обобществленную собственность пытался разделить и прибрать к рукам нарождающийся класс “новых русских” хозяев. Они были до того нахрапистыми и наглыми, что не останавливались ни перед чем при распределении лежащей у ног “ничейной” собственности.

До начала девяностых годов фабрика, как и вся страна, работала и “плыла” по широкой реке социализма за счет инерции и течения. Были заказы, поставка сырья, деньги из бюджета, и все крутилось, вертелось. Проводилась большая реконструкция, в

1987 году ввели в строй действующих новый ткацко-отделочный и вспомогательные корпуса, а также блок водоподготовки. Еще в чести были рабочие, которые создавали все богатства страны. По итогам пятилетия в 1986 году были награждены: орденом “Трудовой Славы III степени” оператор ворсовального оборудования Мария Александровна Жилина и прессовщица ткани Валентина Васильевна Левашева, орденом “Знак Почета” — главный инженер Василий Николаевич Гутников.

Но все вмиг изменилось с началом в стране всеобщей приватизации. Людям выдавали напечатанные листочки с незнакомым и странным для советских людей названием ваучер, на который, якобы, через несколько лет каждый его обладатель мог купить по два автомобиля “Волга” — самой “крутой” легковой машины на всем советском пространстве. Люди, неподготовленные к таким переменам, не знали, что делать с этими странными ваучерами. Самые предприимчивые стали создавать многочисленные фонды, скупать ваучеры у населения и покупать акции предприятий. По всей стране ходили люди с плакатами на груди, на которых было написано “куплю ваучер”. Ничего не понимающие простые люди вместо того, чтобы ждать счастливого будущего в виде двух “Волг”, отдавали свою “долю богатства” проходимцам за бутылку водки, которая, по случаю очередной антиалкогольной кампанией стала не менее дефицитной, чем те же “Волги”.

В стране наступил хаос и, как сказали бы наши предки, “безвременье и лихолетье”. Останавливались фабрики и заводы, опустели магазины, и вся продукция и торговля переместились на рынки и стихийные базары, с невероятной скоростью росли преступность и безработица, стали открываться забытые со времен НЭПа биржи труда, куда годами “не зарастала народная тропа”, разрушились все старые связи между предприятиями, которые создавались десятилетиями.

Те же беды переживали и мулловские текстильщики. Дичайшая инфляция “съедала” всю прибыль от реализации продукции, прекратились все централизованные госпоставки, начиная от сырья и оборудования и кончая гвоздем, рушились старые связи. Цены, почти ежедневно “встававшие на дыбы”, как бешенные скаковые лошади, порождали гиперинфляцию. Если сегодня моток пряжи мог стоить пять рублей, то никого уже не удивляло, что завтра он мог подорожать вдвое, а то и втрое.

Из-за разрушенных связей с поставщиками и дефицита сырья Мулловская фабрика стала сокращать производство, рабочие увольнялись с предприятия, чтобы искать более доходные места, а оставшиеся месяцами не получали зарплату. Если в 1990 году фабрика выработала 2841 тысяч погонных метров готового товара, то через пять лет производство упало почти в шесть раз — до 496 тысяч погонных метров готового товара. При отсутствии собственной сырьевой базы и постоянных поставщиков сырья с 1990 года фабрика начинает работать на так называемом давальческом и покупном сырье.

В 1993 году было решено преобразовать предприятие в акционерное общество открытого типа. Но лишь в 1997-1998 годах была проведена закрытая подписка на акции и распределение привилегированных акций предприятия, а еще через год провели первое собрание акционеров, на котором были приняты устав и другие необходимые документы общества. Девятого сентября 1999 года Открытое Акционерное общество “Мулловская суконная фабрика” было зарегистрировано решением № 268 администрации Мелекесского района Ульяновской области. Учредителями Общества объявлялись граждане Российской Федерации, а вид собственности — смешанным российским. Генеральным директором новообразованного общества был избран Гемранов Владимир Рафаэлевич, со сроком полномочий с 31 мая 1999 года по 1 июня 2004 года.

Уставной капитал предприятия был разделен так: 44,1 процента акций находились в Комитете управления государственным имуществом Ульяновской области, 4,4 процента акций принадлежали работникам Акционерного Общества, 15,9 процента

акций отдавались “иным юридическим лицам”, а 35,6 процента акций — “иным физическим лицам”. Уставной и добавочный капитал составлял 85 миллионов 299 тысяч рублей, балансовая (первоначальная) стоимость основных фондов — 118 миллионов 622 тысячи рублей. При этом процент износа основных фондов был определен в 25 процентов, а стоимость оборотных средств — в 10 миллионов 311 тысяч рублей. Проектная мощность предприятия оценивалась в 2 миллиона погонных метров продукции в год, из них: шерстяных тканей — 500 тысяч и шелковых обивочных тканей, которые начали выпускать с 1997 года, — в 1 миллион 500 тысяч.

Но само акционирование, как метод смены собственника, конечно, не мог сразу разрешить всех проблем, стоящих перед предприятием. Гиперинфляция уничтожила все оборотные средства, на плечах фабрики непосильным бременем ложилась социальная ответственность не только перед своими работниками, но и перед всем фабричным поселком. Отопление, снабжение газом, электричеством, водой, обеспечение работы канализации, детских садов, школ, клуба и других социальных объектов — все это лежало на плечах фабрики. Ее долги росли с космической скоростью. К моменту акционирования фабрика оказалась на грани банкротства.

Львиная доля акций осталась в областной собственности, но областное руководство практически самоустранилось от содержания социальной сферы, которая не вошла в план приватизации и висела огромным бременем на фабрике. Меры по оздоровлению предприятия снова по вине чиновников откладывались на будущее. Вместо того чтобы конкретно помочь мулловским ткачам, областная администрация заложила акции акционерного общества в банк под кредит, а сам кредит использовала на популистские мероприятия.

В июне 2000 года генеральный директор В. М. Гемранов написал письмо губернатору Ульяновской области Ю. Ф. Горячеву и председателю Комитета госимущества области Н. В. Фокину, в котором он обрисовывал положение предприятия. На тот момент долги акционерного общества достигли таких масштабов, после которых можно было ожидать необратимого процесса стагнации. Предприятие практически не работало, долги по зарплате росли, как на дрожжах, налоги начислялись, но не выплачивались, задолженность за газ и электроэнергию исчислялись миллионами рублей. Неработающее оборудование фабрики раскомплектовывалось и разворовывалось.

Гемранов просил в письме срочно проработать вопрос вывода предприятия из кризиса, включая проведение инвестиционных конкурсов, создание совместных предприятий или других мер. Фабрика была заинтересована в любых проектах, вплоть до выкупа на инвестиционном конкурсе пакета акций, принадлежащих областному руководству, потому что, будучи основным поставщиком сырья (шерсти) для текстильных предприятий области, была в этом кровно заинтересована.

На рубеже тысячелетий фабрика оказалась в критическом положении. Так как не было оборотных средств на закупку сырья, выработка шерстяных тканей в 1999 году за год упала на 40 процентов. Конечно, руководители фабрики не сидели, сложа руки, в частности, был заключен договор с фирмой ЗАО “ИВЛА — ОРТ” на поставку во втором полугодии 70 тонн шерсти. Под нее был подписан договор уступки долга фабрики за использованную электроэнергию, по которому ОАО “Ульяновскэнерго” продало ЗАО “ИВЛА — ОРТ” долг фабрики в сумме 840 тысяч рублей. Но фирма “ИВЛА — ОРТ” начала поставку шерсти только в начале 2000 года, и по состоянию на июнь отправила фабрике только 8,5 тонн шерсти.

Руководителям фабрики пришлось срочно переориентироваться на другие направления деятельности. Еще в 1998 году мулловское предприятие заключила договор на поставку автомобильного гобелена для ВАЗа и отправила ему 360 тысяч погонных метров этого материала. В следующем году автозавод в Тольятти получил от текстильщиков уже 1 миллион 118 тысяч погонных метров гобелена. Это позволило фабрике

сбалансировать свое финансовое состояние, снизить расходы на закупку сырья за счет давальческой продукции и закрыть свои предыдущие долги по налогам на сумму 3 миллиона рублей. То есть она избавилась от половины всех долгов по налогам, в том числе на 100 процентов по электроэнергии, на 50 процентов по газу. При этом за этот период с фабрики не был уволен ни один человек, а заработная плата увеличилась в среднем на 30 процентов и составила в среднем 600 рублей, на что было израсходовано дополнительно полтора миллиона рублей. И, что самое важное, предприятие эти деньги выплатила. Зарплата, которая в предыдущие годы не выплачивалась по 3-5 месяцев, теперь запаздывала лишь на месяц.

Фабрика стала работать, как и в прежние хорошие времена, в три смены. Рост производства за первую половину 2000 года по сравнению с предыдущим периодом составил 100 процентов, в денежном выражении — 65 процентов. Предприятие вносило стопроцентную предоплату за газ и электричество. После долгого перерыва заработало аппаратно-прядельное производство. По шерстяному ассортименту за полугодие мулловские текстильщики вышли на уровень предыдущего, 1999 года.

Начиная с начала девяностых годов, фабрика, как и большинство предприятий страны, чтобы удержать у себя рабочих, шла на такие меры, как отпуска с частичным сохранением заработной платы. Те, кто искал работу поприбыльней, уходили с фабрики навсегда, но были и такие, кто не представлял своей жизни без родного предприятия. Они-то, в основном, и брали такие отпуска. Если в первой половине девяносто девятого года таких людей было около 12 процентов, то через год эта цифра снизилась до 9 процентов, то есть в частично оплачиваемых отпусках находилось всего 16 человек. Темпы роста заработной платы на предприятии за полугодие 1999 и 2000 годов соответственно были равны 6 и 34 процентам.

Но положение на фабрике все равно продолжало оставаться серьезным. Задолженность в бюджеты всех уровней составляла около 11 миллионов рублей, во внебюджетные фонды — 7,6 миллиона рублей, задолженность за газ — 5,4 миллиона рублей, за электроэнергию — 1,6 миллиона рублей. Руководители начинают искать партнеров для привлечения в производство инвестиций, изучаются несколько проектов.

В это время фабрика остановила свой выбор на производстве текстильной обивки автомобилей для ВАЗа, от традиционных шерстяных стала переходить на полиэфирные нити и внедрять новую технологию по изготовлению дублированных тканей. Нашелся и серьезный партнер, с которым после долгих переговоров был заключен договор на работу с давальческим сырьем. С ним были установлены доверительные отношения на основе взаимной помощи и понимания ситуации. Тот же партнер приобрел небольшой пакет акций предприятия, что намного облегчило общее положение на фабрике.

С помощью партнера и представителей Мелекесской районной администрации, которые вошли в состав Совета директоров, стал решаться вопрос о передаче на взаимовыгодной основе социальной сферы в муниципальную собственность района. Передача жилого фонда и объектов соцкультбыта компенсировалась добровольной задолженностью фабрики перед районом по сметам капитального ремонта передаваемых объектов на сумму более семи миллионов рублей. И в счет погашения этого долга предприятие дало обязательство обеспечить свое долевое участие в отопление поселка. В 2001 году предприятия соцкультбыта фабрики были окончательно переданы в муниципальную собственность Мелекесского района, а это: клуб, спортзал, баня и жилые дома. Годовые затраты на содержание социальной сферы составляли в 2000 году 1 миллион 626 тысяч рублей, а за четыре месяца 2001 года — почти 200 тысяч рублей.

Следующим важным шагом, который сделали инвесторы, было возвращение пакета акций, заложенного администрацией области в кредит и арестованного судебными органами. А это составляло более сорока процентов в удельном весе уставного

капитала предприятия. Приняв участие в аукционе по продаже этого пакета, инвесторы смогли его выкупить. Теперь инвестор превратился в основного и главного акционера мулловской суконной фабрики. А это был уже другой расклад в финансовом и правовом отношении, теперь владельцы фабрики могли решать все основные задачи, стоящие перед предприятием, не оглядываясь на других партнеров.

Следующим этапом экономической политики руководства мулловской мануфактуры стало улучшение инвестиционного климата и реструктуризация всего производства, ведь изменился не только статус самой фабрики, но и спрос на основные товары, производимые им. Наряду с действующими на предприятии прядильным, ткацким и отделочным цехами было создано несколько новых производств. Во первых, закупили валяльно-войлочное оборудование и образовали цех по выпуску валяльной обуви, во вторых, организовали швейное производство, оснащенное самым современным оборудованием японской фирмы “Джуки”, на котором шили комплекты обивки и чехлы для сидений автомобилей, а также спецодежду.

Был воссоздан экспериментальный швейный цех, специализирующийся на детском ассортименте, где шили мягкие игрушки, карнавальные костюмы и различные изделия для детских комнат. И, несмотря на то что Мулловская фабрика стала вырабатывать много новых видов продукции, не оставался без внимания и традиционный для нее ассортимент одеял, пледов и шерстяных тканей. Закупили оборудование для производства жаккардовых одеял. Творчески работала группа дизайнера, постоянно обновляя ассортимент продукции фабрики, разрабатывая новые рисунки для гобелена и другой продукции.

При жесткой конкуренции в условиях рынка специалисты предприятия стали уделять больше внимания расширению и постоянному обновлению ассортимента и улучшению его качества. С целью повышения конкурентоспособности своей продукции руководством фабрики был заключен договор о консультативно-методической помощи с центром стандартизации, метрологии и сертификации в городе Ульяновске (ФГУ УЦСМС).

Постепенно фабрика стала возвращаться к цивилизованной конкуренции, становясь постоянным участником выставок-ярмарок, проводимых в разных городах, в том числе в Москве и в Казани. Мулловские участники этих мероприятий не только показывали свой товар “лицом”, но и привозили оттуда новые идеи по улучшению и расширению ассортимента своей продукции. Там же налаживались новые связи с другими предприятиями России, заключались договоры на поставку своей продукции.

ДУША МУЛЛОВКИ

Текстильная фабрика на территории рабочего поселка имеет непосредственное отношение к духовной жизни Мулловки. По материалам ульяновского краеведа Бориса Васильевича Аржанцева, который он собрал в конце Великой Отечественной войны в Государственном архиве тогдашней Куйбышевской области, кирпичная церковь с колокольной была построена на средства помещика и бригадира Григория Мельгунова в 1804 году. (Отметим эту дату — 1804 год, чтобы потом вернуться к ней). Церковь построили о трех престолах. Как писалось в поселковой газете “Земля Мелекесская”, которая выходила в 2004 году на средства местного предпринимателя Пронина Александра Викторовича, в центральной, так называемой холодной, части размещался престол в честь Рождества Христова, которая и дала название всей церкви — Христоворождественской; в правом приделе находился престол во имя иконы Казанской Божьей Матери, а в левом — во имя Святителя и Чудотворца Николая, пожалуй, самого почитаемого на Руси святого. Церковь села Мулловки подчинялась Самарской епархии Мелекесского уезда.

Но церковь была не только пристанищем души, но и светочем знаний. Советская пропаганда явно принижала роль и значение церковно-приходских школ, но это и понятно, ведь в их идеологическое оружие не входили понятия духовности и веры. В своей книге “Страницы истории” писатель М. Сударев пишет: “По переписи 1884 года умеющих писать и читать по всей волости (Мулловской) насчитывалось только 46 человек, или 2,42 процента к общему числу населения. На 1688 жителей Мулловки грамотных было 30 мужчин и 1 женщина...” Да, грамотность населения тогда была очень низка, особенно если ее сравнивать с сегодняшними днями. Но из материалов первой всеобщей переписи населения России о состоянии грамотности в Симбирской губернии от 1897 года мы узнаем, что “...численность лиц с образованием выше начального совершенно незначительна и исчисляется едва десятыми долями одного процента...” А в Мулловской волости — 2,42 процента! Все познается в сравнении.

В 1888 году при церкви была открыта первая в Мулловке церковно-приходская школа. По имеющимся данным, она не имела своего помещения и ютилась в церковной сторожке. Обучалось в ней около двадцати учеников, которые изучали не только Закон Божий, Ветхий Завет и Священную историю, но и счет и грамоту. Через одиннадцать лет для школы было построено отдельное здание — купец Марков в виде благотворительности выделил деньги на строительство деревянного здания. В 1900 году “по приговору” сельской общины в Мулловке открыли вторую церковно-приходскую школу, в которую сразу же потянулись дети.

От желающих стать грамотными не было отбою, ведь даже крестьяне стали понимать, что грамотный человек более востребован в обществе и может получить более доходное и “чистое” место. Батюшки и матушки, как называли в то время учителей и учительниц, разрывались на части, ведь места в школах не хватало, и часть детей набиралась уму-разуму в частных домах. В 1909 году в двух школах обучалось одновременно 89 мальчиков и 44 девочки. По некоторым официальным данным в том же 1909 году из этих школ со свидетельствами было выпущено 12 мальчиков и 4 девочки, которые вызывают сомнения. Ведь училища были четырехклассными, и если разделить число учащихся по выпускным периодам, то выпускников должно было быть никак не меньше 35-ти. В 1910 году в Мулловке и прилегающих селах было уже две школы грамоты, 2 церковно-приходские школы (обе в Мулловке) и одна школа при мечети (тоже в Мулловке). И в них обучалось уже 253 ученика. И это на население чуть более трех тысяч человек! А теперь еще одно сравнение. В 1917 году в Мулловке открылись две новые школы — русская и татарская. Так вот зимой 1919 года в русской школе занималось лишь 63 человека, а в татарской 20, в 1920 году — лишь 100 девочек и мальчиков. При смене режима церковно-приходские школы и школа при мечети прекратили свое существование.

А теперь снова о душе. Позже князем Трубецким была построена и часовня. Согласно материалам краеведа Б. В. Аржанцева церковный притч в 1898-1899 годах получал следующее содержание:

1) казенное: священник — 141 рубль 12 копеек в год, псаломщик — 23 рубля 52 копейки;

2) от общества (вместо хлебных сборов): священник 150 рублей, псаломщик — 50 рублей;

3) сверх того имелся капитал в 373 рублей по билету госкомиссии.

Дьякона при церкви еще не было. В 1900 году население Мулловки составляло 2263 человека (1047 человек мужского и 1216 человек женского пола), и потому, согласно указу Святого Синода, при церкви, кроме священника и псаломщика полагалось быть еще и дьякону. Была при церкви и своя библиотека.

В 1900 году ближайшие церкви располагались так: в 12 верстах в пригороде Ерыклинске — Преображенская, в 15 верстах в посаде Мелекессе — Никольская, в 12

верстах в селе Еремкино. Местный благочинный 4-го благочиния располагался в селе Суходол при церкви Богоявления Господня.

Мулловская церковь размещалась в церковной усадьбе площадью 600 квадратных саженей, огороженной забором, она владела 33 десятинами собственной пахотной земли, на которой выращивали хлеб и овощи. Дома священника и псаломщика были деревянными, с площадью застройки 150 квадратных саженей, а их усадьбы занимали три четверти десятины земли.

А как выглядело окрестность возле Мулловской церкви? А вот как: с северной стороны располагался дом купца и владельца винокуренного завода Маркова, с восточной стороны находился его сад. Между усадьбой Маркова и садом с давних пор проходила дорога в сторону села Бряндино. По этой дороге около запруды каждый год в день Богоявления Господня местными жителями совершался Крестный Ход, а в воде пруда — обряд Крещения.

При советской власти церковь, как и душа народная, государству была не нужна. Наступили времена бездуховности и, как говорили втихомолку врерующие, “бесовщины”. По всей стране снимали святые и освященные кресты, ломали и рушили народные святыни и стирали с лица земли русскую красоту. Та же участь постигла и мечети. Мулловская деревянная мечеть была ликвидирована в 1918 году, все мусульманские символы были с нее сняты, и она вплоть до пятидесятого года служила поселковым клубом.

В годы репрессий был арестован и сослан в сталинские лагеря священник Мулловской церкви Николай Дмитриевич Барсов, который был нашим одноземельцем, урожденным в 1897 году в городе Мелекесе Самарской губернии. “Тройка” осудила его на десять лет без права переписки. Дальнейшая судьба страстотерпца за русскую веру неизвестна: то ли его расстреляли, то ли он умер от голода, холода и непосильных трудов в лагере, то ли, как и многих проповедников веры, чекисты посадили его на кол или утопили в воде. Важно другое: в другое время, другими людьми Николай Дмитриевич Барсов 23 октября 1989 года был реабилитирован. Староста церкви Каштанов Григорий Иванович был раскулачен еще в начале тридцатых годов и отсидел четыре года в тюрьме. Неизвестна дальнейшая судьба псаломщика Василия Умняева.

Христоворождественская церковь, по воспоминаниям старожилов поселка Мулловка, действовала до начала пятидесятих годов двадцатого века, а потом ее окончательно разрушили. С болью в сердце и со слезами на глазах наблюдали мулловцы, как разрушали эту красоту иноверцы, потому что никто, даже атеисты из числа русских людей, не согласился ломать и осквернять свою душу. Кирпич предполагалось использовать для строительства нового заводского дворца культуры, но и здесь каждый кирпичик словно сопротивлялся антихристам — он ломался и рассыпался прямо в руках. Целый кирпич отвозили на “народную” стройку, а кучи щебня свозили на обустройство дорог и в Малинов овраг.

В последние годы, когда сменилась государственная идеология и русская церковь стала возрождаться, к религии, как к вере и к великой духовной ценности народа, интерес жителей нашей страны стал повышаться с невероятной скоростью. Всюду стали восстанавливаться, возрождаться и строиться новые храмы русской веры и души.

Не обошло это благодатное поветрие и Мулловку. Все началось в 1997 году, когда жители поселка собрались на сход и решили возродить церковь. Было написано письмо архиепископу Симбирскому и Мелекесскому владыке Проклу, и он благословил иерея Игоря Гнатишина на подвижничество. Десятилетия спустя на том же самом месте, где стояла Христоворождественская церковь, построенная дворянином Григорием Мельгуновым, стала возрождаться новая церковь, словно птица Феникс, восставшая из пепла. Как и всегда это было на Руси, строилась она на средства благотворителей и на деньги всего народа. Самый большой вклад в дело возрождения церкви внесли муллов-

ские предприниматели новой волны братья Александр Дмитриевич и Николай Дмитриевич Пронины. Они выделяли людей и давали материалы для стройки.

Но дело шло тяжело. Люди словно бы не верили, что в поселке возродится храм. Но чем выше поднимались его стены, тем больше люди верили в неотвратимое – храму быть. В 2000 году основное здание церкви было построено. “Первоначально звонницу планировали расположить в самом здании церкви, — вспоминает отец Игорь. — Но из-за ошибок в проекте планы изменились. А весной 2003 года на приходском собрании было принято решение о начале строительства новой колокольни на месте разрушенной”. Нижняя часть колокольни старой церкви была цела — вандалы так и не смогли ее до конца доломать в пятидесятом году, до того крепкой оказалась старинная кладка. Потом она служила магазинным складом, и в ней продавали керосин.

Затем было написано и оглашено письменное обращение ко всем организациям и жителям Мулловки и Мелекесского района о сборе пожертвований на восстановление колокольни. При церкви была учреждена “книга пожертвований”, в которую заносились имена жертвователей. На предприятиях Мулловки проводилась так называемая “подписка” для сбора денег, где рабочие и работники в добровольном порядке отчисляли часть своей заработной платы на строительство церкви. Большой вклад внесли ЗАО “МАТЭКО” (В. С. Гавриков), ООО “Гипократ” (В. Л. Островский), лесное хозяйство (Н. Д. Губанов), МУП ЖКХ (Ю. В. Заруба), рабкооп (Т. Н. Валева), а также димитровградские предприниматели, среди которых были В. Н. Куренков, М. И. Бобок и М. Е. Ключков. Мулловская суконная фабрика и спиртзавод помогли в приобретении колоколов, руководство спиртзавода выделяло также машины для подвозки кирпича на стройку.

Но были и такие, кто хотел быть по разным причинам безымянным жертвователем. В своей статье “Строительство колокольни — великое дело”, опубликованной в газете “Земля Мелекесская”, редактор Наталья Уколова приводит очень много любопытных фактов, в том числе и такой: во время ее беседы с иереем Мулловской церкви Игорем Гнатишиным к ним подошла женщина, которая принесла деньги на строительство колокольни и просила, чтобы об этом никто не узнал. “Боюсь, что слух дойдет до моей дочери, а она станет меня ругать”, — объяснила она. Люди не называли своих имен не только потому, что их кто-то поругает, но и из скромности, из желания не бахвалиться — ведь это дело совести человеческой, а не пиар-акция.

Интересен и еще один факт. В 1950 году, когда церковь окончательно разрушали, председателем поселкового совета была Анна Андреевна Гаранина. Вскоре после этого женщина трагически погибла — повесилась. Неизвестно, то ли это было обычным совпадением, то ли ее совесть заела и она не смогла дальше жить. Вернее всего второе предположение — как и любая женщина, имевшая детей, она не могла не встать против такой дикости, а перечить воле вышестоящего начальства не смогла. Так вот, ее племянник, полковник в отставке, проживающий в Москве, не один раз оказывал материальную помощь Мулловскому приходу, участвуя в возрождении храма Рождества Христова. Одна женщина-пенсионерка, Клемкина Валентина Васильевна, принесла в церковь старинную икону Святителя Николая Чудотворца, которая оказалась единственной сохранившейся иконой из мельгуновского храма и доставшаяся ей по наследству от матери. Намоленная веками, она стала самой месточтимой иконой среди мулловских прихожан. А сама Валентина Васильевна находится и по сей день при иконной лавке на послушании.

Церковь, как и колокольню, восстанавливали и строили мастера Сергей Дмитриевич Пронин, Владимир Веселов и целая бригада строителей. К празднику Покрова 2004 года Мулловская Христоворождественская церковь была полностью построена. В Минске были отлиты десять колоколов, и во время Великого Поста привезены в поселок. А на празднование Святой Пасхи после многих десятилетий небытия над прекрас-

ными, широкими и вольными просторами мулловской земли звонкоголосыми птицами пронесли первые праздничные перезвоны, оживляя в душах христиан благодать, радость и счастье. А кресты церковных куполов осияют древнее село Мулловку. Ведь вот как воспевают церковь силу животворящего Креста Господня: ”Крест — хранитель всей Вселенной, крест — красота церковная, крест — царёва держава, крест — верным утверждение, крест — ангелам слава, крест — бесам язва”.

Чудом удалось найти фотографию старой, Мельгуновской, церкви. Это смогла сделать энтузиаст-краевед, работница поселковой библиотеки Нина Александровна Бродская. Эта неутомимая женщина создала в библиотеке собственный музей, в котором есть даже собственная небольшая экспозиция, рассказывающая об истории села и его людях. Так вот, эту единственную, найденную на сегодняшний день фотографию церкви, сохранила для потомков жительница села Зорова Зинаида Сергеевна, а сделал эту фотографию Данилов Евгений Павлович.

Теперь о том, на чем я хотел заострить внимание в начале этой главы — это дата строительства первой церкви в Мулловке. Церковь Рождества Христова, построенная в 1804 году помещиком Мельгуновым, была не первой в поселке. По всей видимости, это была первая КИРПИЧНАЯ церковь, а до нее, на этом же или в другом месте, стояла первая мулловская церковь. Это можно с уверенностью утверждать на основании карты “Земли около города Ерыклинска”, составленной А. Извековым по приказу князя Меншикова в 1717 году. На этой карте есть значок строения с крестом наверху, что означало наличие церкви уже в те годы. Только, по всей видимости, она была не кирпичной, а деревянной. Нужно еще заметить, что церкви строили уже в ДАВНО ОБЖИТЫХ и МНОГОЗАСЕЛЕННЫХ селах. Так что с уверенностью можно утверждать, что к 1717 году Мулловка была большим селом с большим приходом. Это еще раз подтверждает версию о том, что поселок гораздо старше, чем принято это считать.

XII ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

В предыдущих экскурсах в историю мы уже упоминали о том, что на мулловских землях когда-то обитали так называемые срубные племена. Но наряду с ними здесь же жили и андроновцы. Кто же они такие и откуда пришли?

Еще два десятилетия назад никто не знал, что совсем недалеко от нас, на территории Челябинской области, в районе города Златоуста, был древний город Аркаим — современник первых египетских пирамид. Да, ученые если не знали, то предполагали, что на Южном Урале в древности обитала высокоорганизованная и древняя культура. Говорят, еще в начале восемнадцатого века в зауральские степи был отправлен казачий отряд для поисков загадочного города, но так ничего и не нашел. Андроновцы были хорошо изучены, и в науке уже сложилось достаточно четкое мнение, что главным их занятием было скотоводство, но знали они земледелие и ремесла, а андроновские поселения представляли собой лишь скопление землянок, разбросанных на некотором расстоянии друг от друга.

И вдруг, когда в 1956 году проводилась аэрофотосъемка, обнаружили какой-то странный рисунок на земле с четкими границами, который мог быть образован только искусственно, руками человека. А не древнее ли поселение было здесь? Час Аркаима пробил в июне 1987 года, когда по планам Министерства водного хозяйства чаша реки Караганки должна была стать прудом. Археологи вели плановые исследования в зоне предстоящего затопления. И тут школьники, помогавшие в работе, обратили внимание на неровности, замыкающиеся в кольца. Руководитель экспедиции Геннадий Борисович Зданович сразу узнал очертания поселения так называемого синташтинского типа. По имени ближайшей горы городу дали имя Аркаим.

После первых же раскопок стало ясно, что андроновцы, то есть древние арии, пришли на Урал, уже умея строить города. Так откуда же они пришли? Сегодня все

большее распространение получает теория, что ария-славянские племена пришли с приполярного севера, с берегов Белого океана. Город представлял собой два кольца мощных крепостных стен толщиной 4-5 метров и жилища, примыкающие к ним. Внутренняя стена образовывала детинец с 20 жилищами и центральной площадью, очевидно, ритуального назначения. Внешняя крепостная стена имела четыре входа, каждый вход в крепость отмечен мощной радиальной стеной, что делит пространство крепости на четыре сектора по 7-9 жилищ в каждом. С внешней стороны крепость окаймлялась глубоким рвом, наполненным водой, по кольцевой улице проходил водоотводный ровик.

Площадь жилищ колебалась от 50 до 300 метров квадратных. Большая их часть отводилась под общее помещение, там же был ритуальный очаг, пристенные очаги каминного типа, колодцы, металлургическая печь, лестницы на стену и крышу. По-видимому, аркаимцы-андроновцы жили большими патриархальными семьями. Они разводили крупный и мелкий скот, лошадей, выращивали злаковые культуры, им было знакомо и поливное земледелие. В радиусе 5-6 километров от города находились своего рода “полевые станы” для скотоводов и земледельцев, снабжавшие ремесленников продовольствием.

Но одним из основных занятий жителей Аркаима было производство и обработка металла. Археологи обнаружили много орудий и остатков металлургического производства, найдены металлургические печи, могильники буквально набиты предметами из бронзы, пестами, наковальнями и кусками руды. Любопытно техническое решение аркаимцев, позволяющее достигать высоких температур, необходимых для плавки металлов. Пламя раздувалось не мехами, а за счет тяги печи, которая, как известно, зависит от высоты дымо-воздушного столба. Андроновцы сумели это сделать простым и оригинальным способом: они опускали в колодец с не питьевой водой особую поддувальную трубу, наращивая тем самым тяговый столб. Построенная по этой схеме археологами печь достигла необходимой температуры плавления.

Как же выглядели андроновцы? Это были люди среднего роста (170 сантиметров), имевшие широкий костяк и крепкое телосложение, с прямым носом и типично европейскими чертами лица, у них были длинные, зачесанные назад или подстриженные “под горшок” волосы. Почему ушли андроновцы из этих краев почти четыре тысячелетия назад, неизвестно, но путь их дальнейшего продвижения прослеживается через Иран до самой Индии.

В Аркаиме было порядка 50 жилищ. Если принять среднюю численность семьи в 20-25 человек, приплюсовать стариков, оставшихся без кормильцев, сирот и странников, получается, что в городе проживало до 1500 жителей. На Южном Урале уже обнаружено более 20 укрепленных поселений, удаленных друг от друга на 20-30 километров. Это получается численность населения около 40 тысяч человек. А ведь загадочные аркаимцы-арии-андроновцы населяли и наши края. Как знать, а не ждет ли своего первооткрывателя такой же город и недалеко от Мулловки.

В СВОБОДНОМ ПЛАВАНИИ

Начиная с начала девяностых годов прошлого столетия Мулловская суконная фабрика оказалась в уникальных условиях: Госплана СССР как такового уже не существовало, и теперь предприятие было свободно в выборе поставщиков и потребителей. Если раньше предприятию навязывались потребители и поставщики, то теперь предприятие вольно было само выбирать, где и с кем работать. Фабрика стала отказываться от услуг невыгодных партнеров, она выбирала поставщиков поближе и таких, которые могли поставить более качественное и дешевое сырье для производства, что сразу же сказывалось на снижении себестоимости продукции предприятия.

Со сбытом продукции проблем не было, ввиду того, что рынок освободился от пут и диктата центра, и потому все, что вырабатывали мулловцы, продавалось, что называется, с колес. Продавали опять же не каждому, а только такому потребителю, который мог купить быстро и за оптимальную цену. Это давало возможность предприятию работать на максимальных мощностях, с хорошей выгодой для себя и своих работников.

Предприятие, по многим отзывам, хорошо и быстро вошло в рыночную экономику, оно сразу пошло в гору, экономические показатели стали улучшаться. Были времена, когда фабрика перевыполняла планы на 120 и более процентов, рабочие получали очень хорошую заработную плату. Сокращения рабочих по инициативе администрации, как на других предприятиях области, не было.

Но постепенно рынок стал насыщаться, цены на энергоносители и, естественно, на сырье стали подниматься стремительными темпами, и эта разбалансировка цен стала ощутимо давить на предприятие. И фабрика к 1995 году стала резко снижать свои производственные показатели. В этот же период сменилось и руководство фабрики: прежний очень талантливый директор, опытный экономист и снабженец Висящев Георгий Геннадиевич ушел на пенсию по болезни, а ему на смену пришел Гемранов Владимир Рафаэлевич. Мулловская фабрика, как и предприятия всей России, стала задыхаться под напором неудержного повышения цен. Экономические показатели стали снижаться, и уже к концу девяностых годов текстильное предприятие оказалось на грани банкротства. Но руководство не пошло на такой непопулярный шаг, как сокращение рабочих, понимая, что впоследствии потеря квалифицированных кадров может ввести фабрику в полный коллапс. Так как производство сильно сократилось и, понимая, что люди останутся без работы и без средств к существованию, было принято решение о переходе на неполный рабочий день, то есть вместо восьми рабочие были заняты по 4-5 часов.

В предыдущих главах этой книги уже описывался этот непростой для старейшего в Поволжье текстильного предприятия период. После проведения акционирования и с приходом на фабрику серьезных инвесторов предприятие сменило не только собственника, но и название: Мулловская суконная фабрика была преобразована в закрытое акционерное общество “Матеко”. Тольяттинский автомобильный завод стал основным заказчиком мулловской продукции. С образованием ЗАО “Матеко” от бывшей Мулловской суконной фабрики отпочковались еще несколько производств. Одно из них, получившее название общества с ограниченной ответственностью “Черемшан”, занималось дублированием суровых тканей — суровья и треплированием пороллоном, причем занималось оно этим в тесном, партнерском сотрудничестве с ЗАО “Матеко”. Но со временем основной заказчик стал предъявлять все более строгие требования к качеству продукции, которое ООО “Черемшан” обеспечить не могло. И тогда матековцам пришлось искать другого партнера.

На базе Мулловской суконной фабрики были образованы также предприятие “Дитекс”, которое занималось выпуском нетканого полотна, и общество с ограниченной ответственностью “Колибри”. Последнее занималось пошивом обивки для автомобилей и детских игрушек. Впоследствии оно не выдержало конкуренции и было присоединено к ЗАО “Матеко”. Сейчас в этом подразделении работает 30 человек, и оно занимается пошивом спецодежды, причем не в поточном режиме, а только по рентабельным специальным заказам.

Но все оказалось не так просто: продукция нового предприятия оказалась низкого качества и дорогой, она не могла конкурировать с другими поставщиками вазовцев. Чтобы снизить издержки производства, сначала нужно было устранить главного “виновника” в образовании дороговизны — котельную. Построенная по старому типовому проекту с малоэкономичным оборудованием котельная “сжирала” по полтора миллиона

рублей в месяц. Инвесторами было принято решение о строительстве новой малогабаритной котельной. После завершения этих работ издержки на паросиловом хозяйстве уменьшились в десять раз. Были предприняты и другие меры для снижения производственных затрат.

С 1998 года сотрудничество с ВАЗом было положительным и плодотворным, на Мулловской суконной фабрике происходил подъем производства обивочных тканей для автомобилей. Но после 2002 года заказчик стал расширять список своих поставщиков, стараясь создать среди них здоровую конкуренцию с тем, чтобы повысить качество продукции. Тогда на мулловском предприятии общий объем производства несколько снизился.

С 2003 года мулловцы, заботясь о своей репутации и стараясь не потерять выгодного и, главное, постоянного заказчика, стали работать над улучшением качества и привлекательности своей продукции. Была образована хорошая группа дизайнеров во главе с Мановой Татьяной Михайловной. После большой и кропотливой работы заказчику был предложен широкий спектр новых обивочных тканей. Сначала выпускали небольшие, так называемые пробные партии обивочных тканей. Следуя повышенным требованиям заказчика, предприятие внесло много собственных предложений по модернизации и повышению качества продукции, поставляемой на автоВАЗ, что укрепило связи текстильщиков с автомобилестроителями. С каждым годом объем продукции для них возрастал.

Не забывали мулловцы и о своей традиционной продукции — шерстяных изделиях. Были заключены серьезные контракты на поставку шерстяных одеял с Министерством обороны и Министерством по чрезвычайным ситуациям России. Но по независящим от предприятия причинам эти поставки были прекращены. Дело в том, что руководители Мелекесского района резко, в два раза, повысили цены на сточные воды, и так как цены на одеяла были predeterminedены контрактами и их невозможно было изменить, фабрика с 2006 года вынуждена была свернуть это производство. Правда, несколько позже цены на сточные воды были пересмотрены в сторону снижения, но это уже не могло изменить положения с выпуском одеял.

Мулловская суконная фабрика, наряду с другими предприятиями поселка, всегда была так называемым градообразующим предприятием. Это с ее помощью строились и развивались клуб, пионерский лагерь, детские сады и ясли, школы, жилье, дороги, благоустраивались улицы и парки. Чтобы интенсивнее развиваться, предприятие передало все свои социально-культурные и бытовые функции в ведение поселковой и районной администраций. Но и после этого “Матеко” не устранилось от благотворительных дел. При мулловском муниципалитете был организован фонд “Возрождение”, в который Мулловское предприятие регулярно вносит и свою лепту: в дни Победы над фашистскими захватчиками выделяется помощь фронтовикам, помогает фабрика и одиноким старикам, мулловскому клубу, больнице, для строительства колокольни мулловской церкви собирали средства среди работников, а само предприятие выделило помощь своей продукцией. Летом 2005 года предприятие впервые после октябрьской революции было освящено. На это воистину духовное мероприятие собрали всех работников фабрики. Иерей Игорь освятил рабочий коллектив и все предприятие на богоугодные дела.

Надо отдельно отметить, что ЗАО “Матеко” до сих пор работает на том самом советском оборудовании, которое было установлено при реконструкции восьмидесятых годов. Советские станки выдержали испытание временем, они оказались более практичными, более ремонтными и более долговечными и надежными, чем их “собратья” по загранице. Например, чешские ткацкие рапирные станки уже давно выработали свой ресурс и сданы в металлолом. А наши, русские, все работают. Согласитесь, не всегда мы правы, когда хвалим заграничное и хулим свое. Правда, их постоянно приходится

поддерживать в рабочем состоянии, на что затрачиваются немалые средства. Но это окупается сторицей.

Новое мулловское предприятие, ЗАО “Матеко”, наследник одного из старейших предприятий Среднего Поволжья, сначала Мулловской мануфактуры, затем Мулловской суконной фабрики, с достоинством продолжает дело Мельгунова, Трубецких, Алеева, Бахтеева и советских директоров. Оно работает стабильно и с перспективой, и дай Бог, чтобы так было всегда. Сейчас, когда время нестабильности и лихолетья проходит, так хочется, чтобы у Мулловского предприятия история не заканчивалась никогда, и она была бы более счастливой и радостной. Клио, эта мудрая муза Истории, никогда не замыкается в настоящем, она развивается как в будущее, так и в прошлое. Мы не знаем пока, что ждет нас впереди, но каждый миг, каждый час, каждый день История вписывает в свои анналы новые строки. И когда-нибудь их будут читать новые люди, новые поколения, более мудрые и более счастливые, чем мы с вами, дорогие друзья.

XIII ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

А теперь муза истории поведет нас с вами в новую и последнюю экскурсию. Она подскажет и покажет, а обитал ли кто в мулловских краях до срубных племен и андроновцев, какие люди жили здесь, чем они занимались, что внесли они в мировую цивилизацию.

Первые следы пребывания человека в нашей стране датируются 600 — 700-тысячелетней давностью, а заселение людьми Среднего Поволжья происходило приблизительно 80 тысяч лет назад. Тогда большая часть Европы была покрыта ледниками, но наши края в ледниковую зону не входили — граница ледника проходила гораздо западнее и северо-восточнее. В Самарской области найдено грубо оббитое с двух сторон ручное рубило, с помощью которого древний человек охотился на зверей, резал шкуры и мясо, выкапывал корни, кремневые охотничьи ножи, скребла, широкие отщепы и дисковидные ядрища. В одном слое с орудиями труда лежали кости мамонта и шерстистого носорога. Люди каменного века занимались охотой и собиранием диких плодов и кореньев. Жили они стадами, не имели постоянного жилья, переходя с места на место и осваивая новые территории.

Около 50 тысяч лет назад человек кроме каменных орудий использовал уже кости и рога животных, умел добывать огонь, строить примитивные жилища и шить одежду из шкур. На смену первобытному стаду приходит род, в котором сообща жили и трудились родственные по матери группы людей. Этот период вошел в историю как эпоха матриархата. Основным занятием мужчин стала охота, а женщины поддерживали домашнее хозяйство, готовили еду, шили одежду, воспитывали детей. При этом использовались более совершенные орудия труда: костяные иглы, скребла, резцы, остроконечники, проколки и другие. На территориях Ульяновской и Самарской областей исследованы многие стоянки этого периода: в самой Самаре, у поселков Кравцово и Нур, на дюне Захар Калма, на острове у села Ундоры, у села Русская Бектяшка и т. д.

В среднекаменном веке резко изменились условия климата — началось интенсивное таяние ледников, субарктический климат стал меняться на более теплый и сухой. Это происходило около 10-14 тысяч лет назад. Вместо тундровой растительности появились хвойные и лиственные леса, вместо мамонтов, шерстистых носорогов и северных оленей наши просторы стали обживать олени, лоси, медведи, кабаны, быки, лошади и другие животные, появилась водоплавающая птица и рыба в водоемах. Человек изобрел лук, одомашнил собаку — верную помощницу в охоте. Появилась другая техника изготовления орудий труда и оружия — кремневые пластинки стали вставлять в деревянную или костяную основу. Новые виды орудий и оружия позволяли охотиться небольшими группами или индивидуально, что способствовало оседлости племен. Лю-

ди стали строить более постоянные жилища в виде шалашей у водоемов. В Среднем Поволжье обнаружены десятки мезолитических стоянок людей среднекаменного века, одна из них совсем недалеко от Мулловки — у Старой Майны.

Около семи тысячелетий назад люди перешли к следующей стадии своего развития, они стали применять для изготовления орудий труда более вязкие камни — нефрит, змеевик, диорит. Возникли новые приемы обработки камня — сверление, натачивание, полировка и шлифование. Появились новые орудия — топоры долота, тесла, с помощью которых люди стали строить бревенчатые жилища и изгороди, изготавливать лыжи, сани, лодки, повозки. Гарпуны, стрелы и луки прочно вошли в обиход и стали основными средствами для добычи пищи. Важным изобретением тех времен стало изготовление глиняной посуды. Возникли примитивные прядение и ткачество, из растительных волокон диких растений изготавливались сети, одежда, мешки. Стоянки неолитического времени обнаружены у Большого Черемшана недалеко от Лебяжья и Дмитровграда. Обозначены они и в других местах нашего края и ждут своих исследователей.

На рубеже III-II тысячелетий племена Средней Волги научились изготавливать орудия из чистой меди, а позже — из бронзы. Изменения в быту и хозяйстве привели к смене матриархата патриархально-родовым строем, потому что главенствующую роль в отношениях стали играть мужчины. В связи с активными перемещениями различных племен Среднее Поволжье стало испытывать вторжение других племен. На смену так называемым волосовским племенам, которые, кроме охоты и рыболовства, занимались земледелием и скотоводством, из Среднего Приднепровья пришли уже сформировавшиеся земледельческие и скотоводческие фатьяновские племена. Они оставили свои поселения на реке Утке, Суре и Свияге. Фатьяновцы умели делать медные и бронзовые топоры, наконечники копий, шлифовальные долота, боевые топоры, различные украшения, отретушированные (то есть, подправленные) наконечники копий и стрел.

На смену фатьяновцам пришли другие племена той же среднеднепровской культуры, занимавшиеся разведением коров, быков, свиней, овец и лошадей. У них было более совершенное бронзолитейное производство, изготавливались нашивки и подвески для женской одежды из бронзы и серебра с рисунками, отличавшиеся изяществом форм. Эти племена, названные археологами абашевскими по первому обнаруженному поселению, жили в бревенчатых рубленых домах и не очень-то дружили с другими племенами, проживавшими в наших краях. Были найдены братские могилы, где похоронены люди, пораженные стрелами. Так, в одном из курганов нашли 27 убитых воинов, а в другом — 7 человек мужчин, женщин и детей.

Мы уже никогда не узнаем, что происходило на самом деле в те древние времена, но мы знаем точно, что наша культура вобрала в себя многочисленные культуры наших далеких предков. Сменялись времена, племена, народы, эпохи, которые обогатили нас и сделали такими, какими мы сейчас являемся. И далеко не все мы еще знаем о нашем прошлом. А в наших краях вокруг лежит ее величество История, в виде курганов и холмов, городищ и селищ. Мелекесская земля ими буквально нашпигована, они есть почти у каждой деревни, у каждого села, поселка и города. В том числе и у Мулловки. Не верите?

А вот как, например, дается описание мулловских владений в “Межевой книге князя Меншикова”: «... Отсюда прямо по тому ж увалу 217 сажень поставлен столб с гранью (грань означала между и межевые знаки, которые нередко нарубались на деревьях. Авт.), а от того столба по тому ж увалу до татарского городища 265 сажень, да по тому ж увалу прямо мимо того татарского городища до гранного дуба и ям межевания стольника Петра Бестужева-Рюмина, который написан у другого татарского городища у вала во рву, 258 сажень; на валу от дуба немного влево старая яма подновлена; а то городище на берегу реки старой Бушуйки в левой стороне; а от того дуба и ям через

валы того городища подле речки Бушуйки до Белоярской дороги в степь 130 сажень”. Удачных вам поисков и знакомств с историей родного края, любознательные мулловские краеведы!

ФАБРИЧНЫЙ СУНДУЧОК

Сейчас, когда рабочий поселок Мулловка, как и вся наша страна, переживают не лучшие времена, только ленивый не ругает новую российскую власть, часто слышны возгласы, что все разорили и все пришло в упадок. Не переживайте, уважаемые читатели: в России власть ругали всегда и, наверное, поделом. И в то же время без властей — старых ли, новых ли, — без Мулловской “суконки” развитие и весь облик рабочего поселка были бы совсем иными. И как знать, как бы повернулась вся его история, может быть, Мулловка так и осталась бы захолустным поселением, деревенькой с полусотней деревянных изб.

Эту главу я назвал “Фабричный сундучок”, и не зря, ведь именно за счет мануфактуры, а затем фабрики, прирастали богатство, слава и народонаселение Мулловки. С первых лет своего существования Мельгуновское предприятие давало работу, и, следовательно, средства для существования десятков и сотен семей мулловцев. Еще при князе Меншикове, а затем при Мельгунове появились первые пруды, которыми так гордятся и восхищаются все мулловцы, затем мельницы, винокуренное предприятие, конный и кирпичный заводы. Именно основатель фабрики построил в Мулловке каменную церковь Рождества Христова, которая совсем недавно возрождена на старом месте, новые здания фабрики, на основе которых была проведена первая механизация производства сукон.

При Трубецких число рабочих на фабрике было доведено почти до тысячи человек, были построены новые кирпичные корпуса и завезено новое механизированное оборудование, а для наемных рабочих стали строиться фабричные казармы. Купцы Алеевы сосредоточили все производство в одном месте, где оно находится и в настоящее время, установили паровые котлы, построили дополнительное жилье для вольнонаемных и устроили при фабрике первую больницу. При них, а так же при участии купца Маркова были открыты и построены первые церковно-приходские и светские русские и татарская школы.

И все же основное развитие фабрика и весь поселок получили в годы Советской власти. Постоянно развивалось производство, перемежаемое трудными годами Гражданской войны, голода, Великой Отечественной войны и послевоенной разрухи. После конфискации имущества у старых хозяев при фабрике был создан первый самодеятельный театр, а в доме священнослужителя Акинфеева, который бежал от красного произвола, открыли клуб, народную библиотеку и читальню. Во второй половине двадцатых годов, после возобновления работы фабрики, была открыта первая детская площадка, предвестник будущего детского сада, построена общественная баня и три флигеля на 17 квартир для работников, строился кирпичный завод. В действующей татарской мечети устроено новое помещение для культурно-просветительских мероприятий. Муллу выселили, а дом передали школе. В конце тридцатых годов фабрика построила детский сад и ясли для работников, организовали курсы техминимума.

С послевоенного периода и вплоть до перестроечных времен интенсивно развивалась вся социальная, культурная и бытовая структура рабочего поселка. И наибольшая заслуга в этом принадлежит именно Мулловской суконной фабрике. За эти годы были заасфальтированы внутрипоселковые дороги, построены два детских садика, спортивный зал со стадионом и заводской клуб со статусом дворца культуры, в котором выступали с концертами десятки знаменитостей Советского Союза, а затем и России. При дворце культуры действовали многочисленные кружки художественной самодея-

тельности, которые курировала профсоюзная организация предприятия. Был свой хор, духовой и эстрадный оркестры, танцевальные, вокальные и другие коллективы.

Часть пионерского лагеря имени Марии Мусоровой, мелекесской героини времен Великой Отечественной войны, тоже принадлежала Мулловской фабрике и содержался на кооперативных условиях с несколькими другими предприятиями, где отдыхали и поправляли здоровье учащиеся мулловских школ. При спортивном зале и стадионе работали различные спортивные секции: футбольные, баскетбольные, волейбольные, хоккейные, тяжелой атлетики, борьбы и многие другие. Причем, разных возрастных категорий — от детских и юношеских до взрослых, в которых занимались сотни спортсменов-любителей. Спортсмены участвовали в соревнованиях различных уровней: районных, областных и республиканских. Но, пожалуй, самой яркой страницей достижений мулловских спортсменов стала победа команды по хоккею с мячом “Волга — Текстильщик” в 1999 году, в которой участвовали юноши 1981 года рождения, когда она завоевала звание чемпионов России.

Во все времена фабрика оказывала существенную материальную и техническую помощь всем поселковым школам и медицинским учреждениям. Водоснабжение, центральное отопление и канализация в поселке были сделаны на средства фабрики и держались за ее счет.

По закону о разгосударствлении в девяностых годах все предприятия страны освобождались от социальных, бытовых и культурных функций, чтобы это не ложилось дополнительным бременем на всю инфраструктуру, уменьшало себестоимость продукции и не мешало заниматься непосредственно производственной деятельностью, и передавали весь социальную культуру в ведение местных, муниципальных властей. Сделала это и Мулловская фабрика.

В ведение поселкового совета был передан благоустроенный фабричный поселок с населением около четырех тысяч человек со всей инфраструктурой: газопроводом и водопроводом, канализацией, электросетями, отоплением и котельной, дорогами, магазинами и другими объектами, так необходимыми для жизнедеятельности всего рабочего поселка. Кто-то не воспринимает этой данности: вот, мол, все изменили, все разрушили, а как хорошо было раньше. Но время не стоит на месте, все движется, все меняется — и условия, и политический строй, и люди, — но одно остается неизменным: это то, что создано трудами многих поколений трудолюбивых людей, в какую бы эпоху они не жили. Свой вклад в это внесла и Мулловская мануфактура и, дай Бог, немало еще внесет.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Уже в который раз я еду в Мулловку. Раньше, в былые годы, когда мне приходилось уезжать из Димитровграда в направлении Ульяновска, это был просто обыкновенный населенный пункт, промелькнувший за окнами автомобиля или автобуса. Сейчас моя душа уже равнодушна. Прикоснувшись к истории этого небольшого, по меркам России, мулловского края, я уже не могу быть просто путешественным созерцателем. Сердце становится беспокойным, когда после выезда из города тебя с двух сторон обступает древний сосновый бор, разбавленный листвяком. И ты уже вспоминаешь, что до шестидесятих годов двадцатого века эта дорога была сущим адом для водителей, и один из жителей Мулловки, Кильман Никита Трофимович, в буквальном смысле прополз на коленях от Мелекесса до своего родного поселка, выкладывая булыжником эту дорогу.

Дорога постепенно вползает на Мулловскую гору, и перед тобой неожиданно возникает крутой спуск, зажатый с обеих сторон древними соснами. По утверждению некоторых ученых, этот спуск миллионы лет назад был правым берегом великой реки Волги. Внизу виден мост через пруд, за ним бревенчатые и каменные дома, над кото-

рыми возвышаются купола Христоворождественской церкви, которые отсвечивают свет нового дня. Маршрутка скатывается вниз, и кто-то из пассажиров перед самым мостом обязательно скажет водителю:

— Остановите у Менгулевки.

“Газель” послушно останавливается, и несколько пассажиров уходят в поселок, который расположен на правой стороне у самого берега пруда. И мне вспоминается, что в начале девятнадцатого века помещица Мельгунова незадолго до своей смерти купила у одного подмосковного разорившегося соседа деревеньку, перевела крестьян в свое мулловское имение и поселила их в двух верстах от села на берегу речки Сосновки. Потом помещица обменяла свору гончих собак, доставшихся ей от покойного мужа, еще на несколько семей и поселила их здесь же. Вот это поселение жители и назвали сначала Мельгуновкой, а потом превратили в Менгулевку. Коренные жители Мулловки прозвали этих переселенцев пригонновыми, и это прозвище превратилось затем в фамилии. Это потом будут уже Фабричны, Челноковы и другие.

Затем мы переезжаем через мост, под которым течет небольшая речушка. Это и есть речка Сосновка, у которой селились первые мулловцы и из которой они использовали воду: сначала для утоления жажды и хозяйственных нужд, затем для того, чтобы крутить мельничные жернова и валы Мулловской мануфактуры. Но для этого речушку нужно было укротить и построить на ней запруды. И мне представляется, как сотни крестьян на повозках свозили к ней землю, вбивали колья и столбы, плели из ветвей сетки и связывали фашины, чтобы перегородить эту речушку и дать воде силу напора.

Сейчас в Мулловке три пруда, которые при въезде в поселок не видны. Они составляют как бы самое главное и самое красивое водное ожерелье, украшающее все поселение. Самый верхний пруд называется Мингулевским, второй — совхозным или спиртзаводским, по месту расположения правления совхоза (увы, бывшего) и спиртзавода, бывшего винокуренного завода. Этот второй пруд мулловцы называют не иначе как Красотка или красоткинским. И не зря. Его водная гладь простирается от самых окраин Мулловки до соснового бора на противоположном берегу и напоминает изумительное по красоте высокогорное озеро, отражающее заросли камышей, кручу Мулловской возвышенности и голубое небо с летящими по нему белыми, лебяжьими облаками. Третий пруд, не менее красивый, чем первые два, называется фабричным. Это его воды два века вращали валы и турбины Мулловской мануфактуры, валяли и ткали сукна, давали пар, чесали и стригли шерсть. Она работает и сейчас, питая котельные и наполняя водопроводы. Дикие утки, гуси и красавцы-лебеди каждый год находят здесь пристанище на короткое лето.

У самой церкви маршрутка поворачивает влево и останавливается — кому-то надо выйти здесь, в центре поселка, а кто-то поедет дальше, до фабрики. А я в мыслях своих еду по Ульяновской дороге дальше. Там, всего в каких-то полтора-двух километрах стоит знак в виде верстового столба с напоминанием о том, что здесь в середине семнадцатого века проходила Заволжская засечная черта, на которой крестьяне и стрельцы оборонялись от набегов ногайских орд. Это место вместе с юными краеведами нашел и вновь открыл для потомков димитровградский краевед Феликс Дмитриевич Касимов.

А где-то ближе к Черемшану и Ерыклинску, у этой же оборонительной черты, была деревня выборных солдат Сосновка. Сосновка еще во время затопления берегов Черемшана водами Куйбышевского водохранилища “переехала” к Мулловке и стала ее неразрывной частью, так же как и село Няяновка. Располагались они где-то в районе так называемой Лысой или Арбузной горы, недалеко от Ерыклинска.

С этой горой связано древнее предание о том, что здесь будто бы стояло войско Степана Разина и на этом месте он казнил своих обидчиков — “...изменников и мирских кравапивцев”. Мулловцы называют эту гору Лысой, но в других письменных ис-

точниках она называется Арбузной. Например, в книге “Ты идешь по родному краю” автор пишет: “От Ерыклинска идем... до Мулловки. Сюда есть два пути: один — по дороге вдоль залива, у подножия Арбузной горы, через село Сосновку, другой путь — левее, через Арбузную гору, по лесной дороге...” Видимо, названия горы происходит от того, что она действительно напоминает безлесную лысину. Второе название происходит, по всей вероятности, оттого, что жители сеяли на ее склонах бахчи, где арбузы и дыни быстрее вызревали на солнце. А, возможно, это и не гора вовсе, а древний курган, под которым захоронен какой-нибудь древний воитель со всем своим войском?

Улица Красноармейская с разбитой дорогой вьется почти через весь поселок вдоль речки Сосновки до самого Фабричного пруда и до самой фабрики, разрываемая несколькими глубокими оврагами. Где-то в этих местах во время “чапанной” войны местный богач С. И. Никитин вылавливал местных большевистских активистов и убил разведчика мелекесского рабочего отряда Можелова. Партизанский отряд во главе Василия Кудрявцева и Василия Чванова ушел в леса. А потом, после обороны фабрики и изгнания из поселка белогвардейцев и чапанов, уже красные вылавливали тех самых “бандитов” и тоже их расстреливали.

А вот и клуб бывшей Мулловской фабрики, где сейчас располагается новый музей. Местные жители говорят, что этот клуб наполовину возведен из кирпича разрушенной церкви. Чуть дальше, на взгорке, стоит памятник мулловцам, погибшим во время Великой Отечественной войны, а рядом с ним старое двухэтажное деревянное здание, построенное полвека назад, в котором размещались первый и последний музей Мулловской суконной фабрики и музыкальная школа.

Ниже памятника расположен (или располагался?) парк, прежде самое любимое место отдыха мулловцев, заложенный после войны. Здесь когда-то была лесенка, которая вела через тенистые аллеи к берегу пруда, где можно было полюбоваться стаями плавающих уток, гусей и лебедей, а то и просто искупаться или позагорать на песчаном пляже. Прежде здесь до позднего вечера, в будни и праздники, кипела жизнь: плавали среди кувшинок на лодках, взятых на лодочной станции, рыбачили, прыгали с вышки в воду, на скамеечках сидели пожилые люди и вели беседы о своем житье-бытье, катались на качелях, танцевали на площадке под духовой или эстрадный оркестры, читали, играли в шашки и шахматы, смотрели кино. А зимой катались с горки на санках, на лыжах и коньках.

Увы, всего этого уже нет. Парк запущен и похож на нищего с протянутой рукой: нет ворот, калитки, изгороди, цветников, качелей, танцплощадки, маленького домика, где жила когда-то хранительница парка тетя Настя. Сейчас здесь “царствуют” козы и коровы, пьяницы и наркоманы, кучи мусора и гаражи. Но не верится, никак не верится, что это великолепное место так и останется запущенным. Так было веками: что-то строилось, потом разрушалось, потом снова возрождалось... Уверен, что еще придет время “собирать камни” и найдутся люди, которые благоустроят и украсят парк, отремонтируют дороги и построят новые прекрасные дома, как еще совсем недавно построили церковь.

А вот и фабрика. Ближе к пруду видна старая водонапорная башня, построенная князьями или прежними хозяевами, в забор встроена длинная стена старинной кирпичной кладки, которая, очевидно, когда-то была частью цеха или склада. А там, в низине, перед широкой зеленой площадкой стоит современное белое здание, в котором размещается управление новой фирмы “Матекко”.

Вот я стою на гребне возвышенности недалеко от рабочего поселка, на том самом месте, где когда-то проходила засечная черта. Отсюда Мулловка видна, как на ладони. А мое воображение уносит меня в далекое прошлое этой прекрасной и древней земли. Тысячелетия назад, в ледниковую эпоху, здесь жили первобытные племена, которые охотились на мамонтов и шерстистых носорогов. Они учились жить и выживать

в суровых условиях. Затем люди древнекаменного века изобрели лук — первое орудие для охоты, приручили собаку и слепили первую посуду, выплавили первый металл и вспахали первый клочок земли.

По этим землям ходили савроматы, срубные и фатьяновские племена, селились загадочные андроновцы, которые построили древний город Аркаим. Здесь кочевали гунны, скифы, финно-угоры и мадьяры. Сюда пришли древние болгары, предки поволжских татар. Здесь проводили завоевательные походы первые русские князья и топтали степные травы орды Чингисхана, Батыея и хромого Тимура. После присоединения Казанского ханства к России по мулловским землям гуляли вольницы Стеньки Разина и Емельки Пугачева.

После основания села Мулловка вдоль речки Сосновки ходили первые хозяева этой земли, присматривавшиеся, как бы лучше устроить пруды и где лучше поставить мельницу. Здесь вдоль первых улиц мчались на пролетках поручик Мельгунов, который завел первую мануфактуру, князь и княгиня Трубецкие, купцы Алеевы, Марковы и Алеевы. Здесь жили и работали люди — крепостные, крестьяне, рабочие, очень разные по взглядам и характерам, но все трудолюбивые и любящие свой родной край. Здесь живем сейчас и мы...

Жизнь продолжается, а, стало быть, продолжается история, продолжается, пока живут люди и пока жива их память, пока у них есть стремление к лучшему и светлому. До свидания, Муза Клио, спасибо, что ты провела нас по своим интересным и непростым дорогам. Твори Историю дальше, а мы, люди, постараемся выучить все твои уроки и не повторить прежних своих глупостей...

ХОЗЯЕВА И ДИРЕКТОРА

Хронологический перечень владельцев и руководителей
Мулловской суконной фабрики с 1785 по 2006 годы.

1785-1820 годы — Мельгунов Степан Григорьевич, помещик, поручик лейб-гвардии Преображенского полка, основатель Мулловской мануфактуры.

1820-1829 годы — Мельгунова Екатерина Алексеевна (урожденная Дурасова), помещица.

1830-1838 годы — Мельгунов Петр Степанович, отставной поручик, помещик.

1838-1853 годы — Мельгунова Екатерина Петровна, малолетняя дочь покойного П. С. Мельгунова. До 1853 года фабрика находилась под управлением опекунского совета.

1853-1857 годы — Трубецкой Иван Петрович, князь, муж Мельгуновой Е. П.

1857-1874 годы — Трубецкая Екатерина Петровна (урожденная Мельгунова), княгиня, вдова князя Трубецкого.

1874-1904(?) годы — Алеев Хасан, купец второй гильдии.

1904-1911 годы — братья Алеевы Гаяс и Хусаин, Торговый дом и директория.

1911-1918 годы — “Торговый дом С. Ш. Бахтеев с сыновьями”, владелец фабрики Сарезетдин Бахтеев, управляющий Измаил Бахтеев.

Ноябрь 1918-февраль 1919 годов — национализация предприятия и передача его в ведение Совета народного хозяйства, избрание правления, в состав которого вошли бухгалтер Л. Титов, механик В. Гриченко, заведующий фабрикой Абдрахман Валеев.

1924-1926 годы — Кривенков М. П., директор фабрики во время ее закрытия.

1926-1927 годы — Васильев Мефодий Арсентьевич, исполняющий обязанности директора после возобновления работы фабрики.

1927-? годы — Висков В. М., директор.

1935-1937 годы — Болкунов А. К., директор, репрессирован.

С военных лет по 1959 год — Стригальщиков Г. П., директор, осужден.

1959-1962 годы — Висящев Владимир Николаевич, директор.

1962-1963 годы — Лабордин Г. М., исполняющий обязанности директора.

1963-1974 годы — Висящев Владимир Николаевич, директор.

1974-1978 годы — Козлов Александр Петрович, директор.

1978-1982 годы — Гемранов Владимир Рафаэльевич, директор.

1982-1984 годы — Санатуллоев Амир Шайдуллоевич, директор.

1984-1986 годы — Васильев Георгий Геннадиевич, директор.

1986-1988 годы — Дубинин Николай Васильевич, директор.

1988-1995 годы — Васильев Георгий Геннадиевич, назначен директором решением Совета трудового коллектива.

1995-2004 годы — Гемранов Владимир Рафаэльевич, директор.

С 2001 года — Романов Дмитрий Александрович, генеральный директор.

ЗАО «МАТЭКО»

2001 – 2004 Гавриков Василий Степанович, исполнительный директор

ЗАО «МАТЭКО»

С 2004 года — Никитин Евгений Александрович, исполнительный директор

ЗАО «МАТЭКО».

ДИАГРАММА

выпуска продукции Мулловской суконной
фабрикой с 1785 по 1999 годы.

1786 — около 1500 аршин суровья;
1798 — около 3000 аршин каразеи;
1812 — 2600 аршин суровья;
1828 — 12000 аршин сукна;
1847 — 32000 аршин сукна;
1850 — около 30000 аршин сукна;
1860 — 88740 аршин сукна;
1863 — 153000 аршин сукна;
1878 — 250000 аршин сукна;
1913 — 220000 аршин сукна;
1916 — 850000 аршин сукна;
1919 — 700000 аршин сукна;
1926 — 487000 метров сукна;
1930 — 1 млн. 6,2 тысячи метров сукна;
1932 — около 800000 метров сукна;
1941 — 1 млн. 58,5 тысячи метров сукна;
1942 — предполагалось выпустить 1 млн. 420 тысяч метров;
1945 — около 790000 метров сукна;
1950 — 1 млн. 212 тысяч метров сукна;
1960 — 2 млн. 33,2 тысячи метров сукна;
с 1961 по 1965 годы — около 10 млн. метров;
1967 — 2 млн. 766 тысяч метров сукна;
1968 — 2 млн. 946 тысяч метров;
1969 — более 3 млн. метров;
1990 — 2 млн. 841 тысяча метров;
1995 — 496 тысяч метров;
1998 — 360 тысяч погонных метров гобелена;
1999 — 1 млн. 118 тысяч погонных метров гобелена.

Примечания: с середины восьмидесятых годов основным показателем фабрики считалось не количество произведенного, а количество проданного продукта. Данные за последние годы не приводятся ввиду конфиденциальности информации. Один аршин равен 0,71 метру. (Авт.)

СПИСОК

литературы, использованной автором при написании этой книги.

- Былое. Приложение к журналу “Родина”. М. №№ 1-2, 3-4, 5,6. 1996.
- Всемирная история. Т. 1-4. Государственное издательство политической литературы. М., 1956-1957.
- Гордеев В. Бери да помни (Мелекесские истории). Димитровград. Издательство “Посад Мелекес”, 2000.
- Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773 — 1774 гг. Издательство “Наука”. М., 1975.
- Ермолаев А. Д. Ты идешь по родному краю. Приволжское кн. изд. (Ульяновское отделение), 1968.
- Земля Мелекесская. Независимая газета. Номера 1-9, 2004.
- Знамя труда. Мелекесская районная газета. Подшивки газеты. 1950 — 2006.
- История отечества. XX век. Учебное пособие для общеобразовательных школ. “Дрофа”. М., 1995.
- Касимов Ф. История Мелекесса и его окрестностей (Очерки по истории Среднего Поволжья). Изд. “Поинт”. Димитровград, 1996.
- Касимов Ф. Между Камой и Черемшаном (Очерки по истории Среднего Заволжья). Ульяновск. “Симбирская книга”, 1992.
- Край Ильича. Памятные места Ульяновска и области. Приволжское книжное издательство, Ульяновское отделение. 1980.
- Край самарский. Учебное пособие по историческому краеведению для учащихся 7 — 8-х классов средней школы. Куйбышевское книжн. изд. 1984.
- Край симбирский. Краткий исторический очерк. Приволжское книжное издательство. 1989.
- Кузминский Н. А. Край наш родной. Учебное пособие для учащихся VII — VIII классов Ульяновской области. Приволжское книжное издательство (Ульяновское отделение), 1975.
- Мономах. Журнал. Ульяновск. “Печатный двор”. № 4(15), 1998.
- Пономарева Н. Родной край Ильича. Книга для внеклассного чтения по историческому краеведению для учеников 4-х классов Ульяновской области. Приволжское книжное издательство (Ульяновское отделение), 1976.
- Прошлое нашего края. Документы и материалы по истории Симбирского края с 1648 по февраль 1917 годов.
- Пушкин А. С. Дубровский. Капитанская дочка. “Худ. лит”. М., 1978.
- Россия и мир. Учебная книга по истории. Ч. II. Изд. “Владос”. Москва, 1994.
- Рыбаков Б. А. Мир истории. М. Молодая гвардия, 1984.
- Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси. XIV — XVI вв. “Наука”. Сибирское отделение. Новосибирск, 1991.
- Сударев М. Страницы истории. 175 лет Мулловской суконной фабрике. Ульяновское книжное издательство. 1963.
- С любовью трепетной... Антология. Путешественники, писатели и поэты о Симбирском — Ульяновском крае. Издательство “Корпорация технологий продвижений”, 2005.
- Текстильщик. Газета парткома, фабкома и дирекции Мулловской суконной фабрики Мелекесского района Ульяновской области. №№ 1 — 181. 1967 — 1970.

Чудеса и приключения. Литературно-художественный журнал — альманах приключений, путешествий, научных гипотез и фантастики газеты “Экономика и жизнь”. № 3, 1995.